

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОРЬБА

КЛАССОВ

237/0
№ 9

СЕНТЯБРЬ

1 9 3 4

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4-й год издания

Д. Баевский

БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ

ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

1914—1918 гг.

Рождение войны буржуазия окружает тайной. Подготовка к войне ведется под прикрытием лицемерных фраз о разоружении, о новых соглашениях о всеобщем мире. Выполняя социальный заказ буржуазии, социал-демократия усыпляет рабочих декларациями против империализма и милитаризма «вообще» (отечественного империализма она не касается). Другим способом демобилизации масс перед лицом надвигающейся опасности войны является заверение оппортунистов, что «на войну мы ответим стачкой». Ленин неоднократно разоблачал их. Он говорил, что за подобными заявлениями, если они являются просто ребяческой глупостью, скрывается социал-предательство.

Социал-демократия на объявление войны 1914 г. ответила 4 августа, датой, когда совершился открытый переход оппортунистов и центристов II интернационала на сторону буржуазии. Союз с генеральными штабами, обеспечение командованию и капиталистам нормальной работы на предприятиях и гражданского мира в стране — вот что провозгласили «деловые люди» II интернационала, предоставляя «Иудушке» — Каутскому — высказывать благочестивые пожелания о скорейшем наступлении мира и восстановлении Интернационала, который-де — «инструмент мира» и не больше.

Левые в начале войны находились в состоянии растерянности. Если из их среды и раздавались голоса протеста, то это были голоса одиночек. Ни одна левая группа или организация, ни один орган левых не имели четкой позиции и не сказали рабочим, как им надо бороться против империалистической войны.

Большевики были единственной партией, которая дала образец революционного интернационализма. Опыт большевизма в годы империалистической войны сейчас имеет для нас особый интерес, особое значение, так как теперь «международное положение носит характер кануна новой мировой войны»¹. Сейчас буржуазия вынуждена вступить на путь, чреватый величайшими опасностями для капитализма, на путь войны, которая «наверняка развяжет революцию и поставит под вопрос само существование капитализма в ряде стран»².

Война не может «автоматически» привести к революции, тем более к победе основанной революции. Здесь все решает умение пролетариата использовать кризис, созданный войной. «Победа революции никогда не

¹ Тезисы XIII пленума ИККИ.

² Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии, стр. 10.

приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать. А подготовить и завоевать ее может только сильная пролетарская революционная партия»¹.

Почему в результате первой империалистической войны мы имеем победоносную пролетарскую революцию именно в России? Потому, что здесь была единственная в то время сильная пролетарская партия, партия большевиков.

Научиться нелегально работать, создать нелегальную организацию для работы против войны — об этом Ленин не раз твердил западноевропейским левым в 1915—1916 гг. И в 1922 г. в связи с Гаагской конференцией он снова предложил раз'яснить представителям иностранных рабочих организаций, что единственно возможным способом борьбы против войны является «сохранение и образование нелегальной организации для длительной работы против войны всех участвующих в войне революционеров»². Сейчас уже в ряде стран, в том числе в Германии и Японии, имеются прекрасные боевые подпольные организации коммунистической партии, а в 1914 г. единственной партией, ведшей с первых дней войны нелегальную антивоенную работу, была партия большевиков.

Большевистский ответ на объявление войны

Не успели еще высохнуть расклеенные повсюду объявления о всеобщей мобилизации, как в ряде городов России появились большевистские прокламации с лозунгом «Война войне». В Петербурге, например, такие прокламации вышли в середине июля и в начале августа за подписью петербургского

комитета РСДРП (большевистского). В Москве прокламация за подписью руководящего комитета московской и окружной организаций РСДРП была подготовлена к выпуску, но не выпущена, так как ее захватила полиция (речь идет о прокламации 31 июля³, написанной А. А. Сольцем). Но, кроме Петербурга и Москвы, в период июля — октября 1914 г. (т. е. до появления манифеста ЦК) выступили против войны еще следующие организации: бакинская (20—21 июля), екатеринославская (в момент мобилизации), костромская (19 июля за подписью «Группа служащих»), киевская (в 20-х числах июля), харьковская (23 июля), самарская группа с.-д. (20 октября), уральская группа (23 июля). Эти прокламации попали в дело департамента полиции и перепечатаны или упоминаются Шиловым в книге «Памятники агитационной литературы РСДРП». Т. VI. Вып. 1-й. 1923 г.

В первый же год войны, 1914—1915, «ленинцы,— как об этом сообщает полицейский обозреватель,— выпустили в наиболее крупных своих центрах (как-то: Петроград, Москва, Харьков, Киев, Тула, Кострома, Владимирская губ., Самара) значительное количество революционных воззваний с требованием прекращения войны, низвержения существующего правительства и устройства республики»⁴. Это говорит о том, что и в наиболее трудное время работали нелегальные большевистские организации и из подполья велась борьба против войны.

Но большевики умели по-революционному использовать и легальные возможности, в особенности с трибуны Государственной думы. Большевистская фракция в Думе, в лице тов. Бадаева, заявила представителям печати уже в первые дни войны: «Мы, думские большевики, будем бороться против войны, сколько будет у нас на то сил и возможностей»⁵.

Фракция не только выступила с этим смелым заявлением, но и на деле начала борьбу против войны.

Предоставив депутатам-меньшевикам вместе с Керенским болтать в Думе о защите «родной земли и культуры», большевистские депутаты развернули нелегальную антивоенную работу на фабриках и заводах, в промышленных центрах.

После «исторического» заседания Госу-

¹ Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии, стр. 13. Разрядка моя. — Б.

² Ленин. Собр. соч. Т. XXVII, стр. 373.

БОЕВУЮ АКТИВНОСТЬ МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, ПРЕВРАТИЛИ В ПОДПИСАНИЕ ВОЙНЫ

Депутат Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

Николай Александрович Бадаев, член Государственной Думы от Самарской губернии, член Государственной Думы, член Государственной Думы

³ Здесь и ниже даты по старому стилю.

⁴ Дело департамента полиции. Особый отдел, № 5 за 1915 г., л. 193.

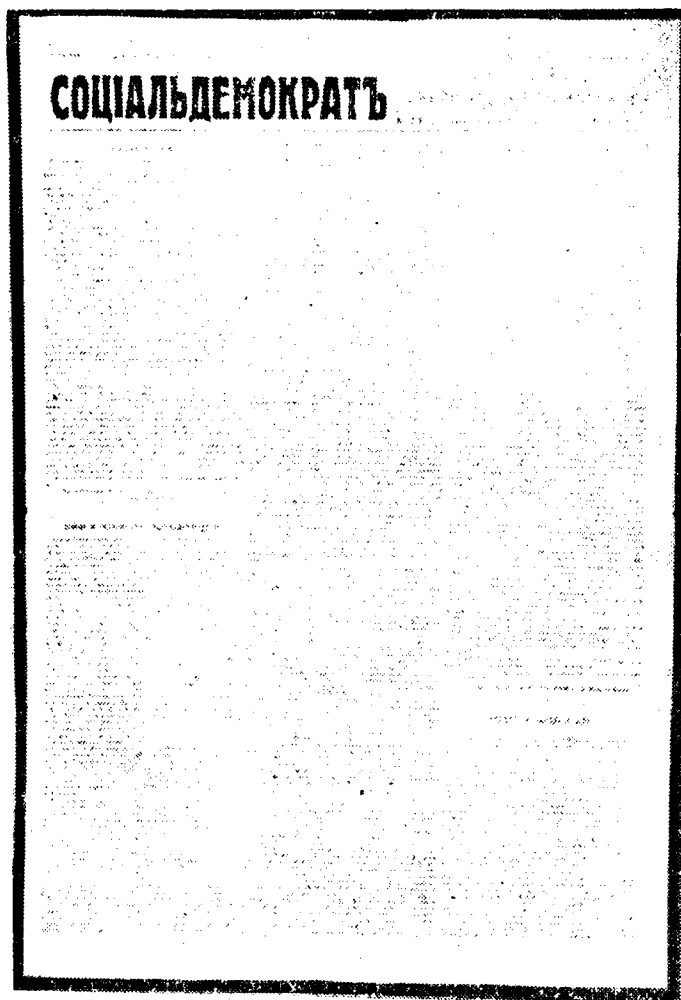
⁵ «Красная летопись» № 1 (10) за 1934 г., стр. 96.

дарственной думы, 26 июля 1914 г., большевики-депутаты поехали на «летние каникулы» к своим избирателям рабочим. Тов. Бадаев, освободившись от следивших за ним шпииков, отправился в Поволжье, а оттуда — в Баку уже не в качестве «неприкосновенного» депутата, а как подпольный партработник, едущий по заданию ЦК для установления связи с местными организациями. Побывав в ряде городов и выполнив задание, он вернулся в начале сентября в Петербург, где принял участие в подготовке и проведении нелегальных партийных совещаний 30 сентября и 1—4 ноября 1914 г.

Другой депутат, большевик тов. Муранов, в июле 1914 г. объехал Поволжье и Урал, он побывал в следующих рабочих центрах: в Перми, Мотовилихе, на Лысьвенском заводе, на ст. Чусовой, на Надеждинском заводе, в Екатеринбурге, на Верхисетском заводе, в Нижнем Тагиле, на Колатинском заводе, на Невянском заводе, в Тюмени, Челябинске, Златоусте, на Миньярском заводе, в Уфе, Самаре, Сызрани и Саратове. Муранов связал ЦК с рядом партийных организаций, создал несколько ячеек на уральских заводах, провел нелегальные массовки, помог большевикам Самары взять в свои руки газету «Заря Поволжья». Большую часть этой работы он проделал еще до объявления мобилизации. Г. И. Петровский объездил ряд организаций Донбасса и Украины. Шагов побывал в Костромской губ. (Родники и др.). Самойлов по возвращении из Швейцарии поехал в Иваново-Вознесенск, где познакомил партийную организацию со взглядами ЦК на войну.

Позиция ЦК, сформулированная в манифесте ЦК, напечатанном в № 33 «Социал-демократа», была одобрена всеми большевиками и близкими партии передовыми рабочими. Она встретила возражения со стороны Л. Б. Каменева, который был несогласен с лозунгом поражения. Каменев позорно вел себя во время суда над большевистской фракцией Государственной думы (он был арестован вместе с депутатами-большевиками 4 ноября 1914 г.), заявив перед царскими судьями, что он несогласен с ЦК и солидарен с социал-патриотом Иорданским. Ленин в передовой № 40 «Социал-демократа» от 29 марта 1915 г. прежде всего отмечает эти оппортунистические шатания и небольшевистскую позицию Каменева, а затем показывает, в чем всемирно-историческое значение суда над депутатами-большевиками.

Этот суд развернул еще невиданную в практике социалистического движения кар-

№ 33 «Социал-демократа» 1 (14) ноября 1914 г., в котором опубликован манифест ЦК против войны, написанный Лениным.

тину революционного использования парламентаризма.

«Парламентаризм парламентаризму рознь. Одни используют парламентскую арену, чтобы подслужиться к своим правительствам, или, в лучшем случае, умыть руки, как фракция Чхеидзе. Другие используют парламентаризм, чтобы оставаться революционерами до конца, чтобы исполнить свой долг социалистов и интернационалистов в самых трудных обстоятельствах»¹.

В то время как меньшевики ответили на объявление войны голосованием за кредиты 4 августа и «честной» работой на министерских постах, большевики несмотря на арест своих депутатов усиленно вели нелегальную работу против войны. И это подготовило превращение империалистической войны в победоносную пролетарскую революцию.

Большевики и „защита отечества“

Вопрос о «защите отечества» стал перед каждым рабочим, перед каждым трудящимся в начале войны. Вся политическая и военная

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 211—212.

Альберт Тома и ген. Корнилов обходят войска. Галицийский фронт. 1917 г.

машина буржуазии была приведена в действие, чтобы заставить каждого идущего на фронт и остающегося в тылу высказаться за защиту отечества. Социал-демократы помогали буржуазии обосновывать необходимость «защиты отечества» подтасованными цитатами из Маркса.

В 1914 г. большевики были единственной партией, занявшей последовательно марксистскую позицию по отношению к войне.

Эта позиция была сформулирована в манифесте ЦК РСДРП, опубликованном в № 33 «Социал-демократа» 1(14) ноября 1914 г., «Война и российская социал-демократия», написанном Лениным.

Манифест ЦК начинается характеристикой современной войны как войны империалистической: «Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, раз'единение и националистическое одурачивание рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата— таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»¹.

Основной вывод из этой оценки: нужна борьба против империализма и предавшего рабочий класс социал-шовинизма. II интернационал окончательно перешел в лагерь

буржуазии, надо начать борьбу за III интернационал.

Центральный лозунг борьбы, данный Лениным в манифесте ЦК, — это лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Большевики не отрицают войну «вообще», они против войны империалистической, против «защиты отечества» в империалистической войне. Ленин вскрывает всю лживость утверждений социал-шовинистов, что данная война для таких стран, как Англия, Германия, Франция, Россия, является войной «оборонительной», «справедливой» и т. п. Но в то же время он пишет: «Если бы завтра Марокко объявило войну Франции, Индия — Англии, Персия или Китай — России и т. п., это были бы «справедливые», «оборонительные» войны, независимо от того, кто первый напал...»².

Итак, Ленин считал, что рабочие могут и должны поддерживать войны колониальных и полуколониальных стран против империалистических держав как «справедливые».

У рабочих нет отечества, пока у власти стоит буржуазия, у рабочих есть отечество, есть родина, когда к власти приходит пролетариат.

СССР — не только наше отечество: оно отечество всех пролетариев, всех угнетенных, всех борцов за пролетарскую революцию.

Меньшевики, которые теперь активно участвуют в подготовке интервенции против

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 61.

² Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 194.

Думская фракция большевиков перед отправкой в Сибирь. Слева направо: гг. Петровский, Мурапов, Бадаев, Самойлов и Шагов.

Советской России, были сторонниками «защиты отечества», когда Россия была царской, когда она была отечеством помещиков, фабрикантов, банкиров.

С первых же дней войны меньшевики заняли оборонческую позицию. Они обратились к рабочим с призывом стать на защиту царской России во имя «свободы и справедливости». «Российский пролетариат, — писали меньшевики, — подобно пролетариату других стран, также заинтересован в защите своей страны от внешнего врага и в сохранении ее целостности, независимости как гарантии ее будущего свободного развития»¹.

В ответ на меньшевистский призыв встать на защиту отечества большевики говорили рабочим: «Мы не имеем отечества, нам нечего защищать. В этой стране, которую называют нашим отечеством, все незаконно, если оно исходит от богатых.

Здесь убивают рабочих за то, что они требуют себе самое необходимое. Здесь работающих в принудительном порядке углекопов мобилизуют и обращают в каторжных, ибо они лишены права оставлять по своей воле работу»².

Большевики не только в прокламациях звали рабочих на борьбу против этой империалистической войны, но и по каждому конкретному вопросу последовательно проводили линию: никакой поддержки

правительству и войне. Когда перед рабочими стал вопрос, надо ли помогать сборами семьям запасных, большевики, обсудив его на совещании 30 сентября — 1 октября 1914 г. под Петербургом, вынесли следующее решение:

«Рабочий класс не может ни в каком виде поддерживать правительство и войну. Эта позиция решительного отрицания всякой помощи войне должна сказаться как в отказе во всяких налогах в Думе, так и в отрицании всяких сборов в пользу войны: будь то через правительственные или буржуазные учреждения»³.

Так большевики ответили на вопрос о поддержке войны. Когда выносилось это решение, у партии было еще мало возможностей ознакомить рабочие массы с позицией партии по вопросу о войне. Рабочие массы впервые широко познакомились со взглядами большевиков на войну и на лозунг «защиты отечества» осенью 1915 г., в ходе кампании выборов в рабочие группы военно-промышленных комитетов. Эти рабочие группы должны были обеспечить сотрудничество рабочих с буржуазией вокруг «обороны страны». Меньшевики призывали рабочих посылать своих представителей в военно-промышленные комитеты. При этом они говорили подчас, что рабочие группы нужны не только для «защиты отечества», но и для организации сил рабочего класса как новая «легальная возможность».

Большевики, умело используя «легальные возможности», решительно высказались против участия в военно-промышленных комитетах. «Мы против участия в военно-про-

¹ Из проекта наказа меньшевистской группы думской социал-демократической фракции («Памятники агитационной литературы». Вып. 7-й, стр. 145).

² Из прокламации, обнаруженной при аресте члена Северной группы в Москве (январь 1916 г. Сборник «Тверская и Северная группы», стр. 148. «Московский рабочий». 1930.

³ «Красная летопись» № 1(10) за 1914 г.; стр. 104.

мышленных комитетах, помогающих вести империалистическую, реакционную войну. Мы за использование выборной кампании, например, за участие в первой стадии выборов только в агитационных и организационных целях»¹ — такова была директива партии.

Выборные собрания рабочих большевики широко использовали для агитации против участия в военно-промышленных комитетах, против поддержки войны. Особое значение имела выборная кампания в Петербурге. Она всколыхнула рабочую массу, поставив ее перед решением вопроса, за или против «защиты отечества». Несмотря на то что охранка старалась «из'ять» большевиков, выборы на общегородском собрании дали следующие результаты: из 198 избранных 60 было большевиков, ликвидаторский народнический блок имел 81 чел. и 57 чел. было беспартийных. На крупнейших предприятиях Петербурга прошла резолюция ПК большевиков против участия в военно-политических комитетах. В числе их (по данным департамента полиции) были: Путиловский завод, завод Парвизайнен, «Новый Леснер», Франко-русский, Эриксон, «Скороход», «Вулкан»

¹ «Социал-демократ» № 47 от 13 октября 1915 г.

«Окопная правда». С картины П. Скаля.

и др. Близкая к партии резолюция («Мы за отказ от выборов в ЦВПК, если не будут удовлетворены требования свободы слова и т. п.») прошла на заводах «Старый Леснер», Барановского, Айваз, Нобель, Дифлон, «Треугольник» и др.

На общегородском избирательном собрании, где представители ПК изложили позицию партии, большевистская резолюция получила 95 голосов, а меньшевистская — 81. Выборы в первую рабочую группу военно-промышленных комитетов произведены были на вторичном собрании, созванном на основании открытого письма—доноса Гвоздева в газете «Рабочее утро» о том, что по мандату рабочего Кудряшева прошел представитель ПК.

В Самаре на всех крупных предприятиях города победили большевики, меньшевики имели успех лишь среди части рабочих мелких предприятий. Меньшевики победили в общегородском масштабе лишь благодаря тому, что по «избирательному закону» и мелкое предприятие в 20 чел. и крупный завод в 1000 чел. посылали по одному представителю. Как глубоко пораженческая агитация большевиков пустила корни в Самаре, видно из информационного сообщения начальника самарского губернского жандармского управления о ходе выборного собрания 25 октября 1915 г. у рабочих-булочников. Вот что оно сообщает:

«Из числа рабочих-булочников высказывались: Петраков, Минаев, Горбунов, Журавлев и Самовольников, которые категорически настаивали не входить в военно-промышленный комитет и не делать помощи тому правительству, которое страну сковывает по рукам и ногам. В своих речах рабочие-булочники произнесли несколько следующих фраз.

Оратор Минаев: «Нам в военно-промышленном комитете делать нечего, так как там сидят одни только мерзавцы да помещики, и мы пойдем только тогда, когда вооружение будет передано в руки рабочих»².

Пораженческая работа большевиков дала свои плоды.

Борьба большевиков за превращение империалистической войны в войну гражданскую

Поражение царского правительства способствовало развитию революционных сил

² Дело департамента полиции № 347 за 1915 г., л. 73, 74.

и превращению империалистической войны в войну гражданскую. Лозунг поражения вытекал из основного, генерального лозунга партии этого периода, данного Лениным в развернутой форме в манифесте ЦК. В заключительной части манифеста Ленин так формулирует позиции партии по отношению к войне:

«Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или в иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом»¹.

В письмах к Шляпникову², написанных в октябре, ноябре 1914 г., Ленин разъясняет, почему лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую есть единственно правильный лозунг. «Эпоха штыка, — пишет он, — наступила. Это — факт. Значит, и таким орудием надо бороться»³. Революция не может быть безоружной. Империалистической войне пролетариат должен противопоставить войну гражданскую. «Умные буржуа передовой страны, — говорит Ленин, — за мир (конечно, ради усиления капитализма)», а пролетариат должен «использовать войну для ускорения краха капитализма»⁴. Поэтому пролетариат должен отмежеваться от мелких буржуа и вести «борьбу за свои цели, а это и есть гражданская война»⁵.

Большевики не ограничились тем, что они сказали рабочим: «Мы против войны». Против войны выступали и пацифисты. Центристы (в том числе и Троцкий) сделали своим знаменем борьбу за мир. К лозунгу «Борьба за мир» скатывались и многие левые. Некоторые из них были подобно Хеглунду «наивными антимилитаристами» (Ленин) и проповедывали разоружение (или, как

Очередь за сахаром в Петрограде во время империалистической войны.

говорил Ленин, «безоружную революцию»). Немногие подобно Либкнехту пришли к выводу, что «главный враг — в собственной стране», что нужен лозунг «Не гражданский мир, а гражданская война». Ленин добивался того, чтобы левые высказывались за массовые революционные действия и на деле стали застрельщиками и организаторами выступлений против империализма. Революционные массовые действия во время войны в своем развитии с неизбежностью ведут к превращению империалистической войны в войну гражданскую.

Говоря о необходимости «систематической, неуклонной подготовительной работы», ведущей к превращению империалистической войны в войну гражданскую, большевики сами дали образцы такой работы. Конкретизируя лозунг гражданской войны, бернская конференция заграничных секций РСДРП 27 февраля — 4 марта 1915 г. в своих решениях записала:

«Как первые шаги по пути превращения современной империалистической войны в гражданскую войну надо указать: 1) безусловный отказ от вотирования кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с политикой «национального мира» (bloc national, Burgfrieden); 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братанья солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще»⁶.

Мы уже видели, как большевики проводили в жизнь первые три пункта решений конференции. Всем памятно, как большевики в

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 66.

² А. Г. Шляпников, будучи одним из руководителей работников бюро ЦК в России, не стоял на последовательно марксистско-ленинской позиции по вопросу о войне и проявил примиренчество в группе Бухарина—Пятакова.

³ Лен. сб. II, стр. 207.

⁴ Там же, стр. 207, 208.

⁵ Там же, стр. 207.

⁶ Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 126.

1917 г. организовали братанье солдат на фронте.

Большевикам чужда была идея пассивного сопротивления войне, сопротивления путем «бойкота», «саботажа», отказа от ношения оружия, отказа от вступления в армию, дезертирства, и т. п. Сейчас методы пассивного сопротивления стали излюбленными методами всех реформистов, от Ганди до Отто Бауэра. «Не саботаж войны, не отдельные индивидуальные выступления в таком духе, а массовая пропаганда (не только среди «штатских»), ведущая к превращению войны в гражданскую войну»¹, — так писал Ленин 17 октября 1914 г.

И местные большевистские организации, оторванные в это время от своего заграничного центра, проводили ту же ленинскую линию. Например в Петербурге в начале войны среди арестованных большевиков и эсеров шли споры о том, как противодействовать войне. Эсеры предлагали дезертировать и оказывать пассивное сопротивление. Большевики отстаивали необходимость пойти в армию, чтобы потом повернуть оружие против своего классового врага².

Большевики мобилизовали массы на борьбу против конкретных бедствий, порожденных империалистической войной, связывая эту борьбу с конечной целью — уничтожением порождающего империалистические войны капитализма.

Нужна, говорил Ленин, борьба против «сегодняшней» дороговизны, сегодняшней военной опасности или теперешней войны»³, только она, эта борьба, позволяет «подрубить корни современного общественного строя, не только в теории, не только вообще, а и на практике, непосредственно, теперь же»⁴. По этому пути и пошли в своей практической деятельности большевистские партийные организации в России.

Наиболее яркой иллюстрацией этой работы является агитационная и организационная деятельность ПК большевиков в связи с борьбой против дороговизны. Дороговизна, «продовольственный вопрос», непосредственно затрагивающие интересы масс и приобретшие в годы войны исключительную остроту, привлекли к себе внимание всех партий. Кадеты старались решить «продовольственный вопрос», не затрагивая интересов ни помещи-

ка, ни помпадур-чиновника, пуще всего боящегося «общественности». Большевики и эсеры помогали им в этой «плодотворной деятельности» в Думе, в Земгоре, в городских управах и прочих буржуазных организациях, выдвигая в качестве всепасающего средства кооперацию.

Большевики, не отказываясь от использования кооперации, вели в ней борьбу с крохоборчеством меньшевиков, перенеся центр тяжести своей работы на заводы, организуя здесь продовольственные комиссии, которые являлись одной из форм организационного закрепления растущего влияния партии.

ПК составил инструкцию партийным работникам об организации этих комиссий, а бюро ЦК выпустило тезисы-резолюцию по продовольственному вопросу, в которых говорилось, что только «революционной борьбой за удовлетворение своих классовых требований пролетариат всех воюющих и нейтральных стран приблизит конец войны между народами. Только таким образом может рабочий класс ослабить продовольственный кризис и тем самым предотвратить полное вырождение, угрожающее надолго ослабить его классовую силу. В этой борьбе он восстановит международную солидарность».

«На митингах, — писал далее ПК в своей инструкции, — мы должны указать массам, что вопрос о дороговизне тесно связан с борьбой за демократическую республику и скорейшее прекращение войны. что всякие меры, направленные к мирному разрешению вопросов о дороговизне (кооперация, таксификация цен, организация дешевых столовых, раздела продуктов по заводам и т. п.), дают слишком ничтожные результаты и по существу своему неспособны разрешить вопрос в целом...»

Связывая «продовольственный вопрос» с коренными вопросами современности, с борьбой за свержение власти буржуазии, большевики указывали в инструкции на необходимость «в процессе революционной борьбы масс создать тот организационный центр, который в момент революции мог бы стать органом революционной власти. Первым шагом по пути создания такого органа послужит организация заводских комиссий»⁵.

Агитация за создание комиссий, по данным охранки, велась большевиками в Царвском, Московском, Петроградском и Выборгском районах. В октябре 1915 г. в связи

¹ Лен. сб. II, стр. 195.

² Воспоминания тов. Киселева в журнале «Пролетарская революция» № 7 (30) за 1924 г., стр. 531.

³ Лен. сб. XVII, стр. 113.

⁴ Там же, стр. 111.

⁵ «Красная летопись» № 5 (20) за 1926 г., стр. 125.

с забастовкой на заводе «Феникс» через аппарат продовольственных комиссий созвано было собрание представителей крупных заводов, на котором было вынесено решение — призвать рабочих поддержать фениксовцев забастовками в случае неудовлетворения требования о прибавке зарплаты в связи с ростом цен.

Движение солидарности было сорвано арестами, с одной стороны, и политикой меньшевиков — с другой. Меньшевики поддерживали правительство и предпринимателей в вопросе о восстановлении института фабрично-заводских старост¹, на которых они могли бы опереться, и противодействовали созданию по инициативе большевиков продовольственных заводских комиссий.

В Москве, например, где большевики успешно вели борьбу с меньшевиками в профсоюзах, на расширенном заседании правления московского профсоюза металлистов 11 июня 1915 г. развернулась борьба вокруг вопроса о введении института фабрично-заводских старост, причем «большевики доказывали, что институт старост, назначение которого — улаживание конфликтов между рабочими и предпринимателями, затормозит развитие забастовочного движения, является своего рода холодным душем для рабочих. Между тем в настоящее время необходимо стремиться к увеличению забастовочного движения для подготовки в нужный момент всеобщего выступления рабочих»².

Стачка в Иваново-Вознесенске летом 1915 г., закончившаяся расстрелом рабочих, началась как движение, направленное против дороговизны, и рабочие выдвинули требование таксации цен на продукты питания.

Мобилизация масс на борьбу против войны в связи с борьбой против дороговизны успешно проводилась и в ряде других рабочих центров. Большевики, возглавив ряд стачек, способствовали перерастанию их из экономических в политические. Такая забастовка произошла на Брянском заводе, в Бежице, быв. Орловской губ. (теперь Западная область), в марте — мае 1916 г. Ближайшим поводом к забастовке послужило оставление зарплаты на прежнем уровне, в то время когда рабочие не были обеспечены продуктами по ценам, ниже рыночных. За-

бастовка прошла исключительно организованно благодаря руководству большевистской организации.

Вместе с тем это было движение не только против дороговизны, но и против попыток милитаризации промышленности, и в этом отношении оно было тесно связано со стачечным движением в Петербурге в феврале и марте 1916 г.

Толчком к широкому протесту против милитаризации послужила стачка на Путиловском заводе 5 февраля 1916 г., в результате которой свыше 2 тыс. путиловцев было отправлено на фронт³.

Массовые отправки стачечников на фронт, в запасные батальоны, увеличивали революционные силы в армии, помогали сближению рабочих и солдат и приближали момент превращения империалистической войны в войну гражданскую. Одним из моментов работы большевиков по созданию смычки между рабочим и революционным движением в войсках являются события в Петрограде 9 и 10 января 1916 г. Накануне 9 января ПК большевиков обратился с прокламацией к солдатам и матросам, в которой призывал не подчиняться приказам правительства, когда оно пошлет солдат против демонстрантов. Как ответили солдаты на этот призыв, можно судить по следующим фактам, сообщаемым в нелегальном большевистском органе «Социал-демократ». На Выборгском шоссе рабочие встречали моторные обозы, везшие солдат. Происходил дружеский обмен приветствиями. При виде красных знамен солдаты снимали шапки и кричали: «Ура! Долой войну!» 10 января на Б. Самсониевском, в тысячной колонне демонстрантов было 300—400 солдат. Полиция держалась осторожно. Демонстрация длилась более часу⁴. Еще более знаменательные события произошли во время стачечных выступлений в Петербурге в октябре 1916 г. В это время на одной только Выборгской стороне бастовало свыше 200 тыс. рабочих. Когда бастующие рабочие завода «Новый Лесснер» вышли на улицу и их принялась разгонять полиция, то увидевшие это из казармы солдаты 181-го полка повалили забор и вместе с рабочими начали избивать полицейских, обратившихся в бегство. Все это были предвестники февральских дней 1917 г., когда было покончено с русским самодержавием.

Эти факты говорят сами за себя. Они разоблачают «историков» вроде Шляпникова,

¹ Этот институт был одной из «курых» реформ и уступок правительства под давлением революции 1905 г. Институт старост был введен законом 1906 г.

² Дело департамента полиции № 347 за 1916 г. Отношение начальника московского охранного отделения № 129137 от 19 июня 1916 г.

³ Подробнее см. ст. Мительмана в этом же номере. — Ред.

⁴ «Социал-демократ» № 53.

пытавшихся доказать в угоду Троцкому и меньшевикам, что февральский переворот произошел стихийно.

Ленин, неутомимо следивший за событиями в России в феврале — марте 1917 г., сумел вскрыть истинные движущие силы первого этапа первой революции, рожденной империалистической войной. В февральском перевороте Ленин видел первое всемирно-историческое событие, подтверждающее правильность лозунга большевиков «превращения империалистической войны в войну гражданскую». «Когда наша партия, — писал Ленин перед отъездом в Россию, — выставила в ноябре 1914 г. лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую войну», угнетенных против угнетателей, за социализм, этот лозунг был встречен враждой и злобными насмешками социал-патриотов, недоверчиво-скептическим, бесхарактерно-выжидательным молчанием социал-демократического «центра». Теперь, после марта 1917 г., только слепой может не видеть, что этот лозунг верен.

Превращение империалистической войны в гражданскую становится фактом»¹. Февральская революция была началом конца империалистической войны, началом ее превращения в победоносную пролетарскую революцию и гражданскую войну за социализм.

Октябрьская революция 1917 г. блестяще подтвердила ленинский прогноз, данный в начале войны 1914 г. И эта победа пролетариата, победа ленинизма, была результатом большой работы партии, ее верных сынов, ее крепких организаций.

Сейчас, накануне второго тура войн и революций, на братские компартии ложится большая и ответственная задача — своей «настойчивой, неуклонной подготовительной работой» в направлении превращения империалистической войны в войну гражданскую обеспечить новое торжество ленинизма, новую победу тех, кто борется под знаменем Маркса, Ленина, Сталина.

¹ Лен. сб. II, стр. 404.

БОЛЬШЕВКИ И АРМИЯ

НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В процессе подготовки пролетарской революции огромное значение имеет вопрос об армии. Масса вооруженных рабочих и крестьян являлась и является той силой, без завоевания которой на сторону пролетарской партии немислимо превращение империалистической войны в войну гражданскую. Поэтому партия уделяла всегда и особенно в период мировой войны значительное внимание работе в армии.

Опираясь на сравнительно тонкий слой рабочих, участников революции 1905 г., и рабочих-«правдивистов» (читателей «Правды»), пошедших в армию, партия в самом начале войны восстанавливает свои военные организации. А там, где не существовало этих военных организаций, устанавливаются связи с одиночками-солдатами, бывшими рабочими, распространяются листовки и даются устные разъяснения по поводу тактики во время войны.

Особая военная организация была восстановлена при петербургском комитете РСДРП(б). Она вела работу среди солдат петроградского гарнизона и поддерживала связи с другими городами и флотом. В Балтийском флоте партия имела опорные ячейки на целом ряде судов.

Большевики вели работу среди солдат в Москве, Харькове, Киеве, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Саратове, Самаре, Царицыне, Екатеринбурге, Твери, Смоленске, в некоторых городах Сибири и на Кавказе. Особенно интенсивную работу развернула революционная социал-демократическая партия на Северном фронте, в Риге и ее окрестностях.

Позиция пораженчества и лозунг братанья определяли конкретное содержание борьбы солдат против войны, за революцию.

Братанье должно было стать одной из форм противопоставления воли масс воле командующих классов и отправным пунктом перехода солдатских масс на путь гражданской войны, свержения самодержавия и завоевания социализма.

Поэтому Ленин особенно часто и настойчиво подчеркивал необходимость развивать и укреплять братанье, пропагандировать эту идею в широких массах вооруженных рабочих и крестьян.

Как же все эти лозунги доходили до солдатской массы, и какое они получили превращение в ее революционной практике?

Ответ на это дает анализ настроений и поведения солдат в 1914—1917 гг.

1

Царская армия была точнейшим сколком социально-экономического строя страны. Во главе армии, за небольшими исключениями, стояло бездарное командование.

Массу армии составляли солдаты, муштровкой и свирепой дисциплиной доведенные до положения автоматов: класс крепостников-помещиков не мог иначе руководить армией. Армейский режим являлся наиболее ярким отражением диктатуры власти имущих. По своему положению агента западноевропейского империализма царизм не мог иметь армии, осуществляющей самостоятельный стратегический и тактический план.

Царская Россия являлась «величайшим резервом западного империализма» еще в том смысле, что именно ее армия должна была поставлять миллионы бойцов для защиты интересов западного империализма. Между царским правительством и правительствами Западной Европы существовала сделка, по которой взамен золота и хозяйственно-технической поддержки Россия обязалась поставлять миллионы жизней рядовой солдатской массы.

В первый период после мобилизации вооруженные массы рабочих и крестьян двинулись на фронт, находясь под влиянием шобинистической агитации. Все расчеты строились на том, что противник будет быстро сокрушен и что война кончится через три—четыре месяца. Но уже первые бои по-

казали, что сломить противника нелегко и что русская армия обречена на тяжелые поражения и неудачи.

Обязательства, взятые царским правительством перед французским империализмом, заставили русскую армию предпринять наступление сразу на двух фронтах: Австрийском и Германском. Расчеты строились на том, что русская армия отвлечет силы противника, наступающего против Франции. В боях на Югозападном фронте русские одержали вначале даже ряд побед над австрийскими войсками, но на Германском фронте уже в 1914 г. Россия потерпела значительные поражения. В боях 26—30 августа была разгромлена армия Самсонова, 13 сентября фактически было покончено с армией Ренненкампа. Попытка русских войск снова развить наступательную тактику привела к упорным боям на Висле и к отступлению немцев в Познани и Силезии. Русское командование предполагало развернуть вторжение внутрь Германии, но прежде чем наступление было начато, инициатива перешла к немцам, 22 ноября наступление немецких войск достигло высшей точки, и 6 декабря русские войска оставили Лодзь.

Ценой огромных жертв царская армия оттянула силы противника и спасла Францию от разгрома. С этого времени в течение всего 1915 г. Восточный фронт становится ареной активных боевых операций, а на Западном наступает некоторое затишье. Союзники получают возможность дать отдых войскам и запасти оружием для дальнейших боевых операций. Русские же, понеся огромные поражения, продолжают участвовать в боевых действиях, испытывая при этом огромный недостаток вооружения и снарядов. Кроме того надо учесть, что царская армия отставала от армии противника во всем, начиная от использования последних достижений науки и техники и кончая системой обучения и боевой подготовки каждого солдата. Солдаты уже в 1914—1915 гг. были обречены на голодание, терпели нужду в самом необходимом: одежде и обуви, а самое главное, ощущали недостаток снарядов и вооружения.

Против прекрасно подготовленного и вооруженного врага приходилось сражаться чуть ли не голыми руками. В период активных боевых действий русская армия испытывала острый недостаток винтовок, патронов и снарядов. Считают, что к августу на фронте было до 30% безоружных. В ответ на артиллерийскую канонаду противника

русская артиллерия или вовсе молчала или отвечала отдельными выстрелами.

В итоге — новый разгром царской армии и затяжка войны. В боях 24 мая — 2 июня немцами был взят Перемышль, 22 июня русские потеряли Львов, 4 августа русские очистили Ивангород и Владимир-Волынский, в ночь на 5 августа была оставлена Варшава, 16 — Ковно, 19 августа сдался Новогеоргиевск (где одних пленных немцы взяли до 80 тыс. чел.), 22 — Оссовец, 26 — Брест-Литовск, Олита и, наконец, 2 сентября — Гродно. Потери людей и территорий были колоссальны. На Югозападном фронте только за 4 мес. русские потеряли до полутора миллиона человек.

2

Поражения 1915 г. тяжело подействовали на страну и армию.

Слова «измена», «предательство» стали самыми популярными в тылу и на фронте.

И если в результате поражений буржуазия заговорила об измене и о необходимости поднять боевую мощь армии, то среди солдат фронта и в широких массах пролетариата и крестьянства тыла эти поражения вызвали острейший интерес к вопросу о смысле и целях войны. Даже самые отсталые солдаты стали задумываться над тем, что ожидает их и чем могут быть оправданы те лишения и жертвы, на какие обрекает их война. Начало расти недовольство армейским режимом. Этому способствовал бурлящий и беспокойный тыл. Рост дороговизны, усиленная эксплуатация, каторжный режим на предприятиях, уничтожение рабочих организаций и жесточайшие полицейские репрессии — все это не могло не вызвать мощного отпора со стороны пролетариата.

Многочисленные стачки мощной волной разлились по стране.

Активная антивоенная работа большевиков, проводимая под лозунгом превращения войны империалистической в войну гражданскую, и революционная борьба пролетариата оказали огромное влияние на солдат фронта. Не только тысячи находящихся в армии рабочих, но и многомиллионная масса вооруженных крестьян стали понимать, что надо использовать все методы и пути для прекращения войны, обрушившей на плечи трудящихся тяжелый груз лишений и уничтожающих их здоровье и жизнь. Наряду с горькими сетованиями по поводу

совершенно неудовлетворительного снабжения фронта винтовками, снарядами, питанием и одеждой и упадочными настроениями в связи с поражениями появляются обостренное внимание к событиям в тылу и нащупывание форм борьбы против затянувшейся войны. К самому вопросу о войне или мире солдаты начинают подходить не только с точки зрения хода военных операций на фронте, сколько с точки зрения того, как это отзовется на всей стране.

«Здесь всех теперь интересует не театр войны, а Петроград. Судьба войны решается там, т. е. будет успех наш или нет», — пишет солдат в августе 1915 г. в Москву.

Внимание солдат привлекает деятельность Государственной думы. На сообщения о «беспорядках» в тылу они реагируют чрезвычайно остро, причем их беспокоит вопрос о том, как ведут себя войска. «Меня интересует: войска стреляли в народ или нет? Полиция, — чорт с ней, а вот войска как?.. Если войска опять начнут свои усмирения, то это будет очень плохо». И характерный штрих: «Войска с позиций в своих не стали бы стрелять»¹. Такие строки принадлежали, конечно, представителям авангарда солдатской массы — представителям рабочей прослойки. Но постепенно эти настроения захватывали все более широкую массу армии.

Недовольство затянувшейся войной находило выход в быстро растущем числе случаев сдачи в плен и в дезертирстве. Цензор Московского военного округа в своем обзоре от 12 сентября 1915 г. писал: «Встречаются довольно часто указания на добровольную сдачу в плен большими партиями: «При мне в нашем полку более 1000 сдалось...», «У нас из одного полка ушло в плен 1500 чел. без боя, ушло и их начальство».

Но в 1915 г. выявилась новая форма подрыва войны — братанье с противником. Братанье, или, по официальной терминологии, «сношения с противником», было зарегистрировано уже в октябре 1915 г. Так например 31 октября 1915 г. командование одной из армий Югозападного фронта сообщало о том, что командиру 8-го корпуса приказано принять строжайшие меры к прекращению сношений наших войск с противником. Это было вызвано сообще-

нием о братанье наших войск с австрийскими в районе Дубно².

В день рождества попытка братанья была предпринята со стороны солдат 35-го пехотного Брянского полка. Солдаты купили белого хлеба и упростили ротного командира написать по-немецки записку — поздравление по случаю праздника. То и другое было вынесено и положено впереди окопов, причем солдаты знаками давали понять немцам, чтобы те не стреляли. Те с благодарностью и с поклонами забрали хлеб и записку, а потом начали плясать под музыку (мандолину), на которой играли в русском окопе. Потом немцы бросили нашим солдатам яблоки, папиросы и баклажку вина³. Переговоры между русскими и немецкими окопами, пляски и танцы немцев, когда русские играли на гармонии, учащались. «Они не стреляют в нас, и мы тоже не стреляем»⁴, — пишет солдат по этому поводу. Это было проявлением стихийной тяги к миру и началом ломки «дисциплины мертвого подчинения солдат своим офицерам».

3

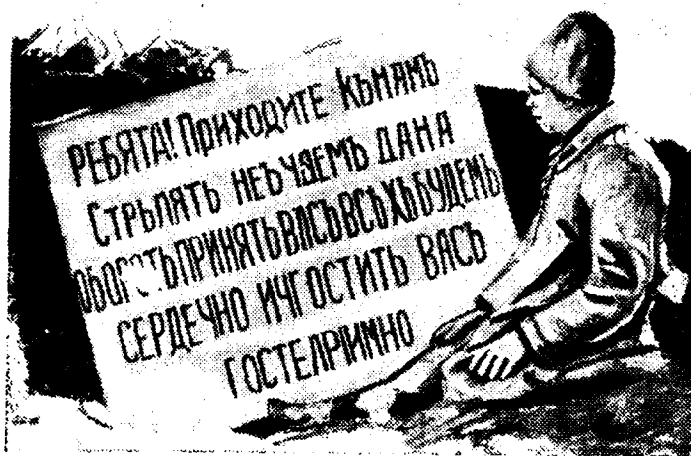
1916 год, к середине которого Ленин относил начало перелома в мировой войне, внес в поведение солдат русской армии новые черты.

Это был год бурного роста революционного брожения в армии. Показателем этого подъема являются возросший интерес к происходящему на Французско-английском фронте и на отдельных фронтах русской армии, проявление интенсивной тяги к ми-

² ЦВИА, д. № 25—899, л. 139.

³ ЦВИА, д. № 25—921, л. 100—101.

⁴ ЦВИА, д. № 25—921, л. 115.

Германский плакат. Приглашение русских солдат в германские окопы.

¹ ЦВИА, д. № 25—899, л. 112.

ру, упорное убеждение в том, что победы на фронте не будет и что окончание войны придет из тыла, напряженный интерес к происходящим в тылу событиям и в частности перенесение центра внимания с выступлений в Думе на забастовки рабочих и на «бабьи бунты», а самое главное, новая практика борьбы солдат против войны. В этом смысле для фронта 1916 г. наиболее характерны два явления: массовые отказы от выполнения приказов о наступлении и массовые братанья.

Год, как известно, начался поздравительной телеграммой Николая II, оповещавшей солдат о том, что мира не будет, пока враг не будет изгнан с русской территории. Эта телеграмма произвела удручающее впечатление на солдат. Естественным ответом на нее явились взрыв ненависти против войны и обострение стремления к миру.

Даже цензоры вынуждены были заговорить, что «так или иначе, но война сказывается и нельзя отрицать некоторых признаков утомления ею».

Солдаты очень живо обсуждают в письмах разгром Черногории и ее неизбежную капитуляцию, дошедшие до них сведения о княгине Васильчиковой и ее миссии (попытка переговоров о сепаратном мире с Германией), упорное сопротивление французов под Верденом, поражение в Румынии и взятие Бухареста, взятие Эрзерума (в феврале), общие успехи наших войск в Малой Азии, победы английского флота над немецким, и т. д. Но все это рассматривается под углом зрения только того, насколько то или иное событие приближает или отдаляет дело мира. В первые месяцы 1916 г. один из рядовых цензоров Югозападного фронта довольно ярко выразил настроение солдат: «Энтузиазма не видно... Молчаливое, тягостное ожидание мировой катастрофы и судьбы родины»¹.

Но эти настроения не были господствующими в течение всего 1916 г. Русское командование в конце марта отдало приказ о наступлении. Успехи на Западном и Северном фронтах в конце 1915 и начале 1916 г., занятие Луцка в июне 1916 г. вселили в солдат надежду на победоносное и скорое окончание войны. С подъемом и готовностью шли солдаты на жертвы. Они думали, что эти жертвы последние и что они немедленно принесут победу и мир.

«Ничто так не радует, как сознание, что

каждая победа приближает конец этой ужасной войны»², — писал в это время один из солдат фронта.

С большим удовлетворением солдаты сообщали в тыл о том, что ими взяты десятки тысяч пленных, десятки и сотни пулеметов и орудий. Солдаты были особенно довольны действиями русской артиллерии.

Но победы над австрийцами были куплены дорогой ценой. 17 июля австрийцы начали переброску своих военных частей с Итальянского фронта, а вскоре на помощь им пришли германцы. Потери русских войск достигли колоссальных размеров. 35 дней «победоносных» боев Брусилова привели к потере убитыми, ранеными и попавшими в плен до полумиллиона человек, на Западном фронте за 7 дней июля в районе севернее Барановичей погибло 80 тыс. солдат, на Северном фронте, в боях под Ригой, 3—9 июля было потеряно 15 тыс. После поражений и отступления русских из Галиции солдаты приходят к выводу о полной бесполезности жертв, приносимых ими.

«Дела наши незавидные, бьет чортов герман, ничего нельзя ему сделать, укрепился очень хитро, и на каждые 5 чел. пулемет»³, — пишет один.

«Сколько раз шли в атаку и выпнать неприятеля не могли, ну что положили народу, то не могу вам описать. Нам не пережить эту войну, погибнуть придется»⁴, — пишет другой.

Цензоры в октябре 1916 г. снова вынуждены отметить, что настроение в армии по сравнению с предыдущим годом значительно понизилось.

Почти 50% писем проникнуто тяжелым, подавленным настроением, вызванным затяжкой войны.

В центре внимания солдата — исключительно события в тылу и новая практика борьбы против войны. Все чаще солдаты говорят о том, что от разговоров в Государственной думе толку мало, а в письмах усиленно интересуются, верны ли слухи о забастовках рабочих и «бабьих бунтах» (продовольственных беспорядках). Одна мысль, одно желание у солдат: «постарайтесь-ка вы, оставшиеся, прекратить эту великую бойню народов»⁵.

Но как прекратить ее? Выход был один — революция. И если об этом не всегда гово-

² ЦВИА, д. 25—923, л. 279.

³ ЦВИА, д. № 25—924, л. 748.

⁴ Там же.

⁵ ЦВИА, д. № 25—922, л. 104.

рилось прямо и всеми, то большинством это понималось, а в сознании других незрело. Цензоры сообщали, что изменилась рубрика писем с «недозволенными сообщениями». Раньше в эту рубрику попадали письма с указанием мест стоянок, сведений о передвижении частей, потерь на фронте, теперь стали прибавляться письма, содержание которых носило политическую окраску. Вот образец такого письма:

«Мы уже третий год боремся. За что? За свободу, и она должна быть, а никак не крепостничество...»¹.

Солдаты лижут о том, что война должна быть окончена, что после войны неизбежны смуты у нас и в других странах, что правительству не одобровать, что враг не впереди, а за спиной, что пора беднякам порвать цепи, сковывающие их, что надвигаются великие события, и т. д.

Конечно, в политически насыщенных письмах звучал голос авангарда прежде всего пролетарской и бедняцко-крестьянской прослойки солдатской массы, но значительно поднялась активность и широкой солдатско-крестьянской массы.

«Где наша земля? Спросите каждого солдата, и он вам ответит, что служил до войны у какого-либо помещика и для пропитания своего зарабатывал кусок хлеба, а теперь за их барскую жизнь ставь свою голову под неприятельский меч...

Кто больше страдает в эту пагубную войну, не наш ли брат? Кого больше погибает, не нашего ли брата, страдающего в настоящее время, а также (страдавшего) в прошедшее?..

От чистого сердца сознаю, что почти все солдаты стремятся попасть в плен, особенно в пехоте, и если высшее правительство не улучшит положения бедного крестьянина, который может спасти Россию от унижения, то славившаяся дорогая родина останется униженной навсегда. Почему наша Россия осталась в таком плохом положении? А потому, что наше правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову. Давно пора покончить с этим делом. Тогда только русский воин не будет сдаваться в руки противнику, когда его жизнь будет обеспечена»².

Это письмо было направлено для опубликования в газете. В письмах же к родным

солдаты писали: «Податей и сборов не платите». Официальная переписка того времени свидетельствует, что отказы от платежей, по советам солдат, были в деревне настолько частым явлением, что 25 мая 1916 г. военный министр потребовал от ставки, чтобы офицеры особо старательно разъясняли солдатам недопустимость таких советов родным.

Но самыми значительными и замечательными для 1916 и 1917 гг. (вплоть до Февральской революции) явлениями были братанье и отказы солдат от выполнения приказов о наступлении.

«У нас новости такие: солдаты не хотят идти наступать потому, что его нельзя никакими силами взять»³, — пишет один в октябре 1916 г.

Официальные данные подтверждают сообщения солдат об отказах идти в бой и о выступлениях их с требованием окончить войну и улучшить их общее положение.

Уже в конце 1915 г. сообщалось по штабам фронтов о том, что появился новый вид антивоенных настроений солдат: целыми полками они разбегаются с позиций в те моменты, когда нужно идти в атаку и когда идет артиллерийский обстрел. Отмечены массовые случаи: солдаты стараются ранить себя в палец, в щеку, с тем чтобы попасть на санитарный поезд, а потом домой. В результате такой агитации бежали два полка, вынудившие сняться с места артиллерию и затруднившие действие других полков, принимавших участие в атаке.

Но если вначале солдаты, боясь ответственности, кое-как прикрывали свои поступки, то чем дальше, тем более открыто начинают они подчеркивать свое нежелание воевать на фронте. Русский в своем отношении от 8 февраля 1917 г. писал командующему XII армией генералу Радко-Дмит-

³ ЦВИА, д. № 25—925, л. 122.

Братанье на Русско-германском фронте.

¹ ЦВИА, д. № 222—554, л. 10.

² ЦВИА, д. № 25—908, л. 293—294.

риеву о том, что во время последних боев имели место не только случаи уклонения, но даже прямого отказа солдат некоторых полков идти в бой. Такие случаи имели место в войсковых частях 2-го сибирского армейского корпуса, в 14-й сибирской стрелковой дивизии, а признаки таких же настроений давали себя знать в частях 21-го армейского корпуса и в 7-м сибирском армейском корпусе.

Открытые выступления и отказы идти в бой на почве недостатка продовольствия и недовольства затянувшейся войной имели место на Северном, Западном, Румынском и Южном фронтах.

В окопах находили «самодельные» листовки и плакаты против наступления, отдельные батальоны организованно стали отказываться даже от выхода на позиции. Такой случай имел место в декабре 1916 г. в 17-м сибирском стрелковом полку 5-й стрелковой дивизии и в Одоевском полку 56-й дивизии 34-го корпуса.

Солдат в тылу все чаще подчеркивает свою солидарность с революционными рабочими в тех случаях, когда правительство требовало от него безоговорочного «исполнения долга»: разгона и разгрома стачечников и демонстрантов.

Солдаты запасных частей гарнизонов Москвы, Петрограда и других городов стали сотнями вливаться в колонны демонстрирующих рабочих, выступавших с протестом против войны и другими политическими требованиями. Эти первые совместные выступления рабочих и солдат находили самый сочувственный отклик на фронте и способствовали революционизированию армии. Новая волна братанья явилась естественным следствием этих настроений. Мы уже упоминали выше, что начало братанья относилось еще к 1915 г. В 1916 г. новая и притом более массовая попытка братанья имела место на Австрийском и Германском фронтах на пасху, в апреле 1916 г. Солдаты противных лагерей в течение 2—3 дней не вели перестрелки. Сходились группами, угощали друг друга «естными» припасами и папиросами.

«Как-то чудно было: вмиг стихли раскатные выстрелы орудий и неугомонная трескотня ружей и пулеметов; люди, закаленные враги, повыходили из своих нор, гордо подошли друг к другу и подают братскую

руку... Как-то не хочется верить, что они завтра будут искать случая лишить жизни друг друга»¹, — писал один солдат в апреле 1916 г. «После такого гостеприимства очень скверно будет воевать»², — писал второй.

Командование обоих лагерей всполошилось. Братанье было запрещено под угрозой военно-полевого суда. Начальство немедленно затеяло перестрелку. Николай II приказал разъяснить, что взысканий не будет только потому, что это случилось на пасху, но что впредь виновные в братанье будут привлекаться к судебной ответственности³. Несмотря на разъяснение многие солдаты, в частности солдаты Северного фронта (XII армия), покатились за это. На них были наложены строгие наказания. Наступательные действия, предпринятые в мае—июне 1916 г., сорвали развитие братанья. Но как только прекратилось наступление попытки братанья возобновились. И это нашло отражение в переписке солдат за последний квартал 1916 г. и в первые два месяца 1917 г.

Фронт нетерпеливо ждал конца войны и применил все средства, чтобы его ускорить. Используя братанье, эту специфическую форму борьбы на фронте, солдаты становились на путь претворения в жизнь ленинского лозунга о превращении войны империалистической в войну гражданскую. Февральская революция явилась мощным штурмом самодержавия со стороны пролетариата и идущих за ним масс крестьянства (в том числе вооруженных рабочих и крестьян).

Огромная роль нашей партии заключается в том, что она не только дала общие лозунги борьбы, но и определила ее конкретное содержание. Революционные действия пролетариата в тылу стали конкретным образцом тактики для солдата. И даже если широкая солдатская масса не всегда отдавала себе отчет в том, что она идет по пути осуществления большевистских лозунгов, то конкретные ее шаги полностью отвечали этим лозунгам. Массы фронта вступили в февральскую революцию, имея уже за собой значительный опыт революционной борьбы по превращению империалистической войны в войну гражданскую.

¹ ЦВИА, д. № 25—922, л. 52.

² ЦВИА, д. № 25—922, л. 376.

³ ЦВИА, д. № 94—056, л. 332.

РАБОТА ПАРИЖСКОЙ СЕКЦИИ БОЛЬШЕВИКОВ

СРЕДИ ФРАНЦУЗСКИХ РАБОТНИЦ В 1914-1916 гг.

1

Франция, пролетариат которой показал героические образцы борьбы против буржуазии в революции 1848 г. и в дни Парижской коммуны, всегда привлекала к себе внимание революционеров всех стран. На таких гениальных работах Маркса и Энгельса, как «18-е Брюмера», «Борьба классов во Франции», «Гражданская война 1871 г.», в основу которых был положен опыт борьбы французского пролетариата, учились многие поколения революционных марксистов. Франция до войны 1914 г. давала приют политическим эмигрантам. Поэтому совершенно естественно, что русские революционеры, бежавшие из тюрем, каторги и ссылки, стремились прежде всего во Францию, чтобы здесь накопить новые силы для борьбы с русским царизмом.

После поражения революции 1905 г. я в числе других русских большевиков оказалась в Париже. Здесь тогда проживало сравнительно много русских работниц, среди которых были и политические эмигрантки и бежавшие от ужасов еврейских погромов.

В середине декабря 1908 г. в связи с перенесением редакции «Пролетария» в Париж переехали В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Это сразу изменило весь характер нашей работы.

Надежда Константиновна предложила мне заняться пропагандой среди русских работниц, большинство которых работало на заводах и фабриках Парижа. Через них мы могли влиять и на женское пролетарское движение во Франции. Владимир Ильич был всегда в курсе всех наших начинаний и

ганды.

Начало было трудно. Надо было объединить вокруг себя сначала 2—3 работниц и уже через них устанавливать связи с другими. Это напоминало 80—90-е годы в России, когда Ленин и его соратники работали в первых рабочих подпольных кружках. Были у меня две знакомые: шляпочницы Юлия и Елена. С них мы и начали. Постепенно создавался небольшой кружок. Вскоре кружок разросся, и через месяц мы уже собирались в большом зале на Авеню де-Гоблен.

Наша работа получила такой размах, что у нас фактически образовалось нечто вроде вечернего университета с курсом лекций и кружковых занятий. Помню как сейчас приезд Инессы Арманд, одного из старых членов нашей партии. Она активно участвовала в революции 1905 г. и вынуждена была эмигрировать за границу. И. Арманд приехала во Францию, которая была, по существу, ее второй родиной. Она прекрасно владела французским языком, хорошо знала обычаи и нравы французов. Благодаря ей мы расширили наши связи с французскими работницами. Инесса немедленно включилась в нашу работу и взяла на себя чтение курса политической экономии. Я никогда не видела пропагандистки, которая так умела бы увлечь свою аудиторию, как Инесса.

Кроме Инессы читала лекции еще Войнаровская и др. Мы занимались целую зиму. Но самыми крупными событиями того периода были выступления Владимира Ильича. У него была замечательная черта: он не мог жить без постоянного общения с массами. И несмотря на свою перегруженность Ленин находил время для чтения лекций и докладов и даже вел специальный кружок в районе Бастилии, на занятия которого он являлся с исключительной пунктуальностью.

На большом митинге политических эмигрантов в Париже, 24 февраля 1909 г., Ленин сделал доклад «О политическом положении в России и двух путях капиталистического развития аграрных отношений». 18 марта Ленин выступил с большим докладом о Парижской коммуне. Выступления Ленина давали нам огромную зарядку, и мы в наших кружках популяризировали его идеи.

2

Ленин неоднократно указывал нам, что надо распространять идеи большевизма не

только среди русских рабочих и работниц, но и среди французских. Многие из нас, чтобы выполнить эти указания Ленина, взялись за изучение французского языка.

Женское социалистическое движение развивалось в довоенной Франции очень медленно. Французская социалистическая партия (ФСП) «женским вопросом» не интересовалась. Большинство французских социалистов даже считало, что работницы могут бороться за свои политические права в одних организациях с буржуазными женщинами, так как, мол, и те и другие одинаково бесправны. На этой точке зрения стоял и гедист Бракке, считавший себя одним из вождей марксистского течения социалистической партии Франции. На деле это течение после 1905 г. все больше и больше скатывалось к оппортунизму, плетясь в хвосте за жоресистами.

Французские социалистки организовали свой журнал 23 января 1913 г. и начали работу среди женщин. Среди них особенно выделялась Луиза Сомоно¹. Бывшая работница (швея), самоучка, в рядах ФСП она состояла около 20 лет. Невысокого роста,

¹ Луиза Сомоно не перешла в 1920 г. в компартию, как это сделало большинство работавших с ней французских работниц. Сейчас она активный член французской «социалистической» партии.

Л. Сталь. 1913 г.

с обыкновенным лицом, но умными черными и блестящими глазами, резко очерченным упрямым подбородком, Луиза Сомоно производила впечатление человека, посвятившего всю жизнь поставленной себе цели — идее социального раскрепощения трудящихся женщин Франции.

Все свои сбережения она отдала на издание журнала «Женщина-социалистка», редактором которого она состояла.

8 марта 1913 г. впервые во Франции был организован женский день. В центре Парижа был созван митинг. На нем выступали представительницы различных стран.

Главным докладчиком была И. Арманд, недавно вернувшаяся из своей нелегальной поездки в Россию, куда она ездила по поручению Ленина для подготовки пражской конференции большевиков. В своем докладе И. Арманд рассказала о мощном революционном под'еме, который начался в России, о героической работе партии большевиков и в конце речи призывала французских работниц помочь нарастающей революции в России.

Этот митинг как и под'ем стачечного движения во Франции накануне войны оказал свое влияние на женское движение. Оно стало разрастаться. Были организованы женские социалистические секции в провинции и в рабочих предместьях, окружающих Париж. Журнал «Женщина-социалистка» окреп, тираж его увеличился. Л. Сомоно и ее соратники почувствовали себя увереннее.

Но общий под'ем рабочего движения во всем мире и нараставшие с каждым днем империалистические противоречия привели капиталистический мир к кризису. Выход из него империалисты видели в войне. В первых, война поможет переделить мир, а во-вторых, в угаре патриотической войны империалисты надеялись задушить революционное движение.

Во Франции еще до объявления войны массы ждали, что их призовут к активным действиям против войны. Убийство Жореса вызвало всеобщее возмущение в массах, и они готовы были по призыву своих организаций выйти на улицу. Но социалисты и синдикалисты изменили рабочему классу: они решили не допускать протеста против войны.

Женская социалистическая группа была в рядах тех, кто выступал против войны. Группа подыскала помещение для митинга-протеста и отпечатаала воззвание против войны. Вот текст этого воззвания:

«Товарищи, страшная война уже перед

нами, и завтра, может быть, ваши сыновья, мужья и братья будут воевать со своими зарубежными товарищами.

Неужели вы допустите, чтобы эта ужасная резня произошла в действительности? Нет! Вы, несомненно, восстанете как живой барьер против угрожающего нам кровавого варварства.

Присоединяйтесь к социалистическому пролетариату всего мира, который восстает против войны, и приходите на митинг, организуемый группой женщин-социалисток с участием партийных ораторов, в понедельник, 3 августа, в 9 часов вечера в д. № 59.

Секретарь группы женщин-социалисток Сомоно».

Одна из женщин-работниц, раздававшая эти воззвания, была избита толпой, состоявшей из патриотически настроенных парижских лавочников, и затем арестована.

Несмотря на запрещение полиции несколько сот женщин-работниц пришло на призыв женщин-социалисток, но они нашли помещение закрытым по распоряжению социалистической партии.

Уже этот факт показал, что руководство партии выступило заодно с правительством.

На собрании активных работников ФСП в Париже вожди партии заявили о необходимости защищать всеми силами «свое отечество», которому грозит опасность со стороны Германии. Они призывали забыть все раздоры и разногласия с буржуазным правительством и на время войны прекратить классовую борьбу. На собрании женской социалистической группы Сомоно и я внесли две резолюции против войны. Сомоно—в духе интернациональной солидарности рабочих всех стран и борьбы за мир. В моей резолюции осуждалась тактика ФСП. Обе резолюции были отвергнуты. Женщины-социалистки нашли более благоразумным никакой резолюции не принимать: они боялись выступить против вождей своей партии. Впоследствии большинство женской социалистической группы поддалось патриотическому угару. Они стали восхвалять империалистическую войну как справедливую, последнюю войну против германского империализма, как «защиту отечества». «Мы вынуждены защищаться,— говорили наиболее благоразумные,— и поэтому, как только мы освободим наши 12 оккупированных департаментов, можно будет говорить о мире». Ультрашовинисты выступали за то, чтобы вернуть Эльзас и Лотарингию и присоединить к Франции весь левый берег Рейна.

Эти настроения вызывали большое недовольство в массах. Становилось ясно, что Франция не защищается от нападения, а ведет империалистическую войну. Так зарождалось движение против шовинизма. Оно значительно усилилось после вступления социалистов в министерство.

3

В первые годы войны я вела оживленную переписку с Лениным, Н. Крупской, И. Арманд и др. По их поручению я внимательно присматривалась к тем изменениям, какие происходили среди французских социалистов.

В ноябре 1914 г. я писала из Парижа И. Арманд в Швейцарию, что оппортунизм в ФСП «победил по всей линии», но что «нужно отдать справедливость всей партии в целом: она далеко не разделяет мнения своих вождей и камарильи, сидящей в «Юманите». Многие, ранее сшибавшиеся, начинают понимать все ошибки вообще и огромную ошибку в частности—вхождение социалистов в министерство».

Я почти все свое время стала отдавать работе в ФСП.

Было чрезвычайно любопытно наблюдать, как изменялись настроения внутри партии. По воскресеньям в окрестностях Парижа обычно происходили собрания, на которых присутствовали представители 12 секций партии. На одном из таких собраний, уже в конце 1914 г., был вынесен протест против шовинистической политики «Юманите». В этом протесте говорилось, что «Юманите» непохожа на партийную газету, что в ней нет никакого социализма и что она изменила своему прошлому.

Я, между прочим, подметила, что в тех секциях, где не было депутатов и где преобладали рабочие, настроение было более критическое и антишовинизм нарастал быстрее. Я стала выступать на собраниях своей, 14-й секции. Во время выступлений меня слушали внимательно, но когда в одном из своих выступлений я внесла предложение о выделении левых элементов из Интернационала и организации нового Интернационала, в зале раздались крики: «Vive l'unité» («Да здравствует единство»). И один из моих оппонентов заявил, обращая ко мне: «Мы так долго боролись за единство, а вы предлагаете раскол. Нет, нет, мы этого не хотим».

Это мое выступление не нашло отклика в аудитории, потому что среди рабочих еще

ленинского лозунга раскола с социал-шовинистами и организации нового, III интернационала, скатываясь к буржуазно-пацифистскому лозунгу «борьбы за мир». Но все же деятельность комитета была свежим ветром в патриотически угарной обстановке Франции.

Русские товарищи: С. Гопнер, я, впоследствии И. Арманд и др., принимавшие участие в работе комитета,—стояли на ленинской точке зрения: добиться мира можно только путем превращения империалистической войны в войну гражданскую. Мы были за организацию нового, III интернационала.

Но Луиза пользовалась влиянием среди французских членов нашей группы. До поры до времени надо было идти вместе, чтобы завоевать на нашу сторону работниц, входивших в комитет и бывших гораздо левее Сомоно.

Мы с каждым днем становились сильнее и смелее. Нас воодушевляло также и то, что среди профессиональных союзов тоже началось движение против войны, во главе которого стояли секретари союза металлистов Мергейм и союза бондарей Бурдерон.

Наиболее мощно развивалось движение против войны в России. В феврале 1915 г. произошли большие забастовки в Иваново-Вознесенске. В это же время были осуждены царским судом на вечное поселение в Сибири члены Государственной думы—большевики—за организацию протеста против грабительской войны.

К Международному дню работниц (8/III 1915 г.) петроградский комитет большевиков выпустил воззвание, которое бросило мощный клич массам: «Долой войну, на все-народный суд преступное правительство!»

4

По почину заграничной редакции журнала «Работница» Крупская, Арманд, Лилина и другие товарищи, скрывавшиеся тогда за границей от преследований царского правительства, под руководством Ленина принялись за организацию Международной женской конференции против войны.

На призыв Ленина откликнулась Клара Цеткин, председатель Международного бюро женщин-социалисток.

Инесса Арманд писала нам из Швейцарии, что Клара Цеткин согласилась созвать в конце марта 1915 г. Международную женскую конференцию и предлагала прислать делегатов.

От Франции поехала Л. Сомоно. Она прибыла в Швейцарию на 2—3 недели раньше для участия в празднике 8 марта. Мы надеялись, что влияние Крупской и Арманд произведет сдвиг во взглядах Сомоно и она станет на сторону III интернационала.

Большинство партии и профессиональных союзов говорило, что теперь не время собирать международные съезды. Делегаткам, отправлявшимся в Швейцарию, чинились всякие препятствия не только полицией, но и социалистическими партиями: им не хотели выдавать паспортов, грозили исключением из партии. Но несмотря на все эти препятствия в конце марта 1915 г. в Берне собралась внеочередная Международная конференция женщин-социалисток.

3 ней, принимали участие социалистки Германии, Франции, Англии, Польши, Италии, Голландии и Швейцарии (всего 25 чел.). В состав делегации ЦК большевиков входили: Н. К. Крупская, Инесса Арманд, Лилина и Равич, русскую делегацию поддерживала представительница Польши (Козлова).

Конференция не поняла, что «если работница хочет сократить период страданий, связанных с эпохой империалистических войн, необходимо, чтобы ее стремление к миру перешло в возмущение и борьбу за социализм»¹.

Большинство делегатов хотело скорее покончить с войной и добиться мира, но они не понимали, что мира можно добиться путем революции и путем упорной борьбы не только с капиталистами своей страны, но и с социалистами-оборонцами всех стран и в первую очередь своей собственной страны. Большинство конференции отвергло резолюцию большевистской делегации, призывавшей к расколу с социал-шовинистами и выдвигавшей лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую.

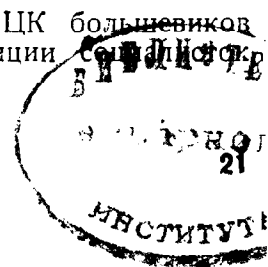
Нужно было быть большевиками, чтобы понять страстный призыв Ленина:

«Было бы позором называться социал-демократом и не посоветовать рабочим разорвать с оппортунистами и всеми силами укреплять, расширять и обострять начинающееся революционное движение»².

Укрепление, развитие, расширение, обострение массовых революционных действий, создание нелегальных органи-

¹ Из резолюции делегатов ЦК большевиков на Международной конференции в Берне в 1915 г.

² Ленин. Т. XIX, стр. 13.

заций — вот вся практическая программа социал-демократии в этой войне.

«Все остальное является ложью или фразой, какими бы оппортунистическими или пацифистскими фразами они ни украшались»¹.

Чтобы понять этот призыв Ленина, надо было пережить все ужасы империалистической войны, измену вождей II интернационала и Октябрьскую революцию в России.

5

Как же держалась делегатка нашего комитета — Л. Сомоно — на Международной женской конференции?

Она, как писал Ленин, не желала «ни в чем сколько-нибудь важном разойтись с официальной партией, стоящей, как известно, на социал-шовинистической точке зрения»². Л. Сомоно занимала явно центристскую, каутскианскую позицию. В своем выступлении она заявила: «О нелегальных организациях у нас, во Франции, не может быть и речи, мы не все делаем открыто, но это — другое дело... Мы должны думать о массах и потому принимать резолюции, за которыми пойдут не только крайние левые, но и все. И потому, — закончила Л. Сомоно, — мы должны принять среднюю линию».

Я должна подчеркнуть, что Л. Сомоно далеко не отражала подлинных настроений послазшего ее комитета. После ее отъезда мы собирались регулярно, продолжая свою антимилитаристскую работу. На одном из собраний мы с тов. Гопнер провели резолюцию в ленинском духе, требовавшую выхода министров-социалистов из правительства, голосования против военных кредитов и раскола с социал-шовинистами. Это был крупный шаг в сторону большевизма. Наша резолюция была послана И. Арманд, и она использовала ее в своем выступлении против центристского большинства конференции, показав, что массы значительно левее чем те, кто их возглавляет. Л. Сомоно в ответ заявила: «Я думаю, что тут сказалось влияние русских товарищей, и я считаю это влияние вредным»³.

¹ Ленин. Т. XIX, стр. 14.

² Ленин. Т. XVIII, стр. 165.

³ Более полно позиция Л. Сомоно разобрана в статье С. Бантке «Циммервальдское движение во Франции» в сборнике «Социалистическое движение во Франции», стр. 309—311.

Л. Сомоно прекрасно понимала, что это была «наша работа», но она была абсолютно неправа, считая влияние русских большевиков вредным. История целиком оправдала нас и ту работу, которую мы вели среди французских работниц.

6

Женская социалистическая конференция обратилась к рабочим и работницам всех стран с единогласно принятым манифестом — остаться верными решениям интернациональных конгрессов и организовать протест против империалистической бойни.

Среди патриотического угара грабительской бойни работницы смело заявили в этом манифесте: «Эта война — не наша война» — и призывали к борьбе с капиталистами за мир между трудящимися.

После того как делегатки бернской конференции раз'ехались по своим странам, им пришлось с первых же шагов своей деятельности бороться не только с буржуазией, но и с социалистами-соглашателями своей страны.

Клару Цеткин и других германских делегатов в Германии преследовала полиция за распространение манифеста женской конференции. Некоторые из работниц и Клара Цеткин были арестованы, а редактируемый ею журнал «Равенство» закрыт за агитацию против войны.

После 20-летнего существования этот журнал был закрыт не полицией, а Центральным комитетом германской социал-демократической партии, ставшей на сторону империалистов.

Когда Сомоно вернулась во Францию, мы продолжали работать совместно. Это был своеобразный единый фронт. Мы издали нелегально манифест Международной женской конференции, ряд воззваний, в том числе статьи из «Социал-демократа» органа ЦК большевиков, а также резолюцию большевиков, оглашенную т. Литвиновым на лондонской конференции. Наша работа напоминала мне подполье во время царизма в России. Мы ходили по рабочим кварталам и окраинам Парижа. Почти у каждой квартиры есть почтовый ящик, туда мы опускали этот манифест или наши листовки, иногда мы их подсовывали под двери рабочих квартир. У нас был знакомый шофер, сочувствующий нам. С ним мы буквально летали на автомобиле и разбрасывали прокламации. В результате этой работы наша группа сильно выросла. Тогда мы стали уже смело

и открыто выступать на собраниях французских социалистов против войны: нас уже все знали.

Большую работу проделала в 5-й парижской секции тов. Гопнер. Я работала в 14-й секции. Полиция следовала за нами по пятам. Бывало, как только я выхожу из дому, моментально появляется фигура в «гороховом пальто», точь-вточь как в России. Приходилось всячески лавировать, путать следы, пересаживаться с трамвая на трамвай. Едешь, например, в метро, видишь, что за тобой следит шпик, выскакиваешь из вагона в самую последнюю минуту. Шпик поневоле едет дальше, а ты пересаживаешься в другой вагон и часто едешь в обратном направлении. Иногда приходилось чуть ли не по два часа колесить по Парижу, лишь бы отделаться от шпики.

На нашу работу обратили внимание и социал-шовинисты из ФСП. Бракке, неоднократно выставивший себя марксистом, внес предложение об исключении из ФСП всех русских под тем предлогом, что, входя в русскую и французскую партии, мы якобы пользовались двумя голосами в Интернационале. Смысл предложения Бракке совершенно ясен. Если полиция, следовавшая за нами по пятам, не могла нас изолировать от масс, то этому делу хотел помочь «марксист» Бракке.

Но если верхи партии вели борьбу против нас, то рядовые члены партии очень много помогали нам в нашей нелегальной работе. Мне хорошо запомнилась французская работница тов. Кутодье, ставшая нашей достойной ученицей в обмане бдительности полицейских.

Тов. Кутодье созывала собрания работниц и рабочих в том предместье Парижа, в котором она жила, и делала это так ловко, что ни одно собрание не было провалено. Наша работа давала свои плоды. Работницы стали активнее. Их влияние росло. Достаточно напомнить, что только на заводах, работающих на оборону, было свыше 400 000 женщин, и тогда станет ясна та огромная роль, какую играли работницы в рабочем движении Франции в годы войны.

На военных заводах начались стачки, и в первых рядах шли женщины. Был ряд стачек, в которых участвовали только женщины. Они выдвинули лозунг «За равный труд—равную оплату».

Полиция 2 октября 1915 г. арестовала Л. Сомоно. На допрос была вызвана тов. Гопнер, но ее на время оставили на свободе. Я в это время была в Швейцарии. По воз-

вращении в Париж я нашла у себя повестку военного следователя, вызывавшего меня на допрос и грозившего арестом в случае неявки. Возник вопрос: идти или не идти? Наши товарищи решили, что я буду более полезна за границей, на свободе, чем во французской тюрьме.

В октябре 1915 г. я уехала тайком в Лондон. На английской границе, в Фолькстоне, меня ожидала неприятность: после тщательного обыска я была приглашена на допрос. Мне много раз приходилось бывать на допросах во время моих арестов в царской России, но такого иезуитства, какое я встретила среди английских охранников, я никогда не встречала.

Приехав в Лондон, я поспешила опубликовать в английских социалистических газетах об аресте Луизы Сомоно, о том, что она содержится в общей камере с проститутками и уголовными преступницами.

Я выступила с докладом о работе «Комитета борьбы за мир» и аресте Сомоно на собрании женской рабочей лиги. По моему докладу товарищ Поль предложила и г-жа Дэвис поддержала следующую резолюцию, которая была принята единогласно:

«Члены центрального лондонского отдела Рабочей лиги женщин выражают свою искреннюю симпатию тов. Луизе Сомоно, члену группы женщин-социалисток и секретарю Комитета действий за мир и против шовинизма, находящейся в тюрьме в Париже во 2-м отделении по обвинению в ведении антимилитаристской пропаганды, и надеются, что она будет немедленно переведена в 1-е отделение и в скором времени будет освобождена».

Интересно отметить, что когда наши товарищи в Париже обратились к Лонге, начавшему уже летом 1915 г. на словах выступать за мир, с просьбой добиться освобождения Л. Сомоно, он ответил: «Я ничего сделать не могу, поговорите с Гедом».

Гед, как известно, входил в правительство и на просьбу поставить вопрос об освобождении члена той же партии, лидером которой он был, ответил: «Сомоно получила свое, пусть не занимается пропагандой против войны и не мешает нашей партии».

Так французские социалисты помогали правительству душировать тех, кто поднимал работниц на борьбу против войны.

Когда моя статья о поведении французской социалистической партии по отношению к Сомоно обошла английскую, итальян-

янскую и швейцарскую печать, министры-социалисты поспешили замять всю эту неприятную для них историю и освободили в конце ноября 1915 г. Луизу Сомоно.

Французские работницы явились застрельщицами в борьбе против войны. Они были в первых рядах стачечников. В 1917 г. работницы устроили массовую демонстрацию на Елисейских полях под лозунгом «Верните нам наших мужей, отцов и братьев с фронта».

Работницы шли в ряды солдат, которых посылали против стачечников, и добивались того, что солдаты отказывались стрелять. И когда колониальные стрелки дали залп против женской демонстрации 1 июня 1917 г., французские солдаты стали на защиту работниц и заставили колониальных стрелков вернуться в казармы.

Семена, посеянные нами в начале войны, дали всходы. Массовое движение против войны, в рядах которого женщины-работницы шли вместе со всем рабочим классом Франции, постепенно росло и крепло.

Мы, большевики, были несогласны ни с программой, ни даже с названием «Женского социалистического комитета действий за мир против шовинизма», но мы в него входили, для того чтобы внутри рабочего движения бороться за наши идеи. Л. Сомоно была против войны, и мы были против войны. Уже это одно давало нам возможность идти вместе, установить единый фронт. Большевики всегда вели борьбу против сектанства, и мы, русские большевики, шли единым

фронтом с теми, кто честно и искренно хотел бороться против войны. Но, входя в этот комитет, мы не отказывались от наших идей, а наоборот, вели борьбу за них, стремясь перетянуть на нашу сторону французских работниц. По нашему пути пошли тов. Кутодье, Бувар и сотни других работниц, вошедших в славную коммунистическую партию Франции.

И теперь, в дни 20-летия империалистической бойни, когда мир уже вплотную подходит к новому туру революций и войн, рабочий класс должен широко использовать свой боевой революционный опыт эпохи мировой войны и взять лучшие, большевистские образцы работы по собиранию, объединению и мобилизации масс против войны.

СССР — боевая бригада Коминтерна — энергично борется за мир и показывает трудящимся всех стран и в том числе и женским трудящимся массам, что единственным выходом из нищеты и порабощения трудящихся является путь, указанный Лениным, путь превращения войны империалистической в войну гражданскую и завоевания диктатуры пролетариата.

Если мировая буржуазия вздумает снова как в 1914 г. развязать стихию войны или вздумает напасть на СССР, то она увидит, что работницы будут в первых рядах тех, кто станет на защиту СССР, кто будет бороться в капиталистических странах за поражение своего правительства, за установление диктатуры пролетариата.

САМАРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ

В НАЧАЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(воспоминания)

1914 год в Самаре

Весной и в начале лета 1914 г., как известно, по всей России наблюдался новый подъем революционного движения. Особенно бурно и интенсивно протекало это движение в Петербурге. Уже в 1912—1913 г. празднование 1 Мая приняло здесь характер открытых революционных массовых выступлений петербургского пролетариата. Но события 1914 г. оставили далеко позади все предыдущие выступления, и мы имели полное основание говорить о начале новой, второй революции.

Грандиозные первомайские забастовки встряхнули всех. За ними последовали стачки в Баку, всеобщая забастовка в Петербурге, расстрел путиловцев и т. д. На настроение масс влияли также события за границей: недавняя революционная волна, прокатившаяся в восточных странах (Турция, Персия, Китай), грандиозные рабочие демонстрации в Германии, Австрии и т. д.

Самарские рабочие откликнулись на июльские события в Петербурге всеобщей забастовкой и демонстрацией 14 июля, взбудоражившими весь город. Забастовали трубочный завод (2 тыс. рабочих), 14 типографий, 20 булочных, 700 металлистов мелких заводов и мастерских, рабочие электрической станции, паровых мельниц, столяры, портные, сапожники, и т. д., всего свыше 5 тыс. чел. Это было первое открытое массовое выступление самарских рабочих после 1905 г. и долгих лет реакции. Самым характерным в этом выступлении было то, что протекало оно под непосредственным руководством рабочих-партийцев. Выступавшие на митингах ораторы из среды рабочих провели резолюции с выражением солидарности петербург-

ским и бакинским рабочим и протестом против расстрела путиловцев.

Рабочие во время уличных демонстраций проявили исключительную выдержку, не поддаваясь на провокационные выходы полиции. Однако все же кое-где произошли стычки: конные стражники налетели на демонстрантов, разгоняя их, в результате несколько человек было смято и ранено саблями. Были и отдельные случаи арестов: переодетые в штатское полицейские арестовывали на улице одиночек-рабочих по указанию шпииков.

Все эти события происходили уже тогда, когда вспыхнувший на Балканах пожар войны все разгорался и готовился охватить весь мир. В Петербурге начались подстрекательские патриотические манифестации. Начали шевелиться и самарские патриоты.

Забастовка и демонстрации рабочих в эти критические дни были крайне неприятны для местной администрации, и в своем стремлении сгладить впечатление от этих событий она прибегла к откровенной лжи и демагогии. Самарский губернатор Протасьев выпустил воззвание к самарским рабочим, в котором увещевал их не слушаться смутьянов, подбивающих их на забастовки, а следовать хорошему примеру своих петербургских товарищей, которые якобы при первых же известиях об объявлении войны прекратили забастовку и, охваченные высокопатриотическими чувствами, «повергли их к стопам обожаемого монарха». Но напрасны были старания самарских администраторов: им не удалось обмануть рабочих. Они прекрасно понимали, кто устраивал в Петербурге эти патриотические манифестации и кто участвовал в них, ибо через несколько дней такие же манифестации организовались и в Самаре. На них сгонялись учащиеся средних учебных заведений под руководством учебного начальства и преподавателей, мелкие служащие разных учреждений, а добровольно в них участвовали купцы, кулаки и тому подобные элементы, почуявшие в пропитанном запахом крови и пороха воздухе богатую для себя поживу. Самарская рабочая масса в этих манифестациях участия не принимала, за исключением разве отдельных кучек консервативно настроенных стариков.

События развертывались ускоренным темпом. Была объявлена мобилизация. Россия уже втянулась в мировую войну, и мировой пожар разгорался с головокружительной быстротой. Интеллигенцию охватили воинственный раж и

пыл: помощники присяжных поверенных, учителя, земские служащие, студенты нарядились в форму прапорщиков. Улицы Самары наполнялись военными. Даже самые приличные либеральные и радикальные газеты, пользовавшиеся репутацией «честных» и солидных, вдруг заговорили жаргоном контрразведки, страницы их заполнились кровавыми патриотическими статьями, проникнутыми ложью, клеветой и человеконенавистничеством. Не скрывая своего торжества и злорадства, они сообщали о том, что при первых же известиях о войне словно мыльный пузырь лопнул II интернационал, что социалисты всех стран во главе с их прославленными вождями на деле оказались верноподданными сынами своего отечества и все как один человек встали на защиту своей родины. Их примеру последовали и русские революционеры, за исключением жалкой кучки изменников, которые за это и понесут должное наказание, и т. д.

Самарская большевистская организация в начале войны

В начале войны наша организация не пострадала. После июльской забастовки никто из членов комитета и наиболее активных рабочих-большевиков арестован не был. Уцелели все кружки. В наши руки перешел журнал «Заря Поволжья». Таким образом было обеспечено влияние в уцелевших еще профсоюзах и рабочих обществах. Первым делом необходимо было определить наше принципиальное отношение к войне, разъяснить массам истинный смысл всего происходящего и затем наметить дальнейший план и методы нашей революционной работы. Для этого мы решили созвать общегородскую конференцию, устроить ряд нелегальных массовок за городом, выпустить хотя бы еще один номер журнала, посвященный войне, и кроме того систематически выпускать прокламации на ту же тему.

На конференции доклад о войне и II интернационале был поручен мне. Положение к этому времени уже определилось. По вопросу о причинах войны и ее конкретных виновниках, а также о ее характере и целях мы имели весьма определенное мнение. Никаких разногласий по этому поводу в нашей среде не было. Среди всеобщей патриотической и воинственной свистопляски, окружавшей нас со всех сторон, лишь члены нашей организации и примыкающие к ней рабочие сохранили спокойствие, ясность и трезвость мысли, не поддаваясь ни оборонческим настроениям, ни паникерству. Еще до кон-

ференции, до появления наших листовок и статей у большинства рабочих наметились определенно пораженческие взгляды. Тут сказывались влияние статей Ленина по этому вопросу, аналогия с нашей позицией во время русско-японской войны 1904—1905 гг. и та большая воспитательная работа, которую проводила все предыдущие годы партия.

Вот почему наша конференция, не имея прямых директив центра, все же наметила в общем правильную линию поведения по отношению к войне и дала соответствующую оценку предательской позиции II интернационала. Когда до нас впоследствии дошли ленинские лозунги, мы очень радовались тому, что нам удалось нащупать правильный путь.

Наш журнал «Заря Поволжья» еще не был закрыт, но мы знали, что дни его сочтены, и спешили выпустить еще хоть 1—2 номера, посвященных войне. Это нам удалось. Один номер вышел 19 июля, а последний, 27-й номер, — 26 июля 1914 г.

Конечно, номер этот был конфискован, но конфискация почти никаких результатов не дала: редакция предвидела ее и успела до прихода полиции отпечатать, вывезти и распространить несколько тысяч экземпляров. Явившаяся в типографию полиция захватила лишь небольшую кучку номеров (ее уверили, что печатание только что началось) и рассыпала набор. Дальнейшее издание журнала, конечно, было воспрещено. Этот последний номер «Зари Поволжья» был особенно популярен среди рабочих. Его историческая заслуга в том, что это был единственный в то время большевистский журнал-газета, вышедший легально с нашими лозунгами уже после начала войны.

С начала войны условия нашей подпольной партийной работы резко изменились к худшему. Сильно сократились кадры сочувствующей нам демократической интеллигенции, оказывавшей нам раньше известную поддержку и услуги. Она прониклась теперь оборонческим духом и относилась к нам с открытой неприязнью и недоверием.

Местная либеральная газета «Волжское слово», считавшаяся органом старых, «честных» журналистских традиций и придерживавшаяся до этого сравнительно приличного тона по отношению к нашей организации, теперь находила вполне совместимым с этими традициями прибегать в борьбе с нами к открытым доносам по начальству. Так например, когда в городе, на заводах и предприятиях появились выпущенные нами по поводу войны прокламации, «Волжское сло-

во» писало, что совершенно недопустимо, чтобы в трудные дни, переживаемые родиной, какие-то лихие люди, возможно немецкие агенты, распространяли среди рабочих возмутительного содержания листовки, открыто призывающие к измене. При таких условиях нечего было и думать об использовании каких бы то ни было легальных возможностей. Вся наша работа сосредоточилась в подполье и некоторое время протекала бесперебойно. Непрерывно происходили собрания кружков, осенью за Волгой устраивались массовки, выпускались прокламации, и т. д. Работа на трубочном заводе расширилась. Большую революционную активность проявляла группа рабочих-швейников, мужчин и женщин, руководимых тов. Мутновым. Не отставали от них и типографские рабочие, особенно из типографии Левенсона, где работало несколько активных членов нашей организации.

Самарский комитет РСДРП(б) к тому времени состоял из 5—7 чел. В состав его входили: тт. Седеньков, Мутнов, Ландер, К. И., Зеленский, И. А., Бедняков, Борисов и другие, фамилий которых я не помню. Некоторое время в работе нашего комитета принимал участие также и тов. Рыков, А. И., очутившийся в Самаре на нелегальном положении после побега из ссылки. Он проживал здесь по подложному документу, который, очевидно, оказался ненадежным, так как вскоре тов. Рыков был арестован.

Квартирный кризис, наступивший после войны, очень усложнил положение подпольных работников. Приходилось, с одной стороны, соблюдать сугубую осторожность и конспирацию, а с другой стороны, отсутствие помещения и надежных квартир часто заставляло идти на явный риск. Так например прокламации на гектографе часто печатались на моей квартире, которую уж ни в каком случае нельзя было считать надежной, так как у меня несколько раз бывали обыски и за квартирой постоянно следили шпики. Однако мы ухитрились изготовлять прокламации днем, когда меньше всего приходилось опасаться налета жандармов, и до наступления темноты наши товарищи женщины уносили их в базарных корзинах и кошелках для провизии.

Заседания нашего комитета и явки устраивались большей частью у меня, в помещении Городской управы, где я работал. Там для

меня было отведено особое помещение, где я находился один. Сюда и забегали товарищи по партийным делам, здесь же по вечерам мы устраивали наши заседания. Этому способствовало то, что я по роду своей работы — редактирование муниципальной газеты — должен был работать и по вечерам, а в Управу всегда приходило много народу по разным делам.

В последнюю зиму, в 1915 г., все труднее становилось устраивать собрания кружков из-за недостатка квартир. Мы могли пользоваться исключительно квартирами своих товарищей рабочих, но, во-первых, таких квартир было немного, во-вторых, это было сопряжено с большим риском. Так например чуть было не провалилась наша общегородская конференция из-за того, что шпики проследили место собрания. К счастью, мы вовремя заметили слежку и успели разойтись минут за 5 до прихода полиции и жандармов.

Мы продолжали неутомимо свою подпольную работу, хотя были уверены, что долго нам не продержаться. Жандармы уже давно усиленно следили за нами, обыски, хотя и безрезультатные, производились довольно часто. На основании донесения шпики против нас накопился серьезный материал, кроме того сказывались и результаты нашей работы в виде стачек, демонстраций, появления прокламаций, усиливавшейся пораженческой агитации среди рабочих и запасных, и т. д. Доносы «Волжского слова» и истерические вопли других, более правых местных газет («Голос Самары») были для начальника местного губернского жандармского управления полковника Познанского как бы упреком в нерадении по службе, и он решил всерьез взяться за нас.

В начале 1915 г. у всех нас были произведены обыски, некоторые были арестованы. Мы отделались сравнительно легко. По условиям военного времени с нами могли расправиться гораздо жестче. Нас выслали из Самары, и мы раз'ехались в разные приволжские города.

Но напрасно жандармский полковник надеялся, что с нашим отъездом прекратится в Самаре «преступная пропаганда», что ему удалось окончательно разгромить нашу организацию: уезжая, мы оставили здесь надежных заместителей, которым передали все связи и работу.

„З А Р Я ПОВОЛЖЬЯ“

(САМАРА, „РАБОЧИЙ
ЖУРНАЛ“ 1914 г.)

«Заря Поволжья» была основана в 1914 г. Первый номер вышел 31(18) января 1914 г.

Самарское жандармское управление доносило в департамент полиции перед выходом первого номера журнала:

«Заря Поволжья» — с.-д. орган марксистского направления: Зиновьев, Ильин (политическая экономия) — петербургские, Данский¹, «Старый приказчик» и шестеро большевиков Государственной думы. Данский будет вести отдел страхования. «Старый приказчик»² — о пролетарии прилавка. Из самарских: Крупенин (Михаил Тверской)³ — литературный отдел. Ответственный редактор Агафонов с жалованьем 25 руб. Псевдонимы их будут выяснены. Этот журнал будет защищать интересы рабочих и приказчиков».

Журнал «Заря Поволжья» издавался еженедельно. Он был популярен не только среди рабочих Самары и ряда приволжских городов (Сызрань, Симбирск, Казань и др.), но и в таких городах, как Уфа, Оренбург, Пенза. Отовсюду он получал рабочие корреспонденции, в которых освещались быт пролетариата, условия их работы и борьбы с предпринимателями.

Например в корреспонденции группы рабочих (за подписью 21 чел.) сообщалось:

«Тяжело живется нам, столярам, в мастерской Спасского. Гигиенические условия ужасные. Мастерская — темный подвал, где приходится работать днем с огнем. Керосиновые лампы горят целыми днями, хозяин страшно грубый, эксплуатирует и глумится над мастерами сверх всякого предела».

¹ Под фамилией Данский скрывался К. А. Комаровский (большевик).

² С. Ю. Дальгейм.

³ Михаил Захаров.

Заметка под названием «У переплетчиков» информировала, что «забастовка продолжается второй месяц. Хозяева уже начали вести переговоры с рабочими и предложили последним стать на работу при прежних условиях с обещанием удовлетворить предъявленные требования через некоторое время. Такое предложение рабочие отклонили и решили продолжать забастовку».

Журнал не ограничивался только информацией, он призывал рабочих и к активным действиям. Например в № 4 он писал: «Товарищи, откажитесь от сверхурочных работ. Этим вы прорвете звенья цепи, сковывающей вас».

«Заря Поволжья» издавалась главным образом на деньги рабочих. В каждом номере журнала публиковался список рабочих пожертвований на издание журнала.

За 5 мес. в редакцию «Заря Поволжья» поступило от читателей 1205 р. 65 к.

По производственному признаку всех жертвователей можно разбить следующим образом: металлисты внесли 485 р. 58 к., булочники — 72 р. 1 к., строители — 33 р. 11 к., деревообделочники — 29 р. 40 к., мельничные рабочие — 27 р. 01 к., железнодорожники — 23 р. 71 к., коммунальные рабочие — 15 р. 86 к., медицинские работники — 15 р. 85 к., печатники — 14 р. 84 к., портные — 14 р. 13 к., прислуга — 9 р. 60 к., пивоваренные рабочие — 6 р. 85 к., извозчики — 2 р. 35 к., другие рабочие (неизвестной специальности) внесли 140 р. 70 к., итого рабочие — 890 р. 97 к., приказчики и конторщики — 181 р. 99 к., разные лица — 132 р. 69 к. Всего: 1205 р. 65 к.

За руководство журналом шла упорная борьба большевиков с меньшевиками. Иногда журнал переходил в руки последних, и тогда содержание его, естественно, становилось ликвидаторским, главное внимание уделялось вопросам борьбы за «право коалиций», за частичные реформы. Как только в журнале начинало преобладать меньшевистское направление, приток средств со стороны рабочих резко снижался. Так, вместо среднего недельного поступления в сумме 80 руб. начинало поступать по 15 руб.⁴

С приездом в Самару тов. Пятницкого (в апреле 1914 г.) большевистские позиции значительно укрепляются, и журнал через

⁴ В. Троцкий «Самарская организация ВКП(б) в годы войны и Октябрьской революции». Ч. 1-я, стр. 16. 1927.

некоторое время становится целиком большевистским, являясь до некоторой степени центром партийной революционной работы.

Журнал подвергался частым репрессиям. За время существования журнала (с конца января по конец июля 1914 г.) были арестованы 4 редактора, издатель и секретарь редакции, было произведено 4 обыска в редакции и конфисковано 8 номеров журнала (всего вышло 27 номеров). В последний раз «Заря Поволжья» вышла 8 августа (26 июля) 1914 г., когда уже началась война и когда журнал открыто и решительно выступил против войны¹.

Большевистская рабочая печать на пороге «великой бойни народов» правильно вскрыла империалистическую сущность будущей войны, предупредила рабочий класс и широкие массы об ее последствиях и выбросила лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую.

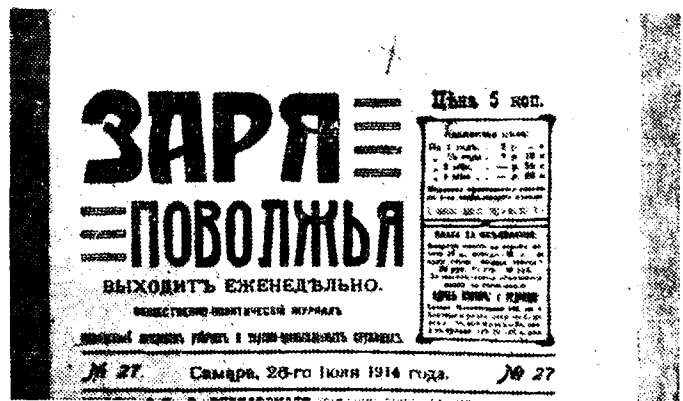
Поскольку «Заря Поволжья» была чуть ли не единственным легальным большевистским органом, не закрытым в начале войны, постольку ее позиция и высказывания по вопросу о войне приобретают теперь, несомненно, большой исторический интерес.

2 августа (19 июля), на другой день после того как официально началась империалистическая война, в статье «Хорошие и дурные примеры», написанной в ответ на призыв самарского губернатора к рабочим «не подражать дурному примеру петербургских забастовщиков и, наоборот, проникнуться чувством военного патриотизма», «Заря Поволжья» писала:

«Нам, конечно, трудно спорить с представителями власти, памятуя о непрерывных конфискациях нашего рабочего органа, о непрерывных административных наказаниях наших товарищей редакторов и вообще о всех тех преследованиях рабочей печати, которые сыплются из канцелярий разных превосходительств как из рога изобилия. Мы не намерены спорить, но мы не можем не отметить одного, весьма серьезного обстоятельства, которое, нам думается, нелишне знать и господам губернаторам. Рабочая мысль никогда не совпадала и, можно с уверенностью сказать, никогда не совпадет с мыслями их превосходительств, хотя бы мысли последних были воинственно патриотичны.

Рабочая демократия прекрасно понимает

¹ Комплект журнала хранится в Средневолжском краевом архивном управлении.

остроту и тяжесть возникших международных осложнений, созданных возвращенным буржуазией всех стран до последних пределов милитаризмом; она знает, что всякая война уничтожает прежде всего жизни пролетариев и крестьян, но она знает также и то, что на знамени международного социализма, исповедуемого пролетариатом всего мира, написано: «Мы будем добиваться разоружения, мы против милитаризма и его авантюры» (подчеркнуто мной.—Н. Д.).

Статья заканчивалась знаменательными словами:

«Рабочая демократия и в моменты тяжелых испытаний оставляет во всей полноте лозунги последовательного марксизма. И администрация не опровергнет их своими объявлениями, раз она не в силах опровергнуть их политическими мерами».

В том же № 26 журнала была помещена статья «Снова война», изобличавшая цели империалистической войны и заканчивавшаяся словами: «Д о л о й в о й н у»,—с к а ж у т р у с с к и е р а б о ч и е».

Это было прямое, открытое выступление против войны в самый разгар буржуазного шовинизма, когда по улицам городов ходили группы оголтелых ура-патриотов с хоругвями и портретами царя, когда избивали каждого, кто не снимал перед ними шапки, кто казался подозрительным с точки зрения великорусского шовинизма. Но в этом номере не было еще лозунга превращения империалистической войны в войну гражданскую, не был еще показан большевистский путь выхода из империалистической войны.

Следующий, уже последний, номер журнала, вышедший 8 августа (26 июля) 1914 г., выдвинул подлинно большевистские лозунги.

Номер начинается со специального обращения к читателям «Зари Поволжья», в котором открыто и смело писалось:

«Редакция «Заря Поволжья» переживает сейчас самые трудные минуты, самый критический момент... Очевидно, для рабочей печати не существует закона о печати, этот закон жандармская власть заменила своими ордерами и личными словесными распоряжениями, данными низшей полиции. И теперь наш журнал если не конфискуется, то экспроприируется полицией, так например с арестом секретаря Белова арестовано около 500 номеров журнала «Зари Поволжья» и по сие время не возвращенных редакции, хотя журнал не подлежал конфискации.

С этой стороны положение «Зари Поволжья» чрезвычайно тяжелое. Мрак русской жизни так густ, что гасит почти непрерывно все проблески «Зари Поволжья». Все товарищи, имеющие уши слышать, да слышите!»

Обращение кончается призывом к рабочим — отстаивать существование журнала.

Передовая статья последнего номера журнала, написанная на тему «Рабочий класс и текущие события», пронизывала огнем большевистской правды сумерки войны. Основные мысли и положения статьи сохранили живой интерес до наших дней.

Война началась. «Но что это за война?» — спрашивает журнал:

«Это какой-то кровавый кошмар, который окутывает постепенно все человечест-

во, перед которым все растерялись и молчат или же, очертя голову, бросаются в жестокую борьбу, не сознавая, куда они идут, что они делают, во имя чего воюют. И буржуазные политиканы всех стран всеми силами стараются втянуть рабочих в эту кровавую вакханалию, прибегая для этого даже к сознательной лжи, обману и провокации. Лживая буржуазная печать всех оттенков и направлений: либеральная и консервативная, начиная от радикального «Дня» и кончая «Речью», «Новым временем» и др., — бессовестно и нагло лгут и клеветуют на рабочий класс, по-своему истолковывая молчание и открыто издеваясь над его кажущимся бессилием.

Не отстают от этих рептилий и местные органы прессы: «Волжское слово», «Волжский край» и «Голос Самары», пытаясь и со своей стороны лягнуть в сторону рабочих, бросить в них грязью клеветы и лжи.

Но товарищи знают, что наша печать молчит не по нашей вине, что наши речи неслышны тоже не по нашей вине. Прекрасно знают это и наши господа либералы, они ткут свою политику, на что им истина?..

Нельзя без чувства омерзения и гадливого презрения читать за последнее время выпад буржуазной прессы против рабочих организаций. В своих сообщениях о рабочем движении и рабочей жизни они превзошли за последнее время лживостью и подтасовкой фактов решительно все.

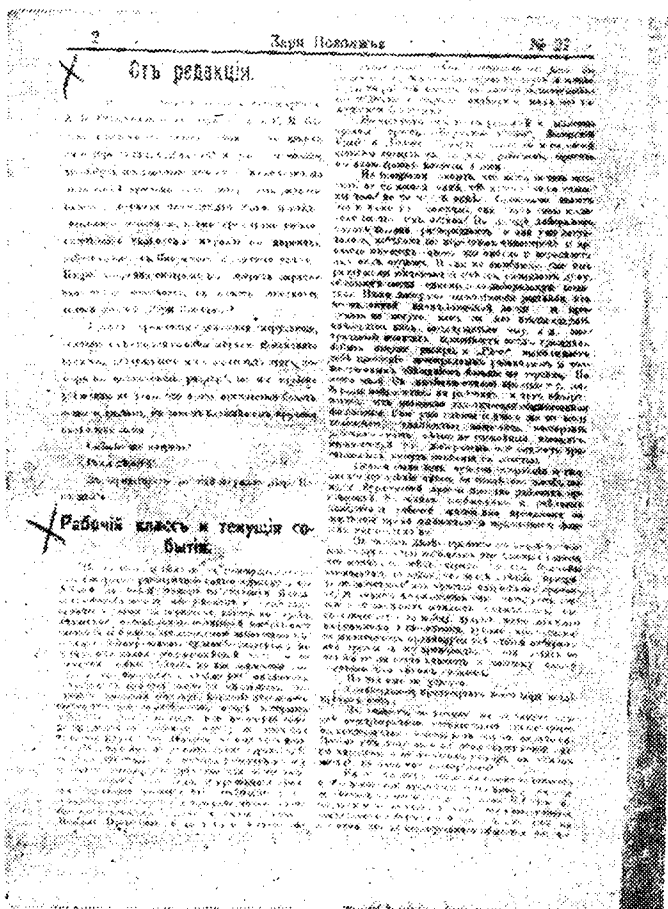
На самом деле, прочтите, с какой наглой самоуверенностью сообщают эти лживые газеты, что социалисты всех стран Европы будто бы высказывались за войну, что везде рабочие прекратили забастовки из чувства патриотизма; прочтите, с каким злорадством они цитируют статьи всевозможных мнимых социалистов, высказывающихся за войну; духом воинствующего национализма и шовинизма, духом кровожадного милитаризма проникнуты все статьи либеральной прессы, и эту кровожадность они хотят во что бы то ни стало навязать и рабочему классу путем лжи, обмана, сплетен.

Но это им не удастся.

Сознательный пролетариат всего мира везде против войны.

Да, скажут, но почему же в таком случае международный сознательный пролетариат не предотвратил войны, если он не желал ее?

Почему он допустил общеевропейскую битву народов, а не потушил пожар в самом начале, не дав ему разгореться?

На это укажут, что война только начинается и что мировой пролетариат по поводу ее еще не сказал своего последнего слова. Но он не молчал и не молчит, и если его выступления замалчиваются буржуазной прессой, то уж не его вина, что до перепуганного общества не доходит его голос. Слишком сильна в буржуазном обществе при господстве капитала и частной собственности старая закваска милитаризма, чтобы одним героическим усилием можно было положить конец войне. Но разыгравшиеся события, грандиозная картина всемирной войны, может быть, дадут толчок к еще более грандиозным событиям, и кто знает, может быть, эта война последняя для всего культурного человечества. Мо-

жет быть, она и прекратится под дружным натиском рабочего класса всей Европы.

А лакействующей буржуазной печати можно лишь крикнуть: «Руки прочь! Вам не следует касаться этого вопроса, и не вам вашей ложью и инсинуациями сбить рабочих с позиции».

Рабочие знают цену вашим словам, вашей лжи и, поверьте, в ближайшем будущем по заслугам оценят ваше последнее выступление» (подчеркнуто мной. — Н. Д.).

«Заря Поволжья» была закрыта, зато в 1915 г. в Самаре с разрешения начальства стала выходить меньшевистская газета «Наш голос» — социал-патриотический подголосок кровавого империализма.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

НАКАНУНЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

1

Дальний Восток накануне империалистической войны не играл решающей роли в международной политике: здесь не было ни ярко выраженных поводов к обострению англо-германского соперничества, ни каких-либо реальных оснований для роста русско-германских, а тем более франко-германских противоречий, ни даже достаточных мотивов для углубления традиционного англо-русского антагонизма. На дальневосточной почве постепенно выростали противоречия совсем иного порядка: японо-американские, англо-японские, англо-американские, русско-японские. Эти противоречия впоследствии превратились в тот запутанный узел отношений, который в послевоенный период сделал Дальний Восток центром мировой империалистической борьбы.

По Портсмутскому договору (август 1905 г.), завершившему собой русско-японскую войну, Россия, которая начиная с 90-х годов стремилась превратить Манчжурию в свою колонию, отказалась от притязаний на Манчжурию и уступила Японии южную ветку КВЖД и Ляодунский полуостров. Кроме того Япония получила Корею и южную часть Сахалина. «Главная цель войны для Японии достигнута,— писал по этому поводу Ленин.— Японцы окончательно овладевают всем Ляодуном, приобретают опорный пункт неизмеримой важности для воздействия на Корею, Китай и Манчжурию»¹.

С этого времени Япония стала одной из великих морских держав и получила гегемонию на Дальнем Востоке.

¹ Ленин. Собр. соч. Т. VII, стр. 45—46.

Это вовсе не отвечало интересам английского и американского империализма, тем более, что Япония, которая при своем появлении в Манчжурии клятвенно подтвердила верность принципу «открытых дверей», весьма скоро стала направлять все свои усилия на приобретение в занятых областях исключительного для себя положения. Утверждение Японии в Корею и Южной Манчжурии означало закрытие дверей на этих дальневосточных участках для других империалистических держав, причем Япония проводила это гораздо более решительно, нежели в свое время царизм.

Царская Россия, войдя в англо-французскую Антанту и бросив силы на укрепление обороноспособности своих западных границ, думала о дальневосточных делах только в пределах закрепления за собой тех позиций, какие милостью держав достались ей по Портсмуту. В этом направлении шла конвенция, подписанная Россией с Японией в мае — июне 1907 г., об объединении русских и японских железных дорог в Манчжурии и общее политическое соглашение от 17(30) июля, секретными статьями которого Манчжурия делилась на сферы влияния: северную — русскую и южную — японскую.

В ответ на это Америка в 1909 — 1910 г. выступила с проектом выкупа и интернационализации всех манчжурских железнодорожных линий и предоставления вместе с тем китайскому правительству международного займа². Однако американский железнодорожный проект был отклонен и царской Россией и с еще большей решительностью Японией.

В совместной борьбе с общими соперниками растут узлы русско-японской «дружбы». И тогда же, 21 июня (4 июля) 1910 г., Япония и Россия подписывают второе дружественное соглашение, подтверждающее *status quo* в Манчжурии, разграниченной три года назад на сферы влияния. Соглашение 1910 г. являлось шагом вперед по сравнению с предыдущим уже по одному тому, что предусматривало для обеих заинтересованных держав возможность «взаимной поддержки» в случае «угрозы» принятому «*status quo*»³. Для характеристики эпохи

² А. Канторович «Иностранный капитал и железные дороги Китая», стр. 73. 1926: также см. Э. Гримм «Доктрина открытых дверей и американская политика в Китае», стр. 122. «Международная жизнь» № 4—5 за 1924 г.

³ Mac Murray «Treaties and Agreements with and concerning China. 1895—1919». V. I, p. 803—804.

важно отметить, что секретные части обеих конвенций—1907 и 1910 гг.—были сообщены российскими и японскими дипломатическими ведомствами по принадлежности и Франции и Англии, а министр иностранных дел Извольский определял на особом совещании 14(27) апреля 1907 г.¹ проект договора с Японией как «звено», необходимое в «сети соглашений с Англией и Францией». Не поддержанный ни Англией, ни Францией американский проект интернационализации манчжурских железных дорог встретил сочувственное отношение в Германии, видевшей в нем средство расстроить складывающийся в плане англо-франко-русской Антанты русско-японский союз².

Чем дальше, тем все более симптоматичной становилась позиция Германии в дальневосточных делах. Здесь она повторяла то, что в более крупном масштабе предприняла на Ближнем Востоке: там, как известно, в вопросах малоазиатском и персидском она стремилась помешать англо-русскому сближению Потсдамским соглашением³; здесь она шла на заключение арбитражного договора с Японией с целью ослабления англо-японского союза. «Хотя я далек от того,— писал Вильгельм Бюлову 23 июля 1911 г.,— чтобы заключить союз с Японией... однако я готов в виде уступки согласиться на заключение этого арбитражного договора в целях улучшения международного положения в нашу пользу»⁴. «Арбитражный договор с Японией освободит ее от обязательств оказывать Англии военную помощь в случае войны последней с нами»,—пояснял Бетман-Гольвег⁵ проектируемый дипломатический ход. Германия определяла свою позицию в дальневосточных делах, исходя исключительно из соображений о предстоящей мировой империалистической войне, заботясь об обеспечении на этот случай своего дальневосточного тыла. С этой точки зрения в ее интересах был рост русско-японского соперничества в Манчжурии.

¹ «Архив внешней политики». В. Д. Кит. Ст. Журнал особого совещания от 14 апреля 1907 г.

² «Die grosse Politik». В. 32. № 1168 — 1169.

³ Потсдамское соглашение, предпринятое в ноябре 1910 г., являлось попыткой сближения Германии с Россией. По этому соглашению, Германия признала преимущественность интересов России в Северной Персии; эта уступка была направлена против англо-русского соглашения о разделе сфер влияния в Персии.

⁴ «Die grosse Politik». В. 33. № 11801.

⁵ Там же, № 11802. Телеграмма Бетман-Гольвега Вильгельму от 24 июля 1911 г.

«Чем больше сталкиваются русско-японские интересы, — писал германский посланник в Китае Рекс Бетман-Гольвегу в июле 1912 г., — тем это лучше для нас... Наши политические и экономические интересы требуют, чтобы мы поддерживали с Японией добрые отношения»⁶.

Германия прекрасно учитывала, что под покровом дипломатической дружбы русско-японское соперничество в Манчжурии возрастало. Об этом свидетельствовало лихорадочное стремление царской России усилить военную охрану Сибирской железной дороги. «Само собой разумеется, — заявил Столыпин германскому послу в России Пурталесу, затронувшему в беседе с ним (апрель 1911 г.) этот вопрос, — японцы потребуют компенсации, но мы постараемся придти с ними к соглашению, разрешив им так же увеличить свои воинские части в Манчжурии».

«Из этих слов я заключаю, — писал Пурталес Бетман-Гольвегу,—что в этом вопросе российское правительство постарается во что бы то ни стало добиться соглашения с Японией»⁷.

2

Дипломатическая переписка не раскрывает в данном случае всех тех мотивов, которыми руководились в своих действиях русские и японские политики. В рассматриваемый период Китай был охвачен революционным пожаром. Значительная часть китайской армии и флота перешла на сторону революции, и в Нанкине была провозглашена республика (декабрь 1911 г.) с временным президентом Сун Ят-сеном во главе. Дайцинская династия была сброшена в мусорный ящик истории (февраль 1912 г.), но революция в Китае не задушила контрреволюцию: на сцене появляется китайский Витте — Юань Ши-кай, который распускает национальное собрание и укрепляет в стране диктатуру буржуазии при помощи иностранного капитала. Среди прочих империалистических хищников, поджидавших удобного момента, чтобы броситься на свою жертву, наибольшим нетерпением отличались царская Россия и военно-феодалы Японии.

В октябре 1911 г., в разгар китайской революции, японский посол в Петербурге заверял российское министерство иностранных дел в твердом намерении японского правительства продолжать в манчжурском

⁶ Там же, № 12022.

⁷ Там же, № 11796.

вопросе политику согласованных действий. Считая, что России следует идти рука об руку с Японией на Дальнем Востоке, «...дабы не пропустить могущей представиться удобной минуты для упрочения занимаемого нами в Китае положения», Нератов ответил японскому послу Мотоно взаимностью¹.

Царское правительство не чувствовало себя одиноким в китайских делах. Франция тогда же выражала готовность «поддержать Россию во всем, что касается ее законных прав и интересов», не только в Северной Манчжурии, но и в Монголии и в Китайском Туркестане². Юань Ши-кай, рассуждал при этом Сазонов³, нуждается «прежде всего в деньгах, т. е. в иностранном займе, для подавления смуты», поэтому, чтобы «использовать настоящий момент и закрепить свое положение в Китае, мы должны опираться на Францию, японцы — на Англию»⁴.

Нависшая над Китаем в связи с предпринятой великими державами интервенцией угроза его целостности и независимости благоприятствовала видам царского правительства: распад Китая для России был желателен, ослабление его создаст возможность «довершить дело заселения и укрепления наших окраин»⁵. Подводя итоги внешней политики России за 1911 г., обозреватель кадетской «Речи» писал: «Китайская революция поставила на очередь вопрос, имеющий для нас гораздо более реальное значение» чем задачи России на Ближнем Востоке. «Автономия Монголии для нас, безусловно, полезна...»⁶. А обозреватель дворянско-бюрократического «Нового времени», останавливаясь на китайских событиях, приходил к заключению: «Властная дипломатия, чувствуя под собой твердую почву, могла бы использовать этот момент для крупных исторических действий»⁷.

¹ «Красный архив». Т. XVIII, стр. 64. Всеподданнейший доклад Нератова от 11 октября 1911 г. и пометка на нем Николая II.

² Там же, стр. 82—83. Нота французского правительства от 4 января 1912 г.

³ Сазонов—министр иностранных дел России в начале войны.

⁴ «Красный архив». Т. XVIII. Всеподданнейший доклад Сазонова от 10 января 1912 г.

⁵ Там же, стр. 75. Всеподданнейший доклад Нератова от 9 ноября 1911 г.

⁶ П. Милюков «Внешняя политика России в 1911 г.». «Ежегодник газеты «Речь», стр. 1—19. 1912.

⁷ «Новое время» № 12861 от 1 (14) января 1912 г. Ст. «Русско-внешние дела в 1911 г.».

Перспективы, открывающиеся перед русским капиталом на Дальнем Востоке в связи с китайскими событиями, активизируют в период 1911—1913 гг. известные круги русской буржуазии. Убежденный сторонник ближневосточной ориентации, генерал Куропаткин, например, решаясь бросить балканских славян на произвол судьбы, начинает проповедывать идею реванша на дальневосточной границе. Старый, царский дипломат барон Розен выступает с пространной запиской, обосновывающей необходимость смены внешнеполитических вех, не ограничивающейся отказом от ближневосточной агрессии и решительным курсом на Дальний Восток, но требующей даже перехода царской России из лагеря одной империалистической коалиции в лагерь враждебной группировки держав⁸. Царской дипломатии не оставалось ничего иного, как стараться сочетать принципы «осторожности» с принципами «твердости» и активности. Царская военщина, особенно отзывчивая на лозунги захватов чего бы то ни было, как всегда шла впереди, не задумываясь над сложностью проблемы и отбрасывая принцип «осторожности».

В конце 1911 г. монголы Хулунбуирского округа, Цицикарской провинции, объединяемые общим названием Барги, подняли восстание против китайских властей. Монголы оказались достаточно хорошо вооруженными и проявили такую организованность действий, что им удалось прогнать китайские власти и объявить Баргу независимой. Каким же образом разрозненные, кочевые племена могли достигнуть хотя бы временного успеха в борьбе с крепкой китайской властью? Оказалось, что повстанцев снабжал оружием начальник Заамурского округа пограничной стражи генерал-лейтенант Мартынов, а руководство восстанием и организация новой власти принадлежали офицеру царской службы подполковнику Байдаку. Как только утвердилась новая власть, Байдак не замедлил заняться организацией золотых приисков и рыбных промыслов⁹.

Но русская дипломатия не хотела создавать себе международные затруднения из-за ненадежной Барги. Она удовлетворилась достижениями во Внешней Монголии, продолжая, правда, нажим на Урянхайский край. В начале 1912 г. Сазонов докладывал царю

⁸ М. Павлович «Годовщина русско-японской войны». «Новый Восток» № 7 за 1925 г., стр. 18.

⁹ Архив внешней политики». В. Д. Кит. Ст. № 757.

о настояниях Щекина, поверенного в делах в Пекине, не медлить с занятием Урянхайского края. Сазонов высказался против проекта Щекина, но получил от царя на своем докладе резолюцию: «Нам необходимо более активно заняться решением этого дела, иначе мы нигде вдоль Китайской границы не добьемся пользы для себя. Вспомните историю занятия нашего Приамурского края»¹.

Вспоминая опыт манчжурской кампании 1900—1901 гг., русский дипломатический агент в Монголии приходил к мысли о том, что с «Китаем можно вести войну, не нарушая мирных отношений и продолжая переговоры». Он делал отсюда вывод, что для разрешения монгольской проблемы «вооруженное столкновение» может пойти на пользу, что оно «вернее приведет к развязке чем продолжительные дипломатические переговоры», ибо «после первого боевого урока... Пекин пойдет на уступки»². Русский посланник в Пекине со своей стороны готов был допустить, что настала пора проявить «твердость» по отношению к Китаю, показав ему, что «прошло то время, когда последствия русско-японской войны и наших внутренних неурядиц сказывались на нашей дальневосточной политике»³. А русский военный агент в Монголии, переводя эти мысли на военный язык, доказывал необходимость не ограничиваться посылкой каких-нибудь сотен казаков, но оперировать крупными военными силами—дивизиями. В мае 1912 г. английский посланник в Пекине заверял русского дипломатического представителя, что Россия «может без всякого опасения действовать в Западном Китае и Монголии» и что «только в Манчжурии придется считаться с японскими интересами и желаниями».

Английскому правительству не стоило большого труда давать подобные заверения царизму; гораздо труднее было для царского правительства «действовать», «считаясь» с интересами своего соперника.

Царскому правительству приходилось считаться с этими интересами не только в Манчжурии, но и в Монголии, где явственно обнаруживалось стремление японцев расширить понятие Внутренней Монголии за счет Внешней. Утверждая свой фактический про-

текторат над автономной Внешней Монголией, царское правительство шло на компромисс с Японией, подписывая с нею 25 июня (8 июля) 1912 г. третью по счету секретную конвенцию, разграничивавшую сферы русского и японского влияния в Монголии.

Но несмотря на явное подталкивание Англии, несмотря на поддержку Франции русский империализм, закрепляясь на внешне-монгольских и североманчжурских позициях, останавливается как бы в выжидательной позе: дальше русско-японского содружества в «реорганизационном» займе Китаю, дальше речи Сазонова в Государственной думе (13 (26) апреля 1912 г.), говорившего о разграниченных уже сферах влияния, дальше определенных толков о русско-японском союзе, связанных с посещением Петербурга японским дипломатом Кацурой, дело здесь не пошло.

3

1912—1913 годы — годы крайнего обострения империалистических противоречий на Балканах, годы развязывания империалистической войны, годы спешной постройки царской Россией стратегических железных дорог, годы разработки мобилизационных планов и проектов десантной операции в водах Босфора. Русский империализм готовится к сараевским событиям. Япония спокойно наблюдает за объединением контрреволюционных сил в Китае и укреплением диктатуры своего ставленника Юань Шикая. Она спокойно следит за событиями на Балканах, выжидая удобный момент, чтобы сделать свой прыжок пантеры.

Если бы исторические события развивались так, как представляют это себе некоторые, механистически мыслящие историки, выступление Японии на стороне держав Антанты осталось бы навсегда необъяснимой загадкой.

Самыми опасными соперниками Японии в деле распространения сферы ее влияния на Китай, кроме неготовой еще к вооруженной борьбе Америки, являлись Англия и царская Россия. В грозные, предвоенные дни в политических кругах Японии ставились под вопрос смысл и политическая целесообразность существования англо-японского союза. В японской печати все чаще слышались жалобы на Англию, которая более чем какая-либо другая иностранная держава противодействует успехам Японии в Китае. Отсюда делался вывод: «Если между Японией и Англией не установится на почве китай-

¹ «Красный архив». Т. XVIII, стр. 96—97. Всеподданнейший доклад Сазонова от 15(28) февраля 1912 г.

² «Архив внешней политики». В. Д. Кит. Ст. Депеня Коростовца от 31 октября (13 ноября) 1912 г., № 18.

³ Там же, письмо Крупенского от 16(29) ноября 1912 г.

ских дел экономический союз, то и политический их союз утратит всякое значение, и Японии придется искать более тесного сближения с Россией или с другой европейской державой, например с Германией, имеющей интересы в Китае»¹. Русский посланник в Пекине делал отсюда тот вывод, что «англо-японский союз все более теряет свое значение», что крепость этого союза была подорвана временной поддержкой со стороны Японии китайских революционных элементов, что теперь, отказываясь от этой двойной игры и вступая на путь поддержки пекинского правительства, Япония предлагает Англии реставрировать политически важный для нее союз новым соглашением о совместной полюбовной экономической эксплуатации Китая².

А два месяца спустя министр земледелия и торговли Оура в своей речи, произнесенной в Фукуима на тему о поднятии экономической и военной мощи Японии, говорил о близкой и неизбежной новой войне с Россией.

Речь Оуры пытались смягчить опровержениями. На недоуменный запрос Малевского Като отвечал заверениями в неизменности мирной политики Японии по отношению к России³. Но факт выступления Оуры был, конечно, симптоматичен: он говорил об активизации военных кругов Японии. Не даром накануне империалистической войны царская Россия с такой лихорадочной поспешностью старалась закончить военные сооружения в районе КВЖД и в феврале 1914 г. совет министров отпустил на это необходимые средства. Не даром царское правительство, занятое мобилизацией всех своих сил и средств на других фронтах, спешило выдать 3-миллионную ссуду Монголии и создать в Петербурге общество для постройки железных дорог в Северной Манчжурии. Проводимая царизмом оборонительная тактика на Дальнем Востоке не давала нужных результатов: в июле того же года товарищ министра иностранных дел предупредил русского посланника в Токио, что

¹ «Международные отношения в эпоху империализма». Т. II, стр. 529. № 405. Депеша Малевского от 11(28) апреля 1914 г.

² «Международные отношения в эпоху империализма». Т. III, стр. 96. № 85. Депеша Малевского от 12(25) мая 1914 г.

³ «Международные отношения в эпоху империализма». Т. IV, стр. 371. № 316. Депеша Малевского от 8(21) июля 1914 г. и т. V, стр. 23. № 15. Рапорт военного агента в Японии от 10(23) июля 1914 г.

экономическое завоевание японцами Северной Манчжурии продолжается⁴.

Итак, накануне империалистической войны русско-японское соперничество в Северном Китае было в полном разгаре; англо-японские противоречия также давали себя остро чувствовать. Когда разразилась война, русский посланник в Токио доносил, что Япония определит свое отношение к войне, сообразуясь со «своими обязательствами, вытекающими из союзного договора»⁵. Объяснение этими же мотивами позиции, занятой японским правительством в вопросе о войне, можно встретить даже в марксистской литературе⁶. Министерство Окумы, ставленника военной партии, сумело справиться с господствовавшими в пределах той же военной группировки германофильскими настроениями и поставило ставку на Антанту.

4

15 августа 1914 г. японское правительство предложило Германии следующий ультиматум:

«1. Немедленно отозвать из японских и китайских вод германских военных моряков и вооруженные суда всех родов и разоружить те, которые не могут быть отозваны.

2. Передать не позже 15 сентября 1914 г. императорским японским властям без всяких условий и компенсаций всю арендованную территорию Киао-Чао полностью ввиду возвращения ее в будущем Китаю»⁷.

Японский ультиматум давал Германии 12 часов на размышление. Ультиматум был послан без предварительного согласования с Англией, которая, не зная о нем, незадолго перед тем заявила, что требует военной помощи со стороны японского флота, на что Япония не согласилась. Присоединившись в силу союзного договора с Японией к ультиматуму, Англия пыталась, однако, ограничить сферу военных действий Японии пределами китайских вод и оккупированных Германией китайских территорий. Против японского ультиматума, как задевавшего «неприкосновенность» Китая, пытались про-

⁴ Там же, стр. 254—255. № 213. Письмо Арцимовича Малевскому от 1(14) июля 1914 г.

⁵ Там же, стр. 422. № 568. Телеграмма Малевского от 22 июля (4 августа) 1914 г.

⁶ Сен Катаяма «Современная Япония», стр. 53. 1926.

⁷ «Архив внешней политики». В. Д. Кит. Ст. Памятная записка японского посольства от 16 августа 1914 г.

тестовать США, но больше всех встревожились, разумеется, сами китайцы, опасавшиеся, что Япония, захватив Циндао, не вернет его Китаю, и выражали надежду, что державы Тройственного соглашения «не допустят японцев одних атаковать этот порт и что они примут участие в этой операции». «Помощь» Японии Антантой была принята: Гонконг и Вей-Хай-Вей оказались под надежной защитой. Китайцы вскоре убедились, что протест против ультимативного требования «непосредственного возвращения Циндао Китаю» будет «косвенной поддержкой» Китаем Германии и сможет «навлечь на Китай серьезные последствия»¹. Было установлено, что Китай заявит «формальный протест, который не будет иметь последствий»².

Не получив в течение 3 дней ответа от Германии, не считаясь с мнением союзников и протестом Китая, Япония развернула военные действия против Германии и блокировала Кизо-Чао. Позиция, занятая Японией в империалистической войне, определялась, разумеется, не соображениями морально-правового порядка, связанными с пунктом старых союзных соглашений; вступление Японии в мировую войну на стороне Антанты не могло, конечно, определяться одной только перспективой занятия Шань-Дуна, ни даже перспективой ограбления всего германского тихоокеанского наследства: Япония стремилась после победы над Германией в Китае завладеть самим Китаем.

Агрессивная и реакционная роль царской

¹ «Архив внешней политики». В. Д. Кит. Ст. Телеграмма Главе от 3(16) августа 1914 г.

² Там же, телеграмма Малевского от 16(29) августа 1914 г.

России на Дальнем Востоке выявлена в нашей историографии с достаточной полнотой. Мы знаем, что царизм стремился в свое время к протекторату над Кореей, пытался утвердить свою власть над Манчжурией, и т. д.

Срастание интересов японской буржуазии с интересами военно-бюрократической монархии (срастание еще более прочное чем то, какое имело место в царской России) приводило по мере развития финансового капитала в условиях незрелости массового движения к такой агрессивной политике, которая оставляла далеко позади агрессивную политику царизма.

Предъявлением Китаю 21 требования японский военно-феодальный империализм стремился утвердить свой протекторат над Китаем в целом. Это было вызовом по отношению к Америке, которой Япония все время заявляла о признании принципа «открытых дверей». Приняв эти требования, Китай превратился бы в японскую колонию.

Та агрессия, какая проводилась царизмом на Дальнем Востоке вплоть до возникновения империалистической войны, оказывается пустяком по сравнению с политикой современной военно-феодальной Японии в Китае.

Призрак военно-феодального империализма бродит по дальневосточному миру. Этот империалистический ихтиозавр обнаружил признаки не только живучести, но и особой активности в условиях гнивающего капитализма.

Быстрые темпы развития классовой борьбы на Дальнем Востоке служат порукой тому, что ихтиозавру японского военно-феодального империализма скоро придется разделить участь своего собрата — русского царизма.

М. Мительман и Глебов

„ПУТИЛОВЕЦ“

В ГОДЫ

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ

ВОЙНЫ

Первый год войны

Нарастала мощная волна революционного движения. На заводах Петербурга политические стачки переходили в вооруженные столкновения с полицией. 2 июля 1914 г. путиловцы в знак солидарности с бастующими бакинцами вышли на демонстрацию. У ворот их встретили выстрелами: двое убитых, пятьдесят раненых, свыше сотни арестованных — итог дня.

Завод забастовал. На улицах — стычки с полицией. Валили столбы, вагоны конной железной дороги, строили баррикады. Путиловская молодежь меж столбами протягивала тонкую стальную проволоку, и полицейские лошади, сразмаху напоровшись, опрокидывались вместе со всадниками. По вечерам царила зловещая тишина. На улицах — лишь казацкие раз'езды да полиция.

Завод бастует. 14 июля у Богомоловской — стрельба: жандармы разгоняют митинг, но каждый день на всех углах вспыхивают десятки быстрых, коротких летучек. 15 — 16-го — новый набор рабочих на завод. 17-го завод начал работать.

18 июля была объявлена мобилизация.

Импералистическая война началась.

Война вошла в завод, вырвав из организации десятки большевиков, угнав на позиции тысячи путиловцев, раздвинув стены военных цехов старого Путиловского завода, притушив на время бурное движение рабочих.

Прокламации петербургского комитета, призывавшие накануне войны «временно

приостановить движение так же организовано, как оно началось... готовиться к решительному бою... строить и укреплять организации... усилить пропаганду и агитацию в провинции... разбудить крестьянство и внести свет революции в крестьянское войско»¹, — были директивой большевистской организации.

В условиях усилившихся репрессий и патриотической шумихи в первые дни большевиками была созвана группа призванных на фронт. Выступал К. Николаев. Смысл его речи сводился к одному: «Нам эта война нужна, раз'ясняйте там, на передовых позициях, эту мысль». Мобилизованные заверяли: «Будем делать все, что сможем. С вами связь держать будем».

Во дворе путиловской церкви собрались «истинно» русские люди: лавочники, служащие завода, администрация и степенные деревенские бородачи, завербованные цеховыми старостами. Развевая хоругви, с царским портретом шли они по Петербургскому шоссе, попеременно выкрикивая: «Долой Австрию! Долой Германию!»

По тротуарам со смены возвращались рабочие. Они бросали громкие реплики:

— Ишь ты, рады стараться!

— Они, сволочи, все равно на войну не пойдут.

Рабочие не снимали шапок перед царским портретом. На Невском за это полиция сшибала шапки, здесь не осмеливалась.

Патриотическая шумиха начала опутывать отсталые слои путиловцев.

Около 10 тыс. новых рабочих, главным образом из деревни, недавно пришли на завод в погоне за высоким заработком: сверхурочной работы сколько угодно! Многие горожане: купцы, ювелиры, домовладельцы — укрывались от призыва. Среди этих слоев рабочих успешно проходили различные патриотические сборы. Но так было лишь первые месяцы. Вскоре дороговизна дала себя почувствовать. Стали сказываться тяжелые условия работы. Изнурительные обязательные сверхурочные измочаливали вконец. Процент заболеваемости резко повысился (у женщин, например, на 12%), количество несчастных случаев необычайно возросло. Завод, рассчитанный на 14—15 тыс. рабочих, вмещал теперь около 25 тыс.

¹ «Путиловец в трех революциях». Изд. «Истории заводов», стр. 230.

И даже у отсталой части новых путиловцев выветривался угар патриотизма. Рабочие отказывались работать сверхурочно, по праздникам.

Тогда на завод приехал сам царь.

Он обошел цеха. Говорил с подставными рабочими. Напоролся на демонстративное молчание путиловцев и уехал, не подняв настроения. Наоборот: видевшие его разочаровались, если даже хоть немного верили в престиж самодержца.

Процесс осознания войны как войны империалистической, чуждой интересам трудящихся, а главное, осознание необходимости революционного выхода — превращения войны империалистской в войну гражданскую, — уже шел в массах рабочих. Он вызывался не только ужасами войны и тяжелым экономическим положением, но и работой крепко спаянной, активно действующей большевистской организации завода.

Партия жива

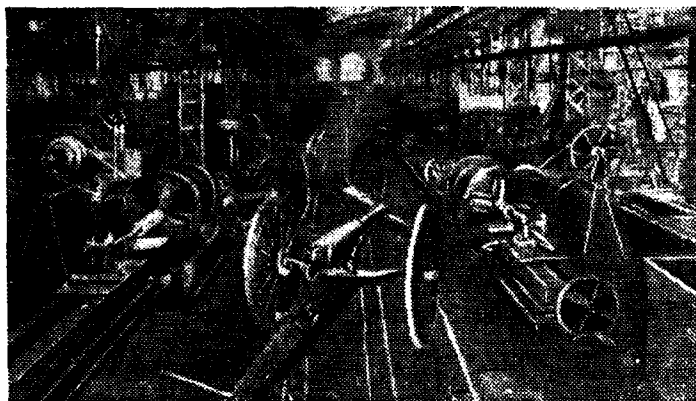
В начале войны большевистская организация насчитывала 110—115 чел. Она не переставала расти. Но цепкая рука полиции и охранки через свою агентуру — провокаторов — время от времени вырывала десятки передовых большевиков.

Ни на секунду не приостанавливалась подпольная работа. Новая обстановка требовала изменения методов работы, требовала новых лозунгов. Обескровленной организации приходилось решать вопросы тактики борьбы в значительно усложненной обстановке.

«Мы знали, был Базельский конгресс. Всем социалистам нужно бороться против войны — таково было решение. И вдруг извещение: германские социал-демократы голосовали за военные кредиты. И это обстоятельство смущало нас и не во всем было понятным»¹.

Большевистскую организацию составляли в большинстве товарищи, за год — два перед войной вошедшие в партию. Прежнего ядра, политически окрепшего в борьбе, приученного к тяжелой подпольной работе в годы реакции (А. Васильев, А. Буйко, В. Савинов и др.), уже не было на заводе. Райкома как целого тоже не существовало. Уцелели лишь отдельные члены райкома. Связь между организациями в мастерских была потеряна. Связь с петроградским комитетом нарушена, да и самого петроградского комитета целыми неделями не существовало: чле-

¹ Воспоминания А. Миничева. Стенограмма, хранящаяся в ред. «Истории Путиловского завода».

Путиловский завод. Отдел пушечно-сверлильных и полировочных станков в период мировой войны.

ны его часто сидели в тюрьме после выпуска очередной прокламации.

Постепенно, нащупывая связи, создалась инициативная группа для объединения большевистских сил. В группу вошли А. Яковлев, Лищенко, А. Бодров, В. Пастернак, Н. Богдалов, Белкин и др.

В январе был организован райком Нарвского района, состоявший целиком из путиловцев. Райком сразу взялся за восстановление групп в цехах.

Во всех крупных мастерских были оформлены группы; установили взносы; устраивали собрания представителей групп, и к весне 1915 г. уже имелась довольно крепкая боевая организация.

С этого момента и начинается непрерывное, все увеличивающееся брожение путиловцев и ни на секунду не прекращается боевая работа большевиков. Ни одна заводская стачка, ни одно выступление не проходили без руководства или инициативы большевиков.

Против большевиков были все: и жалкие остатки черносотенцев, и оборонцы-меньшевики, и эсеры, и полиция, и охранка, и заводская администрация, и церковь. Все они были за «войну до победного конца».

И, преодолевая сопротивление оборонцев, большевики подымали в рабочих сознание необходимости борьбы против империалистической войны.

День, когда в тесном кругу большевиков читался только что полученный № 33 «Социал-демократа», остался памятным днем. В руках путиловцев-революционеров появилось новое, остро отточенное оружие:

«Для нас, русских социал-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства,

угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии»¹.

Четкий, прямой, последовательный лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую овладевал все большими массами рабочих.

Массовое движение

Весной 1915 г. начались небольшие цеховые волнения: на почве дороговизны, тяжелых условий труда, бесправия и издевательств возникали мелкие стачки. Их быстро подавляли умелой подачкой, угрозой отправки на фронт, арестами, увольнениями с завода. Июль был месяцем сплошных забастовок. Большинство стачек продолжалось один день и даже несколько часов, но их было необычайно много: они вспыхивали в 40 с лишним мастерских завода, раскачивая коллектив путиловцев на общее выступление.

Начались митинги-летучки. Еще раньше, в годовщину 9 января, в день суда над большевистской думской пятеркой — 10 февраля, в годовщину ленского расстрела — 4 апреля, были проведены митинги. Они прозвучали призывом к революционному действию впервые за время войны. Теперь же в каждом цеху время от времени на 2—3—5 минут собирались сходки и митинги, заряжавшие людей волей к победе и к борьбе.

В августе и сентябре мелкие забастовки, перебрасываясь из мастерской в мастерскую, сливались, становясь общезаводскими. Экономические требования цехов подкреплялись политическими.

Такой подъем движения на «Путиловце» обеспокоил общество фабрикантов и заводчиков. Правление Путиловского завода на экстренном собрании приняло твердое решение: «Никаких уступок рабочим».

А завод уже бурлил.

В курилках, в уборных, везде, где только собирались двое—трое рабочих, шли ожесточенные споры о войне, о расценках, о дороговизне, и зачинщиком этих споров всегда бывал большевик.

Назревало выступление всего завода.

События в Костроме, где расстреляли рабочих льняной мануфактуры, всколыхнули путиловцев. 19 августа забастовала верфь. На заводском митинге выступали большевики тт. Барановский и И. Егоров. Охранка забеспокоилась и в конце августа произвела налет на больничную кассу завода, аресто-

вав 30 путиловцев (24 из них были отмечены в рапорте как «социал-демократы ленинского толка»). В ответ на арест забастовала сборочная мастерская. 1 сентября во дворе завода митинговало 2 тыс. рабочих. На следующий день вспыхнула общезаводская стачка. Больше 6 тыс. чел. собралось у часовни, постоянного места митингов. Была принята боевая резолюция, хотя и не во всех пунктах большевистская.

С песней, бодро, хлынула демонстрация на шоссе. У Шелкового переулка наскочила полиция и разогнала демонстрантов.

Директор завода объявил расчет всем рабочим. Главнокомандующий генерал Рузский отдал приказ — «принять решительные меры к восстановлению нарушенного порядка работ на заводах».

Путиловцев поддержали другие заводы (Лесснер, Котельный и др.). Всего бастовало около 70 тыс. рабочих.

Движение не пошло на убыль и в феврале 1916 г. разлилось еще более мощным революционным потоком, расшатывая устой царской монархии.

Военно-промышленные комитеты

Война велась бездарно и продажно. Буржуазия, кровно заинтересованная в победе, стала проводить «организацию всех живых сил страны, в первую очередь рабочего класса» (слова капиталиста Коновалова). Формой этой организации явились военно-промышленные комитеты, с рабочими группами при них. Большевики горячо откликнулись на эту затею. «Душой» ее проведения был оборонец К. Гвоздев.

Привлечь рабочих в военно-промышленный комитет — значило вовлечь рабочих в дело организации победы, значило помогать империалистам, царской монархии и буржуазии. Естественно, большевики были против участия рабочих в этих комитетах, но отказываться от участия в выборах не следовало: надо было использовать их как трибуну для большевистской агитации.

На Путиловском заводе выборы прошли в жестокой драке с оборонцами. На заводском собрании уполномоченных от мастерских выяснилось, что большинство уполномоченных либо большевики либо сочувствующие им. Оборонцы развили необычайную для них энергию. Однако был принят наказ, прочитанный представителем петроградского комитета, большевиком тов. Плетневым. Наказ гласил:

«1. Речи не может быть об участии пред-

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 65.

ставителей рабочих в центральном военно-промышленном комитете.

2. Подобное участие было бы фальсификацией воли пролетариата, изменой его революционному интернациональному знамени.

3. Поэтому рабочие-уполномоченные должны громко заявить об отказе участвовать в каких бы то ни было учреждениях, способствующих войне».

Но принятие наказа путиловцами означало лишь часть победы: основное — завоевание общегородского собрания выборщиков — было впереди. Нужно было сорвать выборы. Петроградский комитет решил послать своих представителей через путиловскую делегацию, имевшую за собой авторитет завода. Удобный случай представился. Двое из уполномоченных (люди случайные): Кудряшев и Диков — согласились не пойти на собрание. Их мандаты передали двум членам петроградского комитета: Богдатыеву и Залезскому.

На общегородском собрании соотношение сил было таково: из явившихся 198 уполномоченных большевиков было 60, меньшевиков — 81, остальные — беспартийные. Они-то и решали исход собрания.

Путем долгой борьбы путиловцы добились выбора в президиум собрания в качестве зампреда Кудряшева-Богдатыева и К. Николаева первым секретарем.

Пользуясь этим, Кудряшев и Залезский выступили по два раза: первый громил и обличал защитников военно-промышленного комитета, второй издевался над меньшевиками и высмеивал их.

Когда же в результате 90 уполномоченных голосовало за большевистскую резолюцию, а 81 — за оборонческую, возмущению побежденных не было границ: они кричали о подлоге, а К. Гвоздев даже разразился по этому поводу статьей в газете.

Путиловские большевики (Г. Гвоздев, А. Миничев, Т. Барановский, К. Николаев) спешно занялись печатанием листовки. Текст писал Залезский, набирал наборщик, присланный из петроградского комитета, печатали на квартире Миничева. Листовка была озаглавлена «Ответ Гучкову и К^о» и разоблачала затею с военно-промышленным комитетом. За ночь отпечатали 3 тыс. экземпляров.

Вторичные выборы состоялись уже под председательством самого Гучкова, председателя центрального военно-промышленного комитета. На них опять явились большевики. К. Николаев выступил первым, прочел длинную большевистскую декларацию и по-

Тов. Рошаль.

ложил ее перед Гучковым. После этого большевики покинули зал.

В это время другие, более мощные события пережестывали уже через голову Гучкова, Гвоздева и К^о: революционное движение в цехах и заводах крепло и накапливало силы для дальнейшего наступления.

Больничная касса

Напротив завода, в каменном здании, помещалась путиловская больничная касса, завоеванная большевиками еще до войны. Здесь постоянно толпились рабочие — это было место для явок и конспиративных собраний.

Здесь происходили заседания райкома. Здесь, среди бумаг, в архиве хранилась нелегальная литература, отсюда же она распространялась. В кассе изготовлялись поддельные паспорта для нелегальных партийцев. В качестве рядовых служащих больничной кассы работали видные работники партии: так прошли через кассу Н. Подвойский, Г. Г. Ягода, А. Винокуров, Элиава, Рошалль, Н. Толмачев и др. В правлении кассы сидели активнейшие большевики завода: И. Егоров, Корнеев, Кощевский, К. Николаев, Леошко, Вилисов и др.

Служащие кассы — большевики — много поработали над составлением годового отчета кассы за 1915 г. Каждая цифра в этом отчете была обвинителем и агитатором. Данные об увечности, смертности, болезнях и текучести были вопиющими, и отчет их так преподносил, что смысл их был понятен каждому рабочему.

Чиновники из цензурного комитета пришли в негодование: «—Что это за цифры? Откуда такая высокая цифра туберкулезных и вообще легочных заболеваний?»

— От того, что не хватает воздуха ни на работе, ни в квартирах; в отчете объяснено, почему это происходит.

— Цифра увечий слишком высокая.

— Она взята с завода. Велика потому, что нет мер предосторожности.

Так цензоры перебрали пункт за пунктом и в заключение спросили:

— Вы что, революцию хотите вызвать?

— Рабочему отчет ничего нового не скажет. Он сам видит, в каких условиях живет и работает, — ответила я.

— А если ваш отчет попадет за границу и там увидят, что на заводе, рассчитанном на 16 тыс. чел., работает 31 тыс., то как вы

Гов. Г. Г. Ягода.

думаете, во сколько они увеличат свои войска? — и запретили печатать отчет»¹.

Работой по составлению отчета руководил Н. Н. Подвойский. Непосредственными составителями были Г. Г. Ягода и Свирская.

Большевики — служащие кассы — вели огромную пропагандистскую работу. Они руководили кружками, делали доклады. Несмотря на частые аресты руководителей работа не прекращалась. Сеть кружков расширялась. В пушечной, башенной кружки работали регулярно. В других цехах то возникали, то распадались.

Знания, получаемые в кружках, помогали разбираться в обстановке, вести практическую работу. Ф. Лемешев вспоминает, как много ясности в отношении к войне внесло обсуждение Циммервальдского манифеста, дошедшего до завода лишь в начале 1916 г.

В помощь пропагандистам организована была библиотека, содержащая до 400 экземпляров запрещенных книг.

Так шла внутривнутрипартийная учеба. Изредка приглашали на занятия одного — другого проверенного беспартийного. Раз—два придет, услышит слова правды — и включается в работу. Годы 1915—1916 были годами усиленного подпольного роста организации. За это время она выросла приблизительно человек на 60—80, но значительное количество работников было вырвано из рядов партии и брошено в тюрьмы, выслано, отправлено на фронт.

Тысяча девятьсот шестнадцатый год

1916 год начался огромной февральской стачкой. 3 февраля электрики потребовали увеличения зарплаты. Директор отказал — электрики забастовали. Атмосфера завода была грозовой. Во всех мастерских поднималась волна забастовок. Отказ электрикам возбудил остальных рабочих. Райком разослал агитаторов. В коротких беседах принимались решения — помочь электрикам присоединиться к забастовке, выставить свои требования. Директор обратился за помощью к начальнику военного округа. К вечеру были вывешены два объявления: одно — дирекции, другое — начальника Петроградского военного округа князя Туманова. Последнее угрожало фронтом и даже больше—милитаризацией рабочих. «Забастовавшие рабочие из числа военнообязанных будут призваны на действительную военную служ-

¹ Воспоминания Свирской. Стенограмма, хранящаяся в ред. «Истории Путиловского завода».

бу и назначены уже в качестве нижних чинов для отбывания своей службы на тех местах, где они работали прежде».

В ответ на это все мастерские бросили работать. Большевистский райком срочно собрался и решил вывести рабочих из цехов. На митинге постановили объявить забастовку всего завода. Резолюция гласила: «Мы (путиловцы) наравне с экономическими требованиями выдвигаем свои политические лозунги: демократическая республика, конфискация помещичьих земель, 8-часовой рабочий день». В заключение резолюция призвала по примеру прокламации петроградского комитета «противопоставить мобилизации реакционных сил мобилизацию пролетарских сил для второй российской революции».

Князь Туманов действовал решительно. 5 февраля по его приказу был закрыт завод, рабочие рассчитаны и призваны на военную службу.

Петроградский комитет выпустил воззвание с призывом решительного отпора: «Забастовка протеста с требованием отмены приказа Туманова — вот оружие, которое должен взять в руки рабочий класс Петрограда».

«Революционные демонстрации на улицах и братание с армией» — вот второе, к чему призывал ПК.

Охранка перепугалась. Она произвела по-важные аресты среди рабочих и большевиков: взяли Барановского, И. Егорова, одного из организаторов стачки электриков, Д. Романова, Грекова, Васю Алексеева.

До 9-го завод не работал.

А 10-го, встав на работу, рабочие вновь забастовали, требуя освобождения арестованных, выдвигая старые, неудовлетворенные экономические требования. До 22-го тянулись переговоры с администрацией, уже ставшей на путь уступок, а 22-го начались суды рабочих над ретивыми цеховыми администраторами. Мастера в шрапнельной и его помощника, обвиняемых в доносах, схватили и повели в башенную. Здесь обвинители произносили свои речи. Шум, крики, смех кругом. Приговор: вывезти на тачке. На доносчиков набросили мешки из-под сурика и со свистом и тиканием выкатили за ворота. Прессовщики вывезли на санках инженера. Работницы из жестяной мастерской вывезли мастерицу. Вывозы были в пушечной и в других мастерских.

Князь Туманов в тот же день распорядился вновь закрыть завод и призвать на военную службу ратников первого и второго

разрядов и два молодых года. Свыше 2 тыс. путиловцев было отправлено в казармы.

В числе взятых на службу были слесарь башенной мастерской И. И. Газа, молодой, активный революционер-рабочий, И. И. Алексеев, И. Соловьев, Н. Смирнов и др.

ПУТИЛОВСКИЙ ЗАВОДЪ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Въ дополнение къ объявленію моему отъ 22-го сего Февраля сообщая, что ввиду закрытія Завода подлежать къ расчету рабочіе всѣхъ мастерскихъ, за исключеніемъ:

Железнодорожнаго цеха

Заводскаго Депо.

Испытательной станціи

Смотровскаго и сторожеваго цеха.

Магазина Завода и

Центральной Электрической станціи.

О днѣ выдачи расчета будетъ объявлено дополнительно.

Директоръ Завода

Генералъ-Мажоръ Дубницкій

23 февраля 1917 года
Петроградъ

Объявление о закрытии завода в дни Февральской революции.

В помощь путиловцам забастовало 100 тыс. питерских рабочих; эта забастовка нашла отклик и в провинции: забастовали рабочие Бежецкого завода.

Тогда правительство взяло «Путиловца» в свои руки (секвестровало завод). Директором был назначен генерал. В правление общества путиловских заводов вошли генералы и сановные чиновники.

На место рабочих нагнали тысячи солдат. Ходили они в полной форме, жили в казармах, а многие и на частных квартирах, носили все воинские отличия и соблюдали чиновпочитанье.

Обрадованные избавлением от фронта, зажатые прессом палочной дисциплины, солдаты вели себя вначале смирно.

Большевики поставили себе задачу — обработать солдат, вовлечь их в революционную борьбу.

Им это удалось. Ф. Лемешев, работая в железнодорожном цеху, вел за собой целую группу солдат. Один за другим солдаты переходили к большевикам, да и сама жизнь толкала их на борьбу.

К осени вновь забушевал путиловский завод, а в конце октября в связи с судом над матросами Балтийского флота завод и верфь полностью прекратили работы.

Охранка арестовала 24 служащих кассы и переписала 700 рабочих, бывших там.

Пушечники по этому поводу устроили собрание. Послали к директору делегацию. Тот принял ее сурово, заявив, что родина в опасности и надо думать о ее благе.

Райком собирался каждый день. Под конец было решено организовать общезаводскую стачку.

Работы прекратились.

Во дворе собрался митинг. Полицейский отряд, человек в 40, пытался разогнать собравшихся. Град железных обрезков и камней заставил их отступить. Тогда приехали конные, но и их прогнали. Схватка с полицией продолжалась на улице. В ней принимали активное участие примкнувшие к рабочим солдаты. Через несколько дней 80 солдат были арестованы и преданы военно-полевому суду. Завод закрыли на 6 дней. Весь ноябрь не было нормальной работы.

Декабрь был относительно спокойнее, а с января 1917 г. началась лихорадочная ра-

бота по подготовке завода к большому выступлению. Прокатилась волна летучек, мас-совок, митингов. Широко использовался метод итальянской забастовки. Начались мощные демонстрации. Полиция била рабочих нагайками, ее сшибали камнями и булыжниками.

В течение декабря, января охранка из'яла десятка два—три активных большевиков, но это не помогло: завод уверенно шел к большой общей политической забастовке

18 февраля началось с лафето-штамповочной мастерской. Через три дня стачка охватила весь завод. Движение путиловцев сливалось с движением во всем Питере, нарастала небывалая волна революционного под'ема. Спустя несколько дней начались бои рабочих с полицией.

Войска стали на сторону рабочих.

Началась Февральская революция.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ в 1914 — 1918 гг.

Измена вождей II интернационала задержала революционные выступления масс при объявлении империалистической войны. Это особенно относится к Германии, так как ведущей партией II интернационала была германская социал-демократия. «Масса не могла поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в «горстке» Легинов, Каутских, Шейдеманов, предала массу...»¹ — говорил Ленин в своей полемике против Каутского, болтавшего о том, что к началу войны «4-миллионная масса по приказу горстки парламентариев повернула направо кругом»².

На самом деле, далеко за пределами кругов социал-демократической партии в эти решающие дни июля и августа 1914 г. миллионы трудящихся ожидали революционных директив своих вождей, ждали, что партия призовет их к революционным действиям. Но этого не последовало.

А в то же время «военная организация была налицо, в ней измены вождей не было, она призывала «массу» по одиночке, ставя ультиматум: иди в войско (по совету твоих вождей) или расстрел»³.

Для того чтобы революционная деятельность широких слоев трудящихся вылилась в массовые выступления, объединенные единством воли, нужна была новая организация, организация нового типа. Создание такой организации в тяжелейших условиях военной диктатуры, в обостренной борьбе против старой, гнилой, предательской организации было трудным делом.

И мы видим, как эта организация, vznikшая в Германии в 1914 г., в течение

ряда лет не может окончательно порвать со старыми традициями и организационно отмежеваться от старой социал-демократии. Это обстоятельство не могло не отразиться на всем ходе массовых выступлений германского пролетариата за все четырехлетие 1914—1918 гг. Поэтому бои, в которых все больше нарастали революционный пафос масс, их героизм и самопожертвование, не привели к решающим дням, какими были Октябрьские дни 1917 г. в России.

Первые годы войны

23 августа 1914 г., в первые дни войны, с.-д. «Бременер бюргерцейтунг» поспешила заявить: «Интернационал уничтожен».

А уже 10 сентября Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг и Клара Цеткин выступили с протестом против шовинистического выступления Зюдекума в социал-демократической печати Швеции. 27 октября Либкнехт опубликовал свое мнение о поведении социал-демократической фракции рейхстага при голосовании кредитов на войну.

Это были первые голоса протеста, прозвучавшие открыто в Германии. Вместе с тем эта горстка честных, революционно мыслящих социал-демократов начала издавать информационный материал, направленный против социал-шовинизма. Появившиеся впервые в октябре 1914 г. «Лучи света» («Лихтштрален») Юлиана Борхардта также содействовали объединению оппозиционных элементов германской социал-демократии.

В конце 1914 г. вокруг маленькой группы руководящих товарищей собралось уже порядочное количество функционеров и членов социал-демократической партии, подготовлявших переход германского рабочего класса к действию.

Голосование Либкнехта против военных кредитов 2 декабря 1914 г. нашло широчайший отклик в массах. Его декларация против империалистической войны распространялась нелегально в тысячах экземпляров. 2 декабря стало поворотным пунктом, сигналом к нараставшему в массах новому революционному под'ему.

Одновременно начались и двойные атаки со стороны предательской социал-демократии: со стороны открытых социал-шовинистов, которые опирались на поддержку благоволивших к ним военных властей и на профсоюзы, и скрытых социал-шовинистов-каутскианцев, пытавшихся опутать моло-

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XVIII, стр. 266.

² Там же, стр. 265.

³ Там же, стр. 266.

дое революционное движение сетью лицемерия и «марксистских» фраз.

Первый шаг к собиранию оппозиционных элементов внутри социал-демократии увенчался успехом. Изданные оппозицией нелегальные листовки (их уже было с полдюжины) оказали свое действие. Вместе с тем и информация в виде «Материала для докладчиков», брошюра Борхардта «До и после 4 августа» и вышедший в феврале первый номер теоретического органа оппозиции «Ди Интернационале», издававшийся Розой Люксембург и Францем Мерингом, содействовали росту недовольства среди немецких левых и указывали молодой оппозиции дальнейшие пути.

18 марта в связи с Бернской женской конференцией перед зданием рейхстага произошло первое массовое выступление против войны и военной политики правительства. Правда, собравшихся было только несколько сотен, но и это выступление произвело большое впечатление на выжидавших и колеблющихся. Правительство предприняло все меры для того, чтобы об этой демонстрации никто не узнал.

Это оказалось невозможным. Известие о выступлении быстро распространилось в рабочих кругах. Но социал-шовинистическая печать решила помочь в этом деле буржуазии, изобразив демонстрацию не имеющим значения сборищем.

В начале марта произошла первая забастовка с участием 80 рабочих на шахте «Бисмарк» в Силезии.

В апреле 1915 г. металлисты Ремшейда выступили с резким протестом против линии газеты металлистов, одобрявшей шовинистическую политику 4 августа. 28 мая у рейхстага, в Берлине, произошла вторая демонстрация, в которой участвовало около 1500 чел., преимущественно женщин. Часть из них была арестована. В это время вышло нелегально распространявшееся воззвание Либкнехта «Враг находится в своей стране», в котором говорилось: «Главный враг германского народа находится в Германии. Это—германский империализм, немецкая военная партия, германская тайная дипломатия».

Дальнейший рост революционного движения вызвал новые маневры каутскианцев. Они пытались завоевать на сторону Гаазе и Каутского происходившую в Берлине 1 августа 1915 г. женскую конференцию, выдвинувшую требование немедленного заключения мира. Но эта попытка окончилась неудачей.

Растущая нищета масс к концу лета 1915 г. дала толчок революционному движению. Осенью произошли демонстрации со многими тысячами участников. Голодная зима 1915—1916 г. принесла массам дороговизну и бесконечные очереди за ничтожным пайком. Во многих городах Германии произошли голодные беспорядки.

В это же время Либкнехт выступал в рейхстаге против империалистического германского правительства. В своих знаменитых «Малых запросах» он разоблачал аннексионистскую и разбойничью политику германского правительства.

Нелегальные листовки и брошюры разносили лозунги левых, т. е. революционных, оппозиционных групп, в широкие круги рабочих и мелкой буржуазии.

Эти лозунги еще не отличались четкостью и определенностью. В них на первое место выдвигалось требование заключения мира, причем не указывалось на необходимость превращения империалистической войны в войну гражданскую и борьбы за социалистическую революцию. И, тем не менее, они сыграли свою революционную роль: движение масс разрасталось. С целью задержать его СПГ становилась «революционнее».

Ее единомышленники—каутскианцы—сделали не первый шаг для обмана масс: 21 декабря 1915 г. они голосовали против миллиардных кредитов.

1916 год

1916 год принес с собой мощный под'ем революционного движения. Спекулятивная деятельность правительства капиталистов и юнкеров, бесчисленные кровавые жертвы павших в февральской резне под Берденом, названной солдатами «верденская мясорубка», вызывали столкновения с полицией. Участились беспорядки на производствах.

Чрезвычайно активная деятельность Либкнехта привела в начале 1916 г. к более тесному объединению трех важнейших оппозиционных групп: бременских левых, группы Борхардта и группы «Интернационал». Роза Люксембург, находясь в тюрьме, выработала объединенную платформу—«Основные положения».

«Основные положения», правда, выдвигали требование создания нового, действительно революционного Интернационала, но не указывали массам пути для его создания. В них отсутствовал также лозунг превращения империалистической вой-

ны в войну гражданскую. Каутскианцы не разоблачались как скрытая социал-шовинистическая группа. И, самое главное, в них не высказывалась необходимость создания новой революционной партии, строящей свои организации нелегально. И все же эти «Положения» были значительным шагом вперед, так как в них предусматривалось объединение трех германских оппозиционных групп и говорилось о борьбе с лицемерной политикой Каутского. «Основные положения» вызвали усиленный выпуск нелегальных листовок.

Радикализация масс и объединение крайней оппозиции вокруг Либкнехта побудили каутскианцев провести более заметное «размежевание» с социал-шовинистической партией Шейдемана—Эберга—Носке. 24 марта «оппозиция» Каутского—Гаазе—Ледебура сконструировалась в виде «социал-демократического рабочего союза».

Они рассчитывали на то, что оппозиционные рабочие расценят это новообразование как действительную оппозицию внутри СПГ.

Либкнехт и его единомышленники, объединившиеся вокруг «Основных положений» Розы Люксембург, начали с января 1916 г. издавать многочисленные нелегальные листовки и так называемые «Письма «Спартак», вначале писавшиеся лично Либкнехтом. При помощи нелегальных прокламаций происходило революционное воспитание масс.

Первым серьезным испытанием революционной активности масс было 1 Мая 1916 г. По инициативе Либкнехта в Берлине и других городах в этот день были намечены многотысячные демонстрации. Буржуазия струсила. В Берлине войска были приведены в боевую готовность, чтобы в любую минуту в случае нужды подавить движение.

В связи с майскими демонстрациями произошли многочисленные стачки. Успешно окончилась стачка брауншвейгской рабочей молодежи против приказа военных властей о так называемых «принудительных сбережениях», на основании которого рабочие сбережения должны были передаваться на военные цели.

1 мая 1916 г., во время демонстрации, в Берлине был арестован любимый вождь германских рабочих Карл Либкнехт.

Арест Либкнехта вызвал огромную волну революционных массовых движений. Несмотря на все старания СПГ и каутскианцев, а также империалистского правительства за-

Карл Либкнехт во время войны. (Первый слева).

тормозить это движение не удалось. 28 июня 1916 г. оно достигло своей высшей точки: бастовало 55 тыс. рабочих берлинских заводов военного снаряжения. Значительные забастовки происходили и в других городах. Рабочие оружейных заводов в Брауншвейге в течение нескольких дней участвовали в общей забастовке. Поводом к этому огромному движению было осуждение Либкнехта за антивоенную работу к четырехлетнему тюремному заключению.

Продовольственный кризис и начавшееся после битвы на Сомме критическое военное положение Германии наряду с забастовками на военных заводах стали подрывать основу германского империализма.

Стачной волной были охвачены главным образом крупнейшие предприятия военной промышленности. В одной Рейнско-Вестфальской области бастовало более 2 тыс. предприятий, а в Берлине—400.

Тем не менее спартаковцам не удалось расширить революционного массового движения. Несмотря на всю свою активность группа «Спартак» не являлась еще большевистской партией, которая могла бы тогда повести массы в решающие политические бои за завоевание власти. Она не выдвинула лозунга вооруженного восстания и не порвала организационно с оппортунистами из II интернационала.

Правда, забастовки продолжались и в горной и в военной промышленности. Но объединенными усилиями правительства, военных властей и социал-шовинистов они были скоро ликвидированы.

Каутскианцы внушали рабочим надежду на возможный и скорый мир без революции. Этим путем Гинденбургу и Шейдеману удалось надеть на германский пролетариат ярмо принудительного труда.

Влияние Февральской революции

Февральская революция вызвала в Германии широкое массовое движение. Воля к борьбе немецких рабочих, истощенных «капустной зимой» и растущим голодом, обнищавших и имевших перед собой лишь перспективу новой массовой резни, получила новое подкрепление благодаря событиям в России.

Если ранее в стачках участвовали десятки тысяч рабочих, то в апреле 1917 г. впервые в Германии в политическую массовую стачку вступили сотни тысяч. Это мощное движение началось в военной промышленности.

В несколько дней число бастующих выросло до 300 тыс. Рабочие, уже имевшие перед собой уроки Февральской революции, к ужасу буржуазии, начали создавать рабочие советы. Их требования приняли политический оттенок. От Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов они переняли лозунг «Немедленный мир без аннексий и контрибуций», нашедший отклик среди миллионов масс германского пролетариата.

Однако вследствие нечеткой позиции «Спартак» пришедшим в движение рево-

люционным рабочим не хватало политической ясности для правильного продолжения начатых массовых действий. Поэтому так же несмотря на настойчивую борьбу группы «Спартак» против немецких «центристов», группы Каутского—Гаазе—Ледебура среди немецких рабочих продолжали существовать неясности по поводу этих псевдооппозиционеров: они еще не имели представления о разнице между большевиками и меньшевиками; у самой группы «Спартак» не хватило решительности, для того чтобы не допустить перехода руководства начавшейся стачкой в руки каутскианцев.

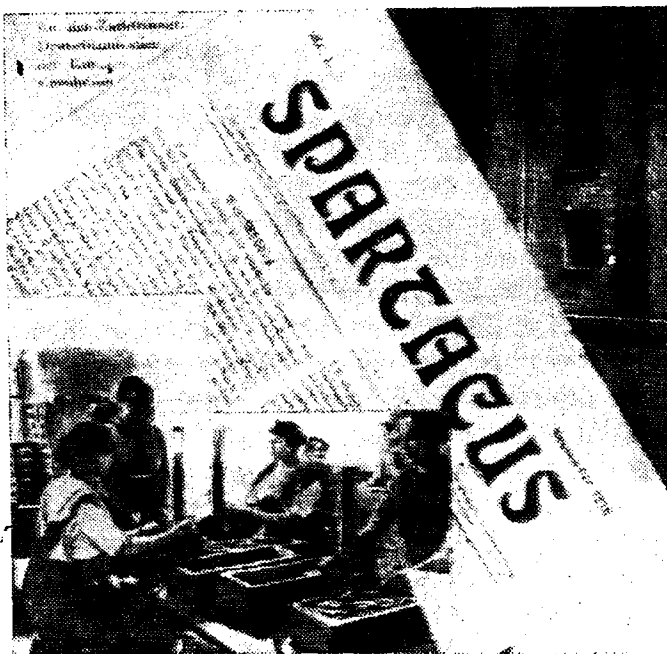
Последние, учитывая влияние Февральской революции на массы, снова предприняли в апреле 1917 г. серьезные шаги для обмана масс. Они сорганизовались в самостоятельную партию, в «независимую социал-демократическую партию». Теперь они могли представляться рабочим в качестве оппозиционной партии. Что же касается «Спартак», который вследствие неправильного понимания Розой Люксембург вопроса о роли партии в революции не решался организационно отделиться от группы Каутского, а при создании независимой СДП продолжал сохранять с ней связь, то рабочие рассматривали его как часть оппозиционной группы Каутского—Гаазе—Ледебура.

В результате этого независимая СДП захватила руководство стачкой рабочих оружейных заводов, добилась снятия политических требований, а затем и ликвидации стачки.

Буржуазия жестоко мстила за причиненный ей страх. Предприятия были объявлены на военном положении, рабочие, подчиненные закону военного времени, массами арестовывались и посылались в окопы.

Теперь сказалось отсутствие крепкой нелегальной организации: ряд политически подготовленных рабочих был вырван с заводов, связь со спартаковцами порвалась, политическая работа ослабла.

Несмотря на это уже летом начался новый подъем революционного движения. Новая волна стачек разлилась по всей стране, ею были охвачены текстильщики, деревообделочники, железнодорожники. Стачечники выдвигали требования повышения зарплаты, сокращения рабочего дня и лучшего снабжения. В стачках участвовали даже неорганизованные и отсталые слои рабочего класса. Глубокое брожение охватило даже рабочих—членов католических профсою-

№ 1 «Спартак» на фоне женской тюрьмы, в которой Р. Люксембург работала над его созданием. Внизу — германский патронный завод. Монтаж.

зов. Происходили многочисленные уличные демонстрации. На очереди были кровавые столкновения с полицией.

Момент был слишком решительным. И социал-демократия учла это. Были пущены в ход новые обманные маневры. «Хлеб и мир» — вот два волшебных слова, при помощи которых можно успокоить массы. Хлебный паек, хотя и на непродолжительное время, был увеличен. Мира же правительство вообще не могло дать. Но рейхстаг принял так называемую «мирную резолюцию», для того чтобы вызвать в массах иллюзии о скором мире. Эти средства возымели свое действие. Стачечное движение пошло на убыль. На призыв «Спартак» к всеобщей стачке в военной промышленности рабочие не откликнулись.

В армии и флоте Февральская революция имела огромное влияние: на Восточном фронте началось братанье немецких и русских солдат. Отправка революционных рабочих в окопы помогла росту революционного брожения почти во всех воинских частях. Но наступление Керенского прекратило братанье на Восточном фронте и прервало благоприятно начавшееся развитие революционного движения в германской армии. Строгие меры правительства в отношении солдат, сокращение отпусков, усиленный контроль над перепиской препятствовали перенесению брожения с тыла на фронт. Социал-демократическая партия и особенно независимая СДП старательнее чем до сих пор занялись жалобами солдат. «Спартак» имел мало связей в армии. Таким образом верхнему командованию удалось помешать революционным вспышкам в армии.

Иным было положение во флоте. Уже битва под Скагерраком в 1916 г., выявившая крупные недочеты германского флота, отразилась на настроении солдат. В конце 1916 г. на почве ухудшения довольствия среди команд развились антивоенные настроения. Со времени Февральской революции начались революционные выступления. Борьба за лучшее обращение и лучшее довольствие связывалась с борьбой за мир. Независимая СДП вела агитацию, всемерно стараясь не допускать выступлений. Вся контрреволюционность НСД ярко выразилась в этой работе среди матросов. Независимая СДП возбуждала надежды на мир. Но когда матросы начали активную борьбу и военные власти учинили над ними кровавую расправу независимая СДП поспешила отмежеваться от них, заявив, что она не имела в

В поисках топлива в куче шлака.

виду вызвать революционное выступление. Движение матросов было жестоко подавлено.

После Октября

Октябрьская революция поставила перед революционным движением германского пролетариата новые задачи.

Однако в первое время после взятия власти большевиками в России немецкий рабочий мало знал о русской революции. Границы были тщательно охраняемы, никакие известия о революции не пропускались. Солдаты и немецкие рабочие узнавали о русской революции из информации буржуазной и социал-демократической печати. В этой фальсификации усердно участвовала печать независимой СДП, которая так же как СДП стремилась не допустить германских рабочих последовать по пути русских. Чтобы ввести рабочих в заблуждение, «Форвертс» приветствовал Октябрьскую революцию.

«8 ноября принесло Германии первое парламентское, а России первое пролетарское правительство. Насильственный переворот в России, мирный — в Германии — таково знамение дня», — писал этот орган социал-предателей.

Глубокое впечатление на массы произвело обращение большевиков по радио «Всем, всем!» Требования этого обращения, казалось, исходили от самих немецких рабочих, так как они были близки и понятны им. Тогда независимая СДП под видом свободного обмена мнениями начала антибольшевистскую кампанию.

Революционно настроенные члены независимой СДП не нашли твердой поддержки в группе «Спартак». В решающих вопросах сам «Спартак», не занимая ясной позиции,

Вопрос о создании крепкой, широко связанной с массой нелегальной партии оставался неразрешенным. Новая обстановка заставила группу немецких левых «Спартак» неподготовленной.

Революционная ситуация не могла быть поэтому использована для победы германского пролетариата. В январе 1918 г. в Германии началось величайшее стачечное движение. 28 января около 300 тыс. чел. начали забастовку. За несколько дней в одном Берлине число участников превысило полмиллиона. Забастовка в берлинской военной промышленности с чрезвычайной быстротой распространилась по всей стране. Ею были охвачены вся Рурская область и все шахты в Верхней Силезии. Военная промышленность Средней и Южной Германии тоже была охвачена забастовкой. К забастовке примкнули крупные военные верфи в Вильгельмсгафене, Киле и Эмдене.

«Спартак» провел большую часть подготовительной работы к этим стачкам, он выпускал листовку за листовкой, и его лозунги находили отклик в массах.

Несмотря на энергичное противодействие со стороны социал-демократической партии, независимой СДП и буржуазии «Спартак» сумел вовлечь массы в движение. Обе группы социал-шовинистов уже перед началом стачки отмежевались от «анонимных» стачечных прокламаций, неустанно издававшихся спартаковцами.

Но и на этот раз группе «Спартак» не удалось взять руководство стачкой в свои

руки. Созданный в начале стачки рабочий совет был объявлен незаконным, и СДП и НСДП удалось уговорить рабочих вернуться на предприятия.

Буржуазия неистовствовала еще больше чем после апрельской стачки. Наскоро организованные полевые суды присудили сотни руководителей стачек и активных борцов к тяжелым тюремным наказаниям.

Значительная часть участников забастовки была тотчас же послана в окопы.

Германскому империализму удалось смять ирригировать. Господствующие классы учли уроки апрельской стачки. После подавления забастовки правительство приняло все меры к тому, чтобы и в будущем успешно подавлять стачки.

Был составлен план похода против центра стачечного движения—Берлина, в котором предполагалось оттеснить рабочие массы во внутренние части города и там их уничтожить при помощи пулеметов и ядовитых газов. Верховное командование армии организовало новые батальоны из сельского населения и отобрало более надежные части для ведения гражданской войны.

На фронте после большого мартовского наступления настолько увеличилось дезертирство, что за линией фронта происходила настоящая война между отрядами жандармов и дезертирами. Если в начале 1918 г. на фронте ежедневно регистрировали 70 случаев дезертирства, то в апреле 1918 г. число их дошло до 300.

Благодаря оккупации Украины немецкие

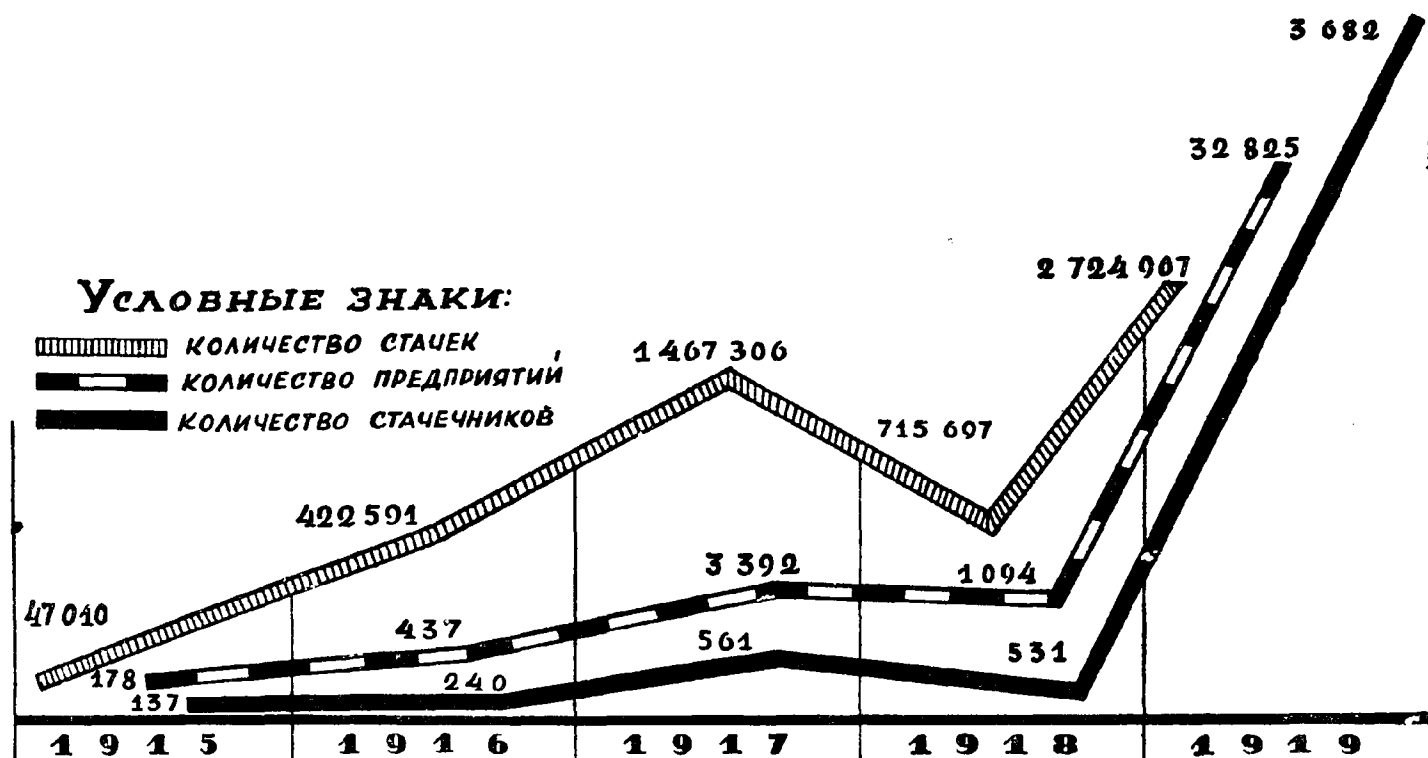

Диаграмма роста стачечного движения в Германии в годы мировой войны.

и русские рабочие пришли в тесное соприкосновение. Немецкий солдат впервые познакомился здесь с учением Ленина, и большевистские лозунги попали на хорошо подготовленную почву.

В десятках и тысячах экземпляров распространялись, например, «Тезисы о социалистической революции в России». В них рассказывалось германскому рабочему о диктатуре пролетариата в России и о Стране советов. Влияние этой массовой политической литературы на германского солдата так же как и братанье, широко проводившееся на фронтах, было огромно. Случаи разложения учащались на всем Восточном фронте. И эти настроения передавались в тыл, где «Спартак» усилил свою политическую деятельность.

За лето разложение еще увеличилось. Отправлявшимся на фронт частям солдаты на виду у офицеров кричали: «Штрейкбрехеры!» В стране готовились новые стачки. Солдат теперь не относился равнодушно к своей судьбе: он начал сознавать свою большую силу.

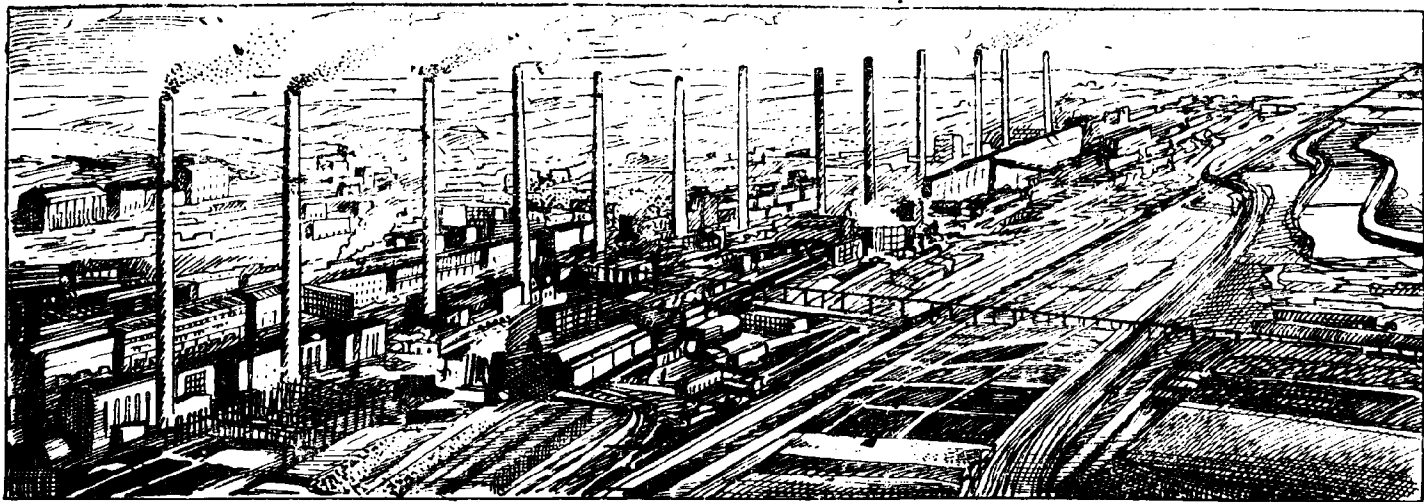
Опять нужен был новый маневр, чтобы ввести массы в заблуждение. И социал-де-

мократия вступила в правительство для борьбы с революцией.

Морское командование решило предпринять наступление на море. Матросы узнали об этом. Они сначала устроили мирную манифестацию. После этого многие были арестованы. Это вызвало всеобщее возмущение. Началось восстание в Киле. Матросы освободили своих товарищей.

Во всех этих боях «Спартак» не мог играть той роли, которая ему принадлежала как авангарду пролетариата. Не удалось ему взять руководство и в дни ноябрьской революции. Трагически сказывалось решающее значение организационного вопроса. Зато были подведены окончательные итоги: 31 декабря 1918 г. была создана новая революционная партия—коммунистическая партия Германии. Это было крупнейшим завоеванием пролетариата. Но понадобился ряд лет, для того чтобы эта молодая партия преодолела ошибки своих старых вождей и Розы Люксембург в том числе. Лишь постепенно она превращалась в ту массовую, подлинно большевистскую партию, которая ведет сейчас героическую борьбу в фашистском подполье Германии и час победы которой уже недалек.

Общий вид заводов «Лойна-Верке».

Г. Вилланд

ГЕРМАНСКИЙ ХИМИЧЕСКИЙ ЗАВОД ЛОЙНА

Самым мощным трестом Германии, опорой германской военной промышленности, является химический трест «Объединенной красочной промышленности».

Под влиянием войны в 1916 г. произошло объединение восьми крупнейших немецких химических концернов с общим капиталом в 440 млн. марок. Это объединение положило основание тресту.

Одновременно с этим в Средней Германии были построены два огромных азотных завода для производства ядовитых газов и взрывчатых веществ: Лойна и Пистерлиц. В мирное время эти заводы переключались на производство с.-х. удобрений.

Приводимые ниже краткие очерки, рисующие отдельные эпизоды из истории химического гиганта Лойна, говорят о том, как шатка та база, на которой империалистическим правительствам приходится строить свою военную мощь: в течение почти двух десятилетий своего существования завод Лойна являлся очагом революционных вспышек. Борьба рабочих началась уже с момента строительства завода. Революционные выступления подавлялись на

заводе с особой энергией, ибо он был важен германской буржуазии не только для сельского хозяйства, но и для предстоящей войны. Очерки дают картину тех трудностей, которые приходилось и сейчас еще приходится преодолевать германской компартии в борьбе за завоевание рабочих заводов, работа на котором имеет исключительное значение и с точки зрения антивоенных задач партии.

Строительство завода

Лето 1916 г. Война в разгаре. Объединенная компания красок Оплау-Людвигсгафен не в состоянии удовлетворить все возрастающей потребности в военной продукции.

И в сердце Средней Германии—в Мерзбурге—открывается новый аммиачный завод. Уголь здесь в избытке; гипс и воздух, из которого получается азот, тоже.

Половина крестьян деревни Лойна продала новому заводу свои земли и разбогатела за одну ночь.

Поезд, идущий с Западного фронта, останавливается в Мерзбурге. Из него вы-

ходят несколько сот серошинельников—рабочие, техники, инженеры. Они присланы на постройку завода. Их не спрашивали о политических взглядах, интересовались лишь квалификацией.

Равнина между Мерзебургом и районом бурого угля—кишащий муравейник. Два десятка строительных фирм начинают одновременно устанавливать свои леса. Перебивают друг у друга материалы, устанавливают своеобразные гонки—кто скорее заполучит мастеров и директоров. У государства имеются деньги для военной промышленности. Подписка на военный заем прошла хорошо. Государство дает строящимся заводам 400 млн. марок субсидии.

Комиссар военного министерства, доктор Остер, рассказывает в форме полковника среди лесов, рассчитывает, планирует, подгоняет.

Строят сплошь всю зиму. В апреле 1917 г. завод в Лойне начинает работать. Это гигантский организм. Своими мощными легкими он вдыхает азот из воздуха и выделяет аммиак.

Из воздуха получается азот, из Гейзельталя—уголь, из Галле—революционная агитация.

— Для чего, собственно, ты здесь работаешь, Бернд? — спрашивает плотник Карл, бывший гамбургский матрос, посланный с Западного фронта, электромонтера Кернера.

— Для своего дела.

— Ведь ты работаешь не больше четырех часов. Остальное время ты споришь.

— В этом-то и заключается моя работа. Она важнее вашей селитры и ядовитого газа.

Матрос широко ухмыляется. В его светлых глазах пробегают веселые огоньки. Он говорит тихо:

— Послушай, я тоже хочу получать вашу газету из Галле. Она нарасхват.

— Хорошо.

Строили сплошь всю зиму. В апреле 1917 г. аммиачный завод в Мерзебурге был пущен. Рабочие называют завод Лойна «капторжной тюрьмой».

Директор Остер проходит по заводу. Он идет длинным путем по хрустящему углю к наполненным угольным ямам, потом заглядывает в котельные газового завода, следит за толстыми железными трубами, проводящими газ в водородное отделение, испытывает давление в компрессорах. Из мастерских он переходит в отделение очистки водорода, где грушеобразные ре-

зервуары принимают готовый аммиак, растворенный в воде. Завод доставляет ежедневно для изготовления взрывчатых веществ два поезда аммиака.

Директор доволен. Производство в ходу. В несколько месяцев построен самый большой азотный завод в мире. Десять тысяч строительных рабочих работают на строительстве завода Лойна и почти столько же заняты уже на производстве.

Лойна имеет свое токарное отделение, слесарное, котельное, кузнечное, столярное — целый машиностроительный завод. Скоро лойновцы сами будут делать контактные печи. Завод растет.

Число несчастных случаев тоже растет, и голод растет, и недовольство растет. Растет и политическая агитация независимой социал-демократической рабочей партии. На партийной конференции в Галле был принят сто двумя голосами против семнадцати раскол социалистической партии.

Спартаконцы не пустили еще корней на производстве. Только одно письмо спартаконцев пробежало по заводу как маленькое извивающееся пламя. Но имена Либкнехта и Люксембург производят впечатление. Либкнехт—это знамя для революционеров.

В апреле 1917 г. завод Лойна начал работать. В августе 1917 г. была объявлена первая забастовка. Недовольство на заводе назревало давно. Пища была плохая, условия работы — опасные. Бутылки с газом взрываются. Контактные печи взрываются. У генераторов рабочие вдыхают ядовитые пары. Леса падают. Рабочие стоят дешево и подчиняются законам военного времени. «Поле битвы у Соммы» — так называют рабочие свой завод.

Крепкой революционной организации на заводе не было, имелаась только группа активистов в 15 чел. на 20 тыс. рабочих, но они сумели подготовить почву. Они раздавали рабочим листовки: «За мир без аннексий! Долой войну!»

Листовки попали как искра в бочку пороха. Лойна, находясь в условиях военного времени, забастовала. Лойна устроила демонстрацию. 15 тыс. рабочих несмотря на запрет вышли на демонстрацию, соединились с рабочими города Мерзебурга и устроили собрание в тире, находящемся на площади.

Завод Лойна, самый большой азотный завод в мире, построенный с помощью четырехмиллионной субсидии государства для

обеспечения немецкой военной промышленности, бастует!

Завод Лойна бастовал один день. Много рабочих было арестовано. Но это не испугало оставшихся. Забастовка открыла многим глаза. Рабочие почувствовали, что они больше не рабы, подчиняющиеся законам военного времени. Они поняли, что они сила.

В наспех сколоченных бараках около завода живут 6 тыс. рабочих из различных частей Германии. Это самое беспокойное место. Сюда не смеют зайти по вечерам ни сыщик, ни понукальщик. Солдаты поля битвы Лойны единодушны.

Вооруженное восстание в 1921 г.

Лондонская конференция, занятие Дюссельдорфа и Рура французскими войсками, разжигание национального фанатизма в пограничных областях, партизанские отряды, забастовка сельскохозяйственных рабочих в Восточной Пруссии — таково было лицо начинающегося 1921 г.

Ценность денег падает. Безработица растет. Нужда обесиленного, обескровленного народа возрастает до невыносимых размеров. Зарплата едва хватает на насущнейшее продовольствие. Об одежде думать нечего. Угля добиться невозможно. Будущее окутано туманом и безнадежно.

Реакционные кроты подкапываются. Авантюристы подбивают батраков на выступление, руководят союзами молодежи и провоцируют рабочих.

Независимая социал-демократическая партия раскололась в 1920 г. Часть ее членов перешла в КПП, которая хотя и возросла численно, но все еще переживала лихорадку «детской болезни».

Улица рабочего поселка Лойна.

Еще никогда со времени окончания войны недовольство среди рабочих не было так сильно как сейчас. Система сыска и полицейщины превращала жизнь рабочих в пытку. И внутри и вне заводских стен разгуливали полицейские патрули. Они осматривают каждого рабочего с головы до ног, обыскивают рабочих перед выходом с завода. В рабочих помещениях, в столовых, в заводских поселках, всюду толкались шпики. Реакция измеряет все повышающуюся температуру. Скоро революционные рабочие вновь окрепнут. Скоро объединенная коммунистическая партия создаст свои боевые организации. Необходимо опередить ее. Необходимо спровоцировать рабочих на выступление, для того чтобы утопить их в крови. Надо начать со Средней Германии, где рабочие еще не вооружены. Здесь, в Магдебурге, в качестве оберпрезидента сидит социал-демократ Герзинг, бывший кузнец. Он хвалится тем, что разбил пять «путчей». Он счастлив, когда буржуазия забывает о его происхождении и использует его как молот, для того чтобы колотить пролетариат по голове. А в старом мерзебургском дворце сидит президент правительства, ноябрьский социалист, доктор Грюцнер.

Упорствующая красная Средняя Германия, одним из революционных центров которой является завод Лойна, должна быть и будет усмирена во что бы то ни стало.

Лучше всего начать с Мансфельдских рудников, ибо мансфельдские рабочие политически наименее сознательны, крепко привязаны к своему клочку земли, на котором они по вечерам любовно копаются. Их усмирить будет нетрудно.

Итак, полицию на Мансфельдские рудники!

Но социал-демократы просчитались. Тихие мансфельдские рабочие с изможденными серыми лицами стали другими. Они требуют немедленного увольнения шпииков, ухода полиции и уходят с предприятия. Они выстраиваются в колонны и идут из своих деревень в Эйслебен, где помещается дирекция рудников.

Директор уехал. Его заместитель принужден выйти на площадь и вести переговоры с рабочими. Под давлением угрожающих масс он соглашается на все требования.

Через несколько дней в Мерзебурге открывается секретная конференция. Присутствуют государственный комиссар и доктор Вейс от политической полиции Берлина, Герзинг, Грюцнер, полицеймайор, директор

Остер от лойновских заводов и владельцы районных шахт и рудников.

Остер делает доклад о положении районной промышленности. Всюду процветает воровство, фабзавкомы портят рабочих. Бараки завода Лойна являются убежищем для бездомных преступников. С 1917 г. не было ни одной забастовки или враждебного государству выступления, в которых не принимали бы участие значительные массы рабочих лойновских заводов. Между тем этот завод—опора немецкого хозяйства. Подумать только — двадцать две тысячи рабочих, колоссальный выпуск удобрений, и все это в руках безответственных элементов! Тут директор вскакивает. Его глаза сверкают от негодования.

— Господа, так дальше продолжаться не может. Необходимо положить этому конец. Помогите мне сломить рабочих или я буду вынужден закрыть завод, имеющий такое важное значение для сельского хозяйства и будущей войны!

Государственный комиссар обещает хлопотать в Берлине.

Тем временем брожение на лойновских заводах усиливается. Идет сбор для бастующих рабочих химических заводов Леверкузена, лойновцы радуются успехам мансфельдских шахтеров и закипают злобой при известиях о предательстве социалистических партийных и профсоюзных вождей в Мансфельде.

Перед вывешенным объявлением толпятся рабочие: «Бандитизм, «дикие» комитеты действия, подстрекательство к преступлению—все это вынудило меня отдать приказ вести крепкие полицейские отряды в промышленный район».

Раздается резкий призыв гудка. Собирается рабочий актив. Наряду с независимой социал-демократической партией и КПГ на заводе Лойна большое влияние имеет отколовшаяся полуанархическая, руководимая шпиками, коммунистическая рабочая партия. Их представитель — безудержный Кемпин—затуманивает головы рабочим, возбуждая их. Под его влиянием активисты постановили немедленно начать решительные действия.

Капиталисты тоже не дремали. Герзинг, Грюцнер и директор лойновских заводов снова устроили совещание. Остер опять настаивает на вводе полиции на завод Лойна.

В Эйслебене и Гертштадте произошли столкновения с полицией. Двое рабочих были убиты. Это наполнило тревогой весь

промышленный район. На заводе Лойна собрание рабочих. Выступает представитель коммунистической партии Галле. Избирается комитет действия, который наполовину состоит из путаных голов коммунистической рабочей партии. Во время собрания приходит известие, что в Эйслебене происходят бои. Удалось разоружить полицейские сотни и захватить в свои руки часть города. Но к Эйслебену подходит подкрепление полиции из Дюссельдорфа и с ним бронепоезд.

Реакции удалось спровоцировать рабочих на неподготовленное выступление. Комитет действия лойновского завода захватывает в свои руки предприятие и частично останавливает его. Этим руководит электромонтер Бернд Кернер. Науман, участник борьбы в Галле,—военный руководитель. Оба они коммунисты. Компартия возглавила стихийно прорвавшуюся борьбу. Рабочие разбиваются на сотни и кое-как вооружаются, отбирая оружие у помещиков и крестьян. Сельскохозяйственные рабочие тоже втягиваются в движение. Повсюду расклеены воззвания социал-демократов и независимцев, предостерегающие лойновских рабочих от «безумия» путча.

Железнодорожники бастуют. Средняя Германия отрезана от остального государства. Восставшие борются героически, но недостаточно организованно. Нет и поголовной поддержки рабочих масс.

На заводах Лойна шпики и анархисты дезорганизовали рабочие ряды. Лозунг Кемпина — захватить завод — в действии. Военный руководитель Науман и строительные рабочие тщетно пытаются пробиться на помощь отряду партизан во главе с Гельцем.

Восставшие, по плану Гельца, должны взять Галле, для того чтобы овладеть артиллерией. Завод Лойна должен послать подкрепление. Но наступление на Галле не удается. Рабочие отряды отбрасываются назад. Вокруг них теснее смыкается круг из войск полиции и рейхсвера. На заводе Лойна смятение. Часть комитетов действия и боевых отрядов уходит ночью с завода, для того чтобы пробраться в Тюринген.

Оставшиеся невооруженные рабочие готовы в интересах населения отдать завод без боя. Резервуары полны раствором аммиака. Обстрел завода может означать для всей Лойны и Мерзебурга смерть от удушья ядовитыми газами. Но директор решает на рассвете обстрелять завод при по-

мощи артиллерии. Остер чувствует себя снова офицером на войне. Но сейчас дело не во «внешнем» враге, а в классовом. Остер руководит обстрелом своего собственного завода.

Рабочие знают о планах контрреволюции. Карл, плотник, со светлыми глазами моряка, хватает ручную гранату и хочет бросить ее в резервуары с аммиаком. Пусть погибнут все вместе—и враги и рабочие. Товарищи удерживают его. В этот момент с улицы влетает граната и попадает в резервуар с газом. Чудовищный взрыв. Завод тонет в облаках газа.

Белый террор свирепствует в Средней Германии. Последние отряды восставших рассеяны.

Заводская газета

Она появилась в первый раз в 1923 г. Несколько листков бумаги, размноженных на ротаторе, иногда напечатанных на машинке, несколько смелых рисунков пером—и какое огромное волнение!

«Пролетарий Лойны» («Leunaprolet») — так называлась газета.

Выход ее каждый раз производил впечатление разорвавшейся бомбы. Завод был окружен решеткой и охранялся полицией, но для «Пролетария Лойны» это не было преградой. Казалось, он проникал сквозь стены и знал точно, где мастер издевается, где неправильно подсчитаны сдельные, где имеется угроза взрыва, где действуют шпикеры, каковы планы фирмы и когда будет очередное увольнение.

«Пролетарий Лойны» своевременно предупреждал и предостерегал рабочих.

Рабочие были счастливы. У них был хороший рупор, и они знали, что в этот рупор говорит коммунистическая партия. Мужественный «Пролетарий Лойны» выявлял лучших борцов и вводил их в ряды авангарда. Газета смело разоблачала реформистскую тактику вождей. Последних часто в пот бросало от страха, что их планы и враждебные рабочим мероприятия преждевременно известны. Но это было заслугой не только «Пролетария Лойны». В союзе фабрично-заводских рабочих, несмотря на то что реформисты были в большинстве, было много коммунистов.

Они вели постоянную борьбу в фабзавкоме, начиная с отдельных частных вопросов и кончая большими боями по вопросам о заработной плате, премиях, увольнениях и рабочем дне.

После того как прежний председатель фабкома, реформист Даниэль, ценой доносов и предательства добился поста бургомистра в Мерзебурге, реформистский союз металлистов послал на его место своего давнишнего работника Вальтера, бывшего лойновца, и назначил его тотчас же доверенным лицом.

Но уничтожить «Пролетария Лойны» ни Вальтер, ни Остер не могли. Несмотря на то что содержание статей было признано «преступным», руководители газеты оставались неуловимыми, и все приговоры суда по поводу их «преступных» выступлений выносились впустую.

Лойна—„Красный треугольник“

1929 год. По стране прокатилась волна рационализации. Перед рабочими стала во весь рост угроза массовых увольнений. Магнаты химической промышленности не стесняются с продающими свою силу. При каждой новой «рационализации» на улицу вылетают революционные элементы, затем больные и все те, кто не поспевает за бешеными темпами. Пособие безработным отменено. Ячейка завода Лойна созывает ра-

Фабрично-заводская газета «Пролетарий Лойны». 1930 г.

бочих на экстренное совещание. Трудно охватить всех. Они рассеяны по городам и деревням всего края.

На повестке дня—положение на заводе, увольнения, шпионская работа реформистов и подготовка всегерманского съезда революционной профсоюзной оппозиции, успевшей охватить своим влиянием широкие массы.

4 тыс. чел. уволены с завода Лойна, 2500—с братского Людвигсгафена.

Но химический трест платит 14% дивидендов и получает 150 млн. марок чистой прибыли.

Реформистский профсоюз фабрично-заводских рабочих становится держателем акций. Некоторые вожди его получают льготные акции.

Рабочие Лойны постановили послать делегацию на Октябрьские дни в СССР. 25 октября завод получил следующую телеграмму: «Завком «Красного треугольника» в Ленинграде узнал только что о постановлении Лойны послать в Москву делегацию вместе с общей октябрьской делегацией. От имени 20 тыс. рабочих завком горячо приветствует вас. Завком «Красного треугольника» принял постановление просить наших братьев, рабочих Лойны, послать большую делегацию с завода. Да здравствует борьба Лойны в защиту Советского союза, против опасности войны, против предпринимателей, фашизма, социал-фашистов из лагеря социал-демократии, капиталистической рационализации и массового увольнения революционных рабочих!»

Председатель завкома «Красного треугольника» Филиппов».

Телеграмму зачитали на большом собрании лойновцев и тут же выбрали делегацию. Рабочие Гирш и Карл Шмидт вошли в состав делегации. Они писали товарищам восторженные письма о празднике Октября. На заводе «Красный треугольник» от имени ячейки Лойны они заключили договор на соревнование, выдвинув пункты: усилить антивоенную пропаганду, раскрыть роль социал-демократии и профсоюзов и прогнать с завода фашистов.

Война в „третьей империи“ 1933—1934 гг.

Когда Гитлер захватил власть, рабочие Галле вышли на улицу и в грандиозной демонстрации показали свою готовность бороться против правительства Гитлера. Среднегерманские заводы готовились к от-

пору. На фабрике Об'единенной кампании красок в Пистерице в марте 1933 г. после захвата власти Гитлером красный об'единенный список добился девяти мандатов, национал-социалисты получили только два. На фабрике Пленка-Вольфен тоже победил красный об'единенный список. Повсюду вспыхнули кратковременные забастовки. Но вдруг по стране как тайфун пронесся кровавый фашистский террор.

Производства очищались от коммунистов. Особенно тщательно стремились к «очищению» заводов Лойны. Но напрасно. Все так же упорно появляются листовки, вместо из'ятых коммунистов выступают бывшие социал-демократы и беспартийные, продолжая их дело. Выброшенные с завода рабочие тоже помогают. Работа продолжается, хотя передовики убиты или заключены в концентрационные лагеря. Бернд Кернер, например, смелый неутомимый организатор, любимый и уважаемый всеми рабочими, избит в Эйслебене до полусмерти. Но их места заполняются новыми рабочими. Ячейка коммунистов Лойны живет и работает. Каждый день можно встретить то там, то здесь боевые надписи: «Долой Гитлера! Долой национал-социалистов! Да здравствует КПП!»

Однажды все вагоны железной дороги, в которых пролетарии Лойны ехали на работу, были разукрашены коммунистическими листовками.

Незаконная коммунистическая литература была нарасхват. Распространяющие ее действовали умело. Рабочие Лойны вели подпольную работу на производстве так хорошо, что руководитель тайной полиции Дильс сказал весной 1934 г. одному английскому журналисту: «Коммунистическая опасность все еще имеется. Она только загнана в подполье. В определенных частях Германии, особенно в густо населенных и индустриальных районах, замечается поднимающаяся кривая. Имея огромные связи, они работают при помощи секретного шифра и притом в таких масштабах, которые не считались ранее возможными для немцев...»

Нет никакого сомнения, что заявление революционеров Лойны, арестованных в 1921 г., о том, «что заводы Лойны будут нашими», претворится в жизнь и недалеко то время, когда рабочие Лойны смогут протянуть дружескую руку рабочим Березников как граждане германской советской республики.

А. Мишулин

АНТИЧНАЯ ИНДИЯ

Древнейшая цивилизация античной Индии с ее развитой мифологией, эпосом, поэзией, санскритом¹ рано привлекает внимание индианистов. За исследование сложной, чрезвычайно запутанной культурно-политической истории античной Индии раньше всех берутся англичане, колониальные интересы которых давно устремлялись к берегам «чуждой Индии».

Английская королева Елизавета 31 декабря 1600 г. подписала грамоту, учреждавшую Остиндскую компанию,—так была открыта эра торгово-колониальной, а вместе с тем и миссионерской деятельности Англии. Впоследствии компаний таких учреждалось довольно много, особенно в Голландии, которая в XVII в. являлась могучей колониально-морской державой.

Для успешного проведения колониальной политики эти компании занимались и всесторонним исследованием богатств Индии, характера страны и народа, ее истории и культуры.

Первым, кто взялся за изучение древнейшей культуры Индии, был Уильям Джонс (1746—1794 гг.). Лингвист, прекрасный знаток аравийского и персидского языков, обладавший вместе с тем большим историческим образованием, Джонс, будучи членом верховного суда в Бенгале², принялся за изучение права древней Индии. Он составил план издания монументального труда под названием «Сборник индийских законов». Однако ему не удалось эту рабо-

ту довести до конца. Джонс подготовил лишь полный перевод «Законов Ману»—документ исключительной важности, относящийся к браманскому периоду³ древней Индии. Ему же принадлежит кроме того открытие «Сакунталы» и первый перевод этого высокохудожественного драматического произведения древнеиндийской литературы, написанного примерно в IV—V вв. нашей эры.

Соратником Уильяма Джонса был Чарльз Уилькинз, прославившийся позднее в качестве «отца санскритской филологии». Занимаясь древним санскритом, Уилькинз впервые составил санскритскую грамматику, перевел наиболее интересные части древнеиндийской поэмы «Махабхараты» и написал ряд статей по культурной истории древней Индии. Наконец, третьим исследователем, положившим основы индианистики, был Томас Кольбрук (1765—1836 гг.), который выступил с окончанием начатого еще Джонсом «Сборника индийских законов» и с целой серией научных статей по философии, литературе и науке древней Индии.

То обстоятельство, что индианистика была тесно связана с колониальной политикой сильных держав, сказалось на ее характере.

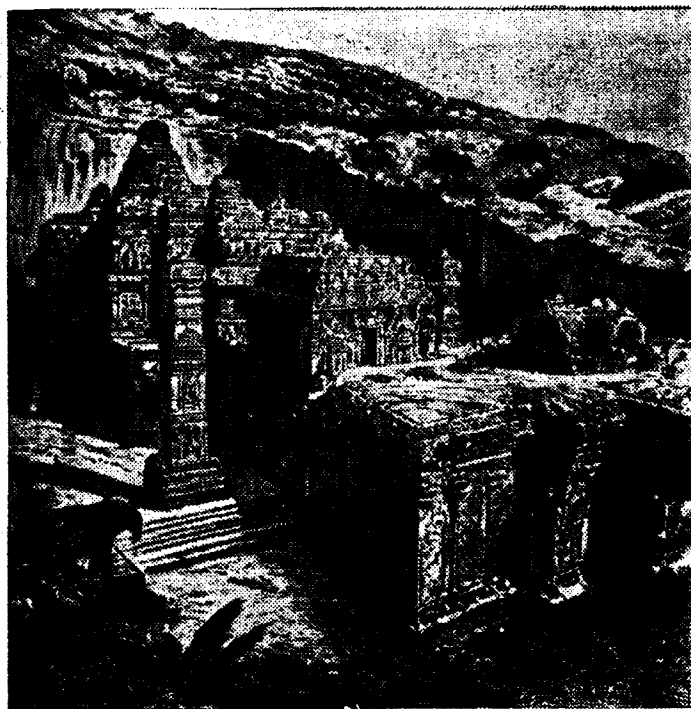
В то время как социально-политическая история, быт и культура стран «классического Востока», т. е. уже несуществующих народов: вавилонян, египтян, финикийян,—довольно подробно разрабатывалась и изучалась, политическая история, культурно-национальная самобытность Индии и Китая считались малоинтересным, незначительным делом. Не в интересах колонизаторской политики было напоминать о прежней самостоятельной богатой национальной культуре эксплуатируемых народов. Вот почему буржуазные историки подчеркивали былое величие и славу древнего Египта, Греции, Рима, в то время как античная Индия и Китай рисовались «варварскими» странами, начавшими свою культурную историю только с того момента, когда сапог европейского колонизатора и миссионера прочно вступил на территорию этих стран.

Не случайно поэтому, что в результате такой точки зрения от истории древней

¹ Санскрит—одно из древнейших наречий индийского языка (прим. ред.).

² Провинция Британской Индии (прим. ред.).

³ Браманский период—второй период в истории античной Индии, период господства касты жрецов, связанный с окончательным установлением сословных отношений (прим. ред.).

Высеченный в горах древнеиндусский храм в Эллоре.

Индии оставался только один мертвый санскрит, увлечение которым создавало разного рода «арийские» теории.

Античные историки о древней Индии

Античная Индия рассказывает о себе на протяжении большого исторического отрезка времени множеством самых разнообразных памятников архитектуры, живописи, литературы и науки. Начало ее истории относится к эпохе 3-го тысячелетия до нашей эры.

О древней Индии как о стране развитой культуры сообщает нам прежде всего ряд авторов греко-римского мира. Еще «отец истории» Геродот Галикарнасский¹ отмечает в двух книгах своей «Истории» следующие достопримечательности Индии: во-первых, изобилие золота в песках гор, в которых, вырывая себе норы, живут, по свидетельству Геродота, особые муравьи, «меньше собаки, но больше лисицы»; эти муравьи выбрасывали, говорится в приводимой им индусской мифологии, у входа в свое логовище большие кучи золотого песка, который древним индусам оставалось только подбирать. Другой важный факт, сообщаемый Геродотом, — изготовление малоизвестных для греко-римского мира хлопчатобумажных тканей, которые раскрашивались индиго и краской цвета «драконовой крови».

¹ Знаменитый греческий историк, живший в V в. до нашей эры (прим. ред.).

«Есть там,—пишет Геродот,—некие дикорастущие деревья, плод которых дает шерсть, красотой и добротой превосходящую овечью». Таково представление Геродота о хлопке.

Интересные сведения, перемешанные с фантастикой, сообщает Ктезий (398 г. до нашей эры) в своих «Заметках об Индии». Так, в одном месте Ктезий рассказывает о необыкновенном походе легендарной царицы Семирамиды в Индию, который закончился для нее полным поражением. Для того чтобы подчеркнуть особую мощь Индии и отвагу ее народа, эта царица представляется во всех предыдущих походах победительницей. Здесь же, неожиданно для себя и в ущерб своей доблести, она побеждена. Можно, однако, полагать, что этот рассказ имеет под собой реальный исторический факт похода в Индию, если только Семирамиду принять за действительную царицу Саммураму, жену ассирийского царя Бинлика III (857—828 гг. до нашей эры). Что такие походы в Индию предпринимались не раз, рассказывает и другой древний историк, Арриан.

Нельзя не отметить описаний похода в Индию Александра Македонского, которые освещают также и древнеиндийский быт. Описание быта оставил нам и историк Арриан, сумевший записать и такие подробности, как например то, что индусы носили длинные бороды и для вящей кра-

Древнеиндусская космогония: мир, его опора и семь сфер.

соты окрашивали их в различные цвета: белый, зеленый, синий, пурпуровый.

Если более живую картину Индии в пору ее расцвета и величия передает нам Мегасфен, посланник Селевка Никатора, одного из военачальников, принимавших участие в разделе империи Александра Македонского. Этот Мегасфен сопровождал в Индию дочь Селевка, помолвленную с могущественным индийским царем Чандрагунтой (около 300 г. до нашей эры). На Мегасфена, прибывшего в столицу тогдашней Индии, в Паталипутру (на берегу «священного» Ганга), где должна была состояться свадьба, все производило огромное впечатление. В его описаниях индийской цивилизации, могущества браманов, красивых сооружений и храмов, царских дворцов в Паталипутре, наконец, блестящих процессий по улицам города сквозит восторг перед невиданной и поражающей его на каждом шагу «сказочной Индией».

Роскошь царских церемоний, особенно в дни религиозных торжеств, также хорошо описана древнегреческим географом Страбоном. Царь обычно выходил из главного дворца, многочисленные колонны которого были украшены виноградными лозами из золота и птицами, вылитыми из серебра. В торжественной процессии царя сопровождали браманы, свита, музыканты, а для большей пышности шествия выводились прирученные львы, тигры, пантеры и слоны.

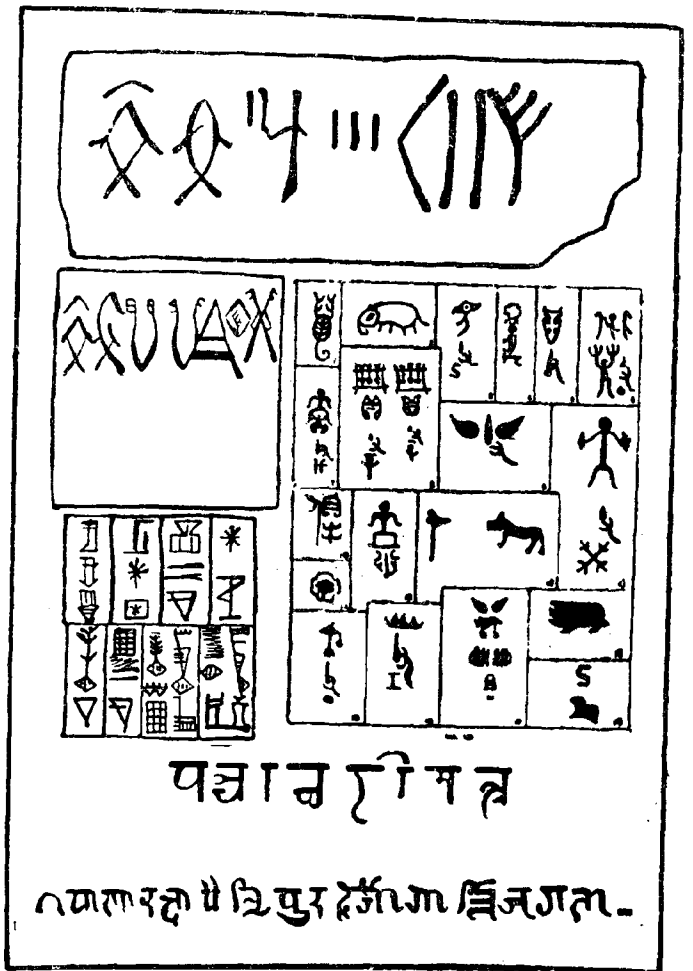
Таковы в общих чертах сведения античных писателей о некоторых особенностях индийской культуры.

Исторические памятники древней Индии

Полнее и красочнее об истории древней Индии говорят ее исторические памятники—вещественные и литературные, найден-

Мегалитические памятники в Пенджабе.

Сравнительная историческая табличка писем: № 1, 2—нерасшифрованное древнеиндусское письмо; № 3—сумерийское письмо; № 4—древнекитайское письмо (нерасшиф.); № 5—санскритское письмо.

ные в результате археологических раскопок. В связи с нахождением памятников возникает ряд чрезвычайно интересных и животрепещущих вопросов.

Первый вопрос—это о древности и первоначальных, хронологически отдаленных датах индийской истории. Старая наука на этот вопрос отвечала таким образом: индусы, называвшие себя «ариями», вторглись в долину реки Инда на совершенно пустое якобы в культурном отношении место. Это произошло примерно за 2 тыс. лет до нашей эры. С этого момента, никак не связанного нитями исторической преемственности с предшествующим развитием, и начинается история Индии.

К этому же периоду относили и создание древнейшего литературного памятника—эпической поэмы «Ригведа». «Ригведа» фиксировала начало индийской истории, как эпос Гомера устанавливал отправную дату древнегреческой истории.

В настоящее время наука отвергает такую трактовку вопроса. Новейшие исследования и ряд археологических открытий обнаружили в долине Инда или Пятиречья (ны-

не Пенджаба) следы высокоразвитой культуры, которая существовала еще до расселения индусов и завоевания ими долины Пятиречья.

Носителями этой культуры были дравиды, потомки которых еще и сейчас существуют среди поработанных племен Индии. Их древняя культура представлена, начиная от мегалитических¹ памятников и кончая развитыми формами искусства и даже неизвестным до сего времени письмом.

Особенно блестящие открытия этой доиндусской («доарийской») культуры сделал в 1924—1926 гг. Дж. Маршалл, археологические раскопки которого «производят,— как говорит английский исследователь Сейс,— целую революцию в наших представлениях о времени происхождения индийской культуры».

Так, при раскопках Мохенджо-даро и в Хараппе (Северозападная Индия—Пенджаб) Дж. Маршалл обнаружил памятники, которые имеют очень мало общего с культурой позднейших завоевателей Индии, т. е. с культурой индусов—«ариев». Здесь обнаружены были различные остатки кирпичных сооружений: храмов и других построек, керамические изделия, главным образом сосуды, покрытые тонкой глазурью и оригинальной росписью в несколько красок, различные статуэтки и много изделий из золота и серебра. Обращают на себя внимание обнаруженные в отдельных случаях, особенно поблизости от Белуджистана, остатки водопроводов, уличных водостоков и ирригационных сооружений. Все эти памятники, а главным образом статуэтки и изображения на печатях, заставили Дж. Маршалла и других ученых установить: 1) связь доиндусской культуры с цивилизацией Месопотамии и особенно с культурой шумеров² и 2) подтвердить высказанную еще в 1913 г. Холлом гипотезу о том, что дравиды—носители доиндусской культуры—имеют большое сходство с шумерами Месопотамии, представляя с ними единый этнический слой.

Это чрезвычайно важное положение не только проливает свет на характер доиндусской цивилизации, но и на еще нер-

Индусы из низшей касты (дасью-рабы). Поработанные туземцы (дравиды).

шенную в науке проблему о происхождении шумеров и их культуры.

Дравидийская цивилизация древней Индии, несомненно, была достаточно развитой. Она сильно отличалась от своего наследника—индусской цивилизации «ариев». Ключ в раскрытию как своеобразия исторического развития дравидийской Индии, так и оригинальности ее культуры лежит в значительной степени в надписях, которые еще остаются не расшифрованными.

Эти надписи на печатях из камня, глины, слоновой кости сделаны, как общее правило, над изображением быка и состоят из знаков рисунчатого, пиктографического письма.

Ученые оказались бессильны их прочесть. Пока удалось лишь уловить некоторые общие черты с надписями Крита, Шумера и Микен³. Открытая учеными дравидийская веха истории античной Индии должна быть отнесена хронологически примерно к пери-

¹ Мегалиты—древние сооружения из громадных камней: гробницы, могильные памятники, святилища, и т. д. (прим. ред.).

² Шумеры—население древнейшего государства под тем же названием в прежней Азии, в долине Двуречья, между Тигром и Евфратом, сыгравшие большую роль в развитии культуры человечества (прим. ред.).

³ Микены—город древней Греции. Археологические раскопки обнаружили здесь следы замечательной по своей древности и богатству культуры, названные микенской культурой.

Крит—остров, один из центров так называемой крито-микенской, или эгейской, культуры. Крито-микенская культура предшествовала античной (прим. ред.).

оду 3-го тысячелетия до нашей эры. По характеру своей материальной культуры эта века античной Индии может быть сближена с древнейшей цивилизацией Крита и шумеров, в особенности с последними.

Систематическое восстановление этой эпохи в историческом развитии Индии возможно лишь при дальнейших изысканиях и исследованиях конкретного материала. И, конечно, только расшифровка надписей даст ключ к раскрытию всего богатого содержания социально-политической истории античной Индии.

Поэтому основным вопросом индианистики в деле восстановления первой исторической веки древнейшей Индии является устойчивая лингвистическая работа по расшифровке найденных Дж. Маршаллом надписей в комплексе с не расшифрованными еще надписями Крита, более 20 лет назад найденными в большом количестве английским исследователем Эвансом.

Значительно больший археологический материал и памятники письменности мы имеем от более позднего времени, именно от той эпохи в истории древней Индии, которая начинается с завоевания и расселения индусов—«ариев»—в долине Пенджаба.

В науке эта новая фаза в историческом развитии Индии, когда цивилизация сначала локализуется в долине Пантшанады («Пяти рек»), а потом выходит за границы в области Сапта-Синдху («Семи рек») и постепенно устремляется в долину «священного» Ганга, связывается с индийским эпосом, дошедшим до нас в виде древнейших и интереснейших памятников индийской литературы и поэзии,—это «Веды», «Рама-

на» и «Махабхарата». «Веды» представляют собой поэтическое произведение, описывающее события главным образом на основе мифологических сюжетов. Это собрание гимнов индийским богам, многоводным рекам, олицетворениям всевозможных явлений природы, которые, согласно индийской мифологии, всюду сопровождали людей.

«Веды» делятся на четыре сборника гимнов: «Ригведа», «Самаведа», «Яджурведа» и «Атхарваведа». Нужно заметить, что сборник «Ригведа» считается самым древним, а по богатству материала—самым интересным, ибо за мифологическими образами и событиями здесь легче всего удастся установить некоторые реальные исторические факты развития античной Индии ведического периода. Составление «Ригведы» учеными относится примерно к XIV в. до нашей эры.

Другими чрезвычайно важными историческими источниками являются поэмы «Рамаяна» и «Махабхарата». Эти две национальные эпопеи древней Индии того периода, когда в ней начинает усиливаться влияние жрецов—браманов, знакомят нас главным образом с военными эпизодами. Написаны они в стиле гомеровских «Илиады» и «Одиссеи».

Но наиболее ценным литературным памятником Индии периода господства браманов являются знаменитые «Законы Ману», составление которых приписывается Ману, мифическому родоначальнику человечества. Этот кодекс Ману, составленный, как предполагают ученые, примерно в IX в. до нашей эры, интересен тем, что он раскрывает нам строй, быт и господствующие идеи браманской Индии, или так называемого браманского общества.

Кроме этих литературных памятников до нас дошел ряд интересных остатков древнеиндийской архитектуры, скульптуры и живописи в памятниках вещественных—это прежде всего остатки храмовых сооружений в таких древнейших городах Индии, как Гастинапутра (Дели), Айодии (Ауд), Паталипутра (Патна), Аллагабад, Бенарес, Эллора и др. Эти развалины храмовых сооружений, высеченных главным образом в горах, пещерах и скалах, являются подлинными свидетелями индийской античности.

Из древних моленных пещер, украшенных барельефами, еще до сих пор славятся пещеры в Гайях, в 150 верстах от древней столицы Индийского царства—Паталипутры. Особенной известностью в этих пещерах пользуется большой камень, на кото-

Бенаресские брахманы (арийцы).

Древнеиндусские жрецы (браманы) из племени «ариев» — «благородных властителей».

ром, согласно индийской мифологии, оставил свой след бог Вишну. Древнейшие пещеры в Карли интересны тем, что сооружение их относится ко временам царя Панда, восплаемого как главного героя в «Махабхарате».

Большой исторический интерес представляют знаменитые храмы в Эллоре, относящиеся к буддийскому периоду развития древней Индии. Эллорские храмы (округ Бомбея) поражают величиим, изяществом и законченностью деталей своих сооружений. Превосходная полировка колонн, совершенство скульптурных изображений, барельефов — все это говорит о необычайно высокой культуре античной Индии.

Более поздними памятниками индийских сооружений являются известные пагоды пирамидальной формы, с рядом симметрично расположенных уступов.

Экономические и культурные связи Индии с Передним Востоком имелись налицо уже в самые отдаленные времена. Смелые попытки установить исторические связи древнейшей Индии с Передним Востоком сделал в свое время Франсуа Ленорман: он придавал, например, большое значение тому факту, что в «Ригведе» употребляется слово «ману» для обозначения меры золота. «О несите нам драгоценности, скот и ману золота», — говорится в одном месте «Ригведы». Эта мера — ману — существовала в Халдее и даже еще в Вавилонии.

Обращает на себя внимание и тот весьма любопытный факт, что название кисеи в древнем Вавилоне было «синдху» — по имени Сапта-Синдху, области Индии, откуда получалась эта неизвестная для Вавилона ткань из хлопка. Это, во-первых, говорит о том, что начало хлопкового производства и изготовление хлопчатобумажных тканей в древности должно быть связано с долиной Инда, и, во-вторых, наличие таких тканей в Месопотамии заставляет сделать предположение об экономических связях Вавилона с древнейшей Индией.

Об этих связях говорит известный санскритолог Макс Мюллер, который обратил внимание на древнееврейскую мифологию. Характерно, что предметы, вывезенные Соломоном и тирским царем Хирамом из Офицерской страны (при дельте Инда), не встречаются в Передней Азии. Кроме того и названия их — не еврейского происхождения: слоновая кость, сандаловое дерево, растущее только в Индии, вывезенные из Индии обезьяны, павлины, названия их не

Святилище внутри храма. (Древняя пещера в Карли).

имеют корней ни в еврейском языке, ни в санскрите. Вскрытие тайн языкового развития на первых ступенях человеческой культуры поможет нам установить, как складывалась терминология этих предметов. Однако нельзя не согласиться с учеными, что названия этих вещей — д р а в и д и й с к и е, что опять-таки подтверждает наличие больших культурных связей Индии еще в дравидийский период.

В пользу связи дравидийской Индии с Вавилоном говорит и то обстоятельство, что знаменитый символ божества в виде змеи, столь распространенный позднее у вавилонян, евреев, мидян, а потом вошедший и в индийский эпос, несомненно, исторически связан с дравидийскими представлениями. В «Ригведе» даже все дравидийские племена называются обычно «змеиными царствами».

Наконец, о связи доиндийской Индии с Передним Востоком говорит и предание о потопе, сохранившееся в индийском эпосе и напоминающее своими подробностями известное вавилонское предание о потопе.

Для всестороннего исторического исследования античной Индии очень важно учесть сравнительные исторические сведения, о которых речь шла выше.

История древней Индии после распада дравидийской культуры и завоевания долины Инда «ариями» делится обычно на три периода: ведический, или период вед, когда еще не было деления на сословия, браманский, или период господства браманов, и, наконец, период буддийского движения.

Хронологически рамки ведического периода определяются эпохой приблизительно от XV до X в. до нашей эры.

«Веды», по имени которых назван весь период, представляют собой четыре стихотворных собрания—«самхита»—гимнов и заклинаний. Из разбросанных в различных местах «Ригведы» сведений о хозяйстве, строе жизни, культуре и религии древних индусов видно, что в долине Пятиречья они занимались главным образом скотоводством и земледелием: почва долины Инда и его притоков создавала благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Роль рек и их разливов для плодородия долины была здесь столь же значительной, как и в Месопотамии и в долине Нила. Неоднократные указания на это мы имеем в различных местах индийского эпоса, где бог Индра выставляется богом-громовержцем, регулирующим потоки Инда, в противоположность богу Сушна—олицетворению засухи и без-

водья,—с которым Индра находится в постоянной борьбе:

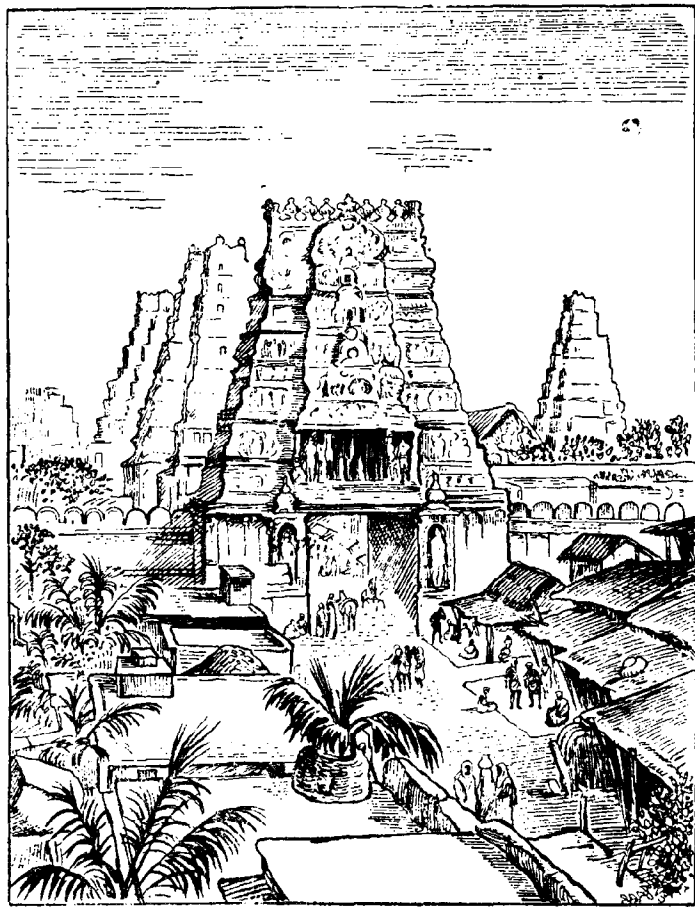
«О Индра, ты вместе с Кутса атаковал Сушну, который пытался сковать волны»; «Связанный с тобой, о Сома, тесной дружбой Индра заставил течь волны в благоговение человеку»; «Он порашил злого Ахи, расковал семь потоков, открыл не действовавшие раньше каналы»; «О Индра, о ты, имеющий дар кормилиц, мы не хотим ни владеть, ни захватывать блага, принадлежащие тебе. Но принеси нам ты сам свои дары, сделай их прочными... Ты хозяин, и никто не имеет силы сковать твою добродетель»; «Сушна—бог засухи—падает под ударами твоего грома, и обширная магия этого великого врага разрушается»; «Уповая на тебя, о Индра, взял я в руки серп; пошли мне в изобилии сжатый, собранный в снопы хлеб».

Так певцы «Ригведы» в различных песнях богу Индра прославляют его как покровителя рек и подателя всех земных благ.

Среди других рек долины Пятиречья выделяется Инд. Как главная река, как подательница благ она прославляется в ряде мест эпоса:

«О вы, реки, чье великолепие певцы воспевают в столице Вивасванта. Вы стремитесь туда, на-грое разделенные в своем беге в каждом ответвлении по семи потоков. Но ты, Инд, самый великий из всех рек, что стремятся туда». «Ты, Инд, величественно прекрасен, твоя область богата конями, повозками, она богата также золотом и одеждами, хлебом, шерстью и травой. А твои луга богато одеты множеством цветов»; «Как телята получают молоко от коров, так стремятся к тебе все прочие реки и тебе, о Инд, несут свои воды»; «Далеко идет о тебе великая слава».

Характер этих гимнов говорит о развитии сельскохозяйственного труда в ведический период Индии. Молитвы-гимны о тучных пастбищах овец, коней, коров и в особенности быков, «ниспосылающих коров» и являющихся рабочей силой, свидетельствуют о наличии скотоводства и в первую голову о разведении быков и коров. Следует заметить, что корова и «коровий образ» приобретали даже характер некоторого обожествления. По количеству коров измерялось богатство их владельцев. Владение ими становится даже символом власти, господства, почета. Вожди племен называются «го-па», т. е. «властитель коров». Некото-

Нагоды. Индусские храмы позднейшего периода.

рые же богатства Индии перевоплощаются и выступают в образе коровы. А известная мифологии борьба царей Висвамитры и Васишты ведется из-за обладания «чудесной коровой» Васишты.

Можно даже предположить, что с переходом к оседлости, с возникновением в индийской общине частной собственности и классов объектом собственности являлась прежде всего «го» — корова. Именно она в первую очередь имела «готра» — ограду. И на нее и на земельный участок — ограду — закреплялось право частной собственности. Однако этот вопрос еще требует тщательной разработки лингвистического материала. Что касается земледелия, то о наличии его развитых форм также говорится в ряде мест ведического эпоса:

«Запрягите в плуг, наденьте ярмо и засевайте семена в недра земли. Под наши песни пусть растет наш хлеб, и пусть серп жнет плоды полей»; «Запряжен плуг, разрыхляющий землю, в упряжку продета палка ярма, и мудрый воссылает высшим богам свою молитву о хорошем урожае»; «Покорный бичу погонщика, идет бык, возделывая поле, привязанный к палке ремнем»; «Наполните колоды питьем для скота, натяните кожаный канат и достаньте из глубокого колодца воду для питья».

У древних индусов таким образом земледелие развивалось наряду со скотоводством. Поля возделывались рано появившимся плугом, в который обычно впрягались быки. Наряду с ячменем и рисом, о которых неоднократно упоминается в эпосе, засевались также просо, бобы и тыква.

Что касается общественно-политического строя ведической Индии, то из эпоса мы узнаем, что в этот период еще не было единого политического управления. В долине Пятиречья было несколько маленьких государственных объединений. Во главе таких маленьких государств стоял царек или князь, называемый в тексте гимнов раджой или раджаной. Только в моменты войн эти маленькие княжества объединялись под руководством «магараджи», т. е. «великого царя». Однако к концу ведического периода на востоке долины Пятиречья, после продолжительных войн древнеиндусских племен между собой и в связи с продвижением к Гангу возникает уже более значительное государственное образо-

вание с политическим центром в городе Айодии, в котором имели резиденцию цари Солнечной (Сурьяванса) и Лунной (Элаванса) династий эпической Индии.

Характерно, что в ведической Индии еще не было сложившихся каст, столь характерных для браманского периода Индии. В «Ригведе» только в одном лишь месте имеется указание на касты, но это место считается позднейшей вставкой.

Зато в «Ригведе» все время упоминается разделение на «ариев» и «дасью». Под «дасью», или «дазиями», индусы разумели туземный народ, очевидно, покоренных дравидов. Эти «дасью» представлялись сначала в виде бесов, враждебных сил, неприятелей, с которыми борется бог Индра. Позднее имя «дасью» стало нарицательным для обозначения всех людей, обращенных в рабство, и каждого раба в отдельности. «Индра, — говорится в «Ригведе», — усмирил беззаконных и усмирил темнокожих». Тут, очевидно, подразумеваются темнокожие дравиды, которые всюду в индийской мифологии выступают в качестве рабов.

Всем этим «дасью», или рабам, будь они из дравидов или даже из индусов, противостоят «арии», т. е. свободные, аристократы, воспеваемые в эпосе как носители власти и господства над побежденным и поработленным народом.

Античная Индия в ведический период выступает таким образом перед нами в виде общества, вся жизнь, развитие и культура которого основывается на борьбе этих двух классов: «дасью» — рабов и ставших символом насилия и эксплуатации — «ариев», или «арийцев», которые возбуждали к себе всеобщую ненависть трудовых масс — рабов и крестьянства.

Сформировавшиеся социально-экономические отношения античной Индии становятся основой дальнейшего развития и в браманский период и в период буддийского движения. Предметом специального изучения должны стать лишь специфические особенности кастового строя и расширения индийской цивилизации (царство Магадха), а также характер буддийского движения и его социальной основы.

Классы, отношения рабовладельчества и деспотический характер политической власти — все остается таким же, как это оформилось еще в ведический период античной Индии.

ПУНИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

Изучать историю античного мира—в значительной степени значит и изучать отдельные войны древности, ибо античная история наполнена бесконечными войнами, игравшими большую роль в развитии экономики рабовладельческих стран.

Маркс и Энгельс не раз останавливались на вопросах о войнах древности, на выяснении их места в развитии рабовладельческого строя.

«Те самые войны, — говорил Маркс, — которыми римские патриции разоряли плебеев, принуждая последних нести военные повинности, — эти самые войны наполняли амбары и кладовые патрициев добычей... и превращали плебеев в своих должников-рабов»¹.

У Ленина также имеется ряд высказываний по этим вопросам. Ленин подчеркивал, что войны свойственны всякому обществу, построенному на эксплуатации: и крепостническому, и рабскому, и капиталистическому. Характер войн рабовладельческого общества так же как и характер войн при капитализме определяется той целью, которую преследует ведущий эту войну класс, и той политикой, которую он проводит. Отсюда Ленин делает вывод: «Всякую войну, в которой обе воюющие стороны угнетают другие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, «кому больше угнетать или грабить», нельзя не назвать империалистической»². Ленин считал, что империалистические войны свойственны были и древнему миру. К их числу он относил и Пунические войны. «...Империалистические войны, — пишет он, — тоже бывали и на почве рабства (война Рима с Карфагеном была с обеих сторон империалистической войной)...»³.

Конкретная история Пунических войн, богатых интересными военными эпизодами,

исключительных по своему размеру и имевших громадное значение в истории развития рабовладельческих отношений Рима, является яркой иллюстрацией этих марксистско-ленинских положений.

Причины пунических войн

Пунические войны, продолжавшиеся с перерывами с 264 г. по 146 г. до нашей эры, были борьбой Рима и Карфагена за господство над западной частью Средиземного моря.

В начале III в. до нашей эры на западном побережье Средиземного моря самыми могущественными державами были Рим, объединивший под своей властью всю Среднюю и Южную Италию, и Карфаген, владения которого тянулись узкой полосой вдоль берегов Северной Африки. Ему принадлежали также Корсика, Сардиния и западная часть Сицилии.

В Северной Италии, в долине реки По, жили разрозненные кельтские племена. На побережье нынешней Южной Франции тоже жили кельтские племена и было расположено несколько греческих колоний, среди которых наиболее крупной была Массалия, ныне Марсель. В Испании племена иберов и кельтиберов. По всему Средиземноморскому побережью были разбросаны многочисленные карфагенские и греческие колонии. Самым крупным городом-государством последних были Сиракузы. Все эти мелкие племена и государства в своей внешней политике лавировали между Римом и Карфагеном, которые в одинаковой степени угрожали их свободе.

Город Карфаген был основан выходцами из Финикии в 814—800 гг. до нашей эры. Вновь созданную колонию финикияне называли «Карфада», т. е. «Новый город»; впоследствии его стали называть Кархедон, или Карфаген. Население города состояло из финикиян, а так как римляне называли финикиян «пёны», или «пуны», то и войны, которые происходили между Карфагеном и Римом, назывались Пуническими.

Карфаген был олигархической республикой, напоминавшей своим государственным устройством Спарту и Рим. Во главе государства стояли два высших гражданских сановника — суффеты, выбираемые из знатных родов; военным делом ведали стратеги; финансовое управление находилось в ведении «105» должностных лиц; судом руководила коллегия из 5 человек. Власть принадлежала денежной аристократии; народ

¹ «Капитал». Т. III. Ч. 2-я, стр. 111.

² Собр. соч. Т. XXI, стр. 305.

³ Там же.

КАРТА ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ В НАЧ. III в до Н.ЭРЫ

M = Массилия (ныне Марсель)	L = Лилибей	Владения Рима
K = Карфаген	III = Шарентт	Приобретено Римом по I Пунич. войне
LM = Лептис Малый	Н.К = Новый Карфаген	Колонии Греков в южн. Галлии
C = Сиракузы	Годы означают время присоединения к Римской республике	Влад. Карфагена
R = Рим		Колонии Греков в Сицилии

не принимал никакого участия в управлении государственными делами.

Местное земледельческое население и пастушеские племена облагались большими натуральными налогами, а города должны были ежегодно выплачивать крупные суммы денег, например город Малый Лептис ежегодно платил Карфагену 465 талантов¹ серебром, по тому времени громадную сумму.

Исключительно благоприятное географическое положение способствовало быстрому превращению Карфагена в крупный и цветущий торговый центр древности. Карфагеняне имели большой торговый и военный флот и вели торговлю по всему Средиземно-

му морю. Особенно их интересовали Сицилия и Испания, в которой были найдены залежи золота и серебра.

Торговые сношения у римлян с карфагенянами начались очень давно. Между ними был заключен ряд торговых договоров (348 и 306 гг.), обеспечивавших господство Карфагена в западной половине Средиземного моря.

После того как Рим к началу III в. до нашей эры объединил под своей властью всю Южную и Среднюю Италию, он не мог более мириться с той ролью, которую на западной половине Средиземного моря продолжал играть Карфаген.

Два таких крупных государства, как Рим и Карфаген, оба стремившиеся к захвату новых богатых территорий для их эксплуатации, не могли ужиться друг с другом. Оба государства вели крупную захватническую

¹ Талант — древнегреческая весовая и денежная единица, имевшая в различных местах Греции различное значение. Наиболее распространенным был аттический талант, равнявшийся 26,2 кг серебром (прим. ред.).

политику; обоим нужны были рынки, оба стремились пополнять необходимую рабочую силу покорением новых племен и увеличением количества рабов. Быть или не быть — эта проблема стояла перед Римом, пока существовал Карфаген, и перед Карфагеном, пока не был сломлен Рим.

Рим в III и II вв. до нашей эры продолжал опираться на среднее и мелкое крестьянство и не достиг еще тех форм развитого рабовладения и крупного аграрного хозяйства, какие были в Карфагене. Но с ростом капиталов, с вытеснением мелкого обезземленного крестьянства и с увеличением поместий римской знати во вновь завоеванных областях нарастала и потребность в рабском труде.

Пунические войны значительно способствовали превращению Рима в типично рабовладельческое государство.

I пуническая война (264—241 гг. до нашей эры)

Поводом к I пунической войне послужила распря в Сицилии между сиракузским правителем Гиероном и наемными войсками, так называемыми мамертинцами. В войну вмешались Рим, державший сторону Гиерона, и Карфаген, поддерживавший мамертинцев. Плодородная Сицилия была лакомым куском для римлян, и они стремились овладеть ею, с опаской следя за расширением в ней власти Карфагена. Сицилия представляла интерес и для карфагенян, и поэтому очень скоро внутрисицилийская война перешла в войну между Римом и Карфагеном.

Соотношение сил между Римом и Карфагеном было почти одинаковым. Если флот карфагенян и превосходил римский (Карфаген раньше других государств стал строить трех- и пятипалубные суда, команда которых была хорошо обучена), то их армия значительно уступала. Это была наемная армия из местных племен, которые стояли под тяжестью налогов и с ненавистью относились к своим эксплуататорам. Римская же армия состояла из граждан и свободных крестьян, которые были заинтересованы в завоевании Сицилии, надеясь там найти новые плодородные и свободные земельные участки. И это обстоятельство решило окончательный исход войны.

Римляне еще не умели строить большие военные корабли, но во время столкновения в Мессинском проливе при переправе войск в Сицилию им удалось захватить один неприятельский корабль и по его образцу соорудить 100 пятипалубных (пентер) и

20 трехпалубных (трирем) кораблей. Пятипалубные суда имели 5 рядов гребцов, причем один ряд помещался над другим. Суда строились спешно, так же спешно готовился и экипаж. Римляне соорудили на суше подобие судов и на них обучали команду приемам гребли. К моменту спуска кораблей на воду у них уже были готовые кадры гребцов.

Но все же на море римляне не были еще вполне уверены в себе, они чувствовали превосходство карфагенян и поэтому решили и во флоте отдать преимущество сухопутной военной технике. Для этой цели они снабдили свои корабли мостами с abordажным крюком. Такой корабль подходил вплотную к неприятельскому судну и перебрасывал при помощи блоков на его палубу мост с перилами, длиной в 36 футов и шириной в 4 фута. К нижней части моста было приделано острие, которое вонзалось в палубу и пришвартовывало неприятельский корабль к римскому судну. После этого битва происходила на палубе.

Война началась на суше. Римляне окружили город Агригент на южном берегу Сицилии, и после продолжительной осады разбили карфагенское войско. В дальнейшем, будучи перенесенной на море, война продолжалась с переменным успехом. Длилась она более 20 лет и изобиловала интересными военными эпизодами.

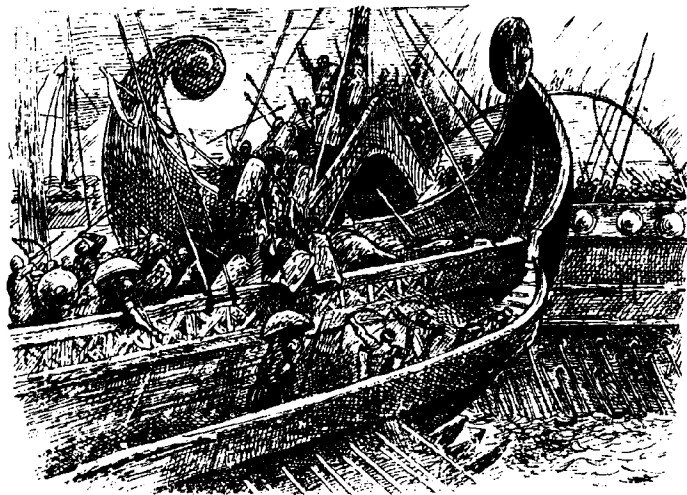
Так, в 256 г. произошло большое сражение при Экноме, на южном побережье Сицилии. Здесь столкнулись 330 римских и 350 карфагенских судов. Победа оказалась на стороне римлян, 64 карфагенских корабля были взяты в плен, и более 30 потоплено. Казалось, успех был на стороне римлян. Римские легионы под начальством консула Атилия Регула высадились в Африке, близ города Аспиды, и, взяв его, стали грабить побережье. Римский сенат, считая дело уже выигранным, отозвал значительную часть войск обратно в Италию. Первое время дела у римлян продолжали идти удачно: консул Регул одерживал победы и был уже в 3 милях от Карфагена. Карфагеняне предложили римлянам заключить мир, но Регул выдвинул слишком тяжелые условия: уничтожение флота, выдача пленных, отказ от Сицилии и Сардинии. Карфагеняне на это согласиться не могли, и война продолжалась. В это время из Греции на помощь Карфагену прибыли большие отряды наемников. Во главе карфагенских войск был поставлен грек Ксантипп, который с армией в 16 тыс.

человек и сотней слонов выступил против Регула. Римская армия была смята слонами, причем сам консул попал в плен, а остатки армии — около 2 тыс. человек — провалились к городу Аспиду. Из Италии на помощь римлянам был выслан флот в 350 кораблей, который, встретившись около Сицилии с карфагенским флотом, разбил его и из 200 кораблей 114 взял в плен. Подобрав остатки разбитого экспедиционного корпуса, римляне направились обратно к Италии, но у южного побережья Сицилии были захвачены сильной бурей, причем из всего флота уцелело лишь 80 судов. Узнав о гибели римского флота, карфагеняне воспрянули духом и вновь отправили армию и флот в Сицилию. Казалось, война вернулась к своему исходному пункту. Римляне несмотря на свои большие потери вновь напрягли силы и в 254 г. отправили флот из 300 кораблей к Панорму, на северном побережье Сицилии и взяли его. В 253 г. карфагенский полководец Гасдрубал высадился в сицилийской гавани Лилибее с армией и 140 слонами, и между городами Панормом, Дрепаном и Лилибеем началась ожесточенная борьба.

Римский флот вновь произвел набег на побережье Африки, но на обратном пути был застигнут бурей и потерял более 150 судов. Борьба в Сицилии продолжалась с переменным успехом.

Так тянулась война с 248 по 241 гг. до нашей эры. Римская казна опустела: флот строился на средства отдельных граждан. Население давало государству своеобразный заем. На средства 2—3 семей строился корабль и передавался в распоряжение властей, которые обязались возмещать издержки лишь в случае удачного исхода предприятия. Так был выстроен флот в 200 пятипалубных судов (пентер).

В 241 г. до нашей эры у Эгатских островов произошла морская битва, в результате которой 50 карфагенских судов было потоплено, а 70 взято в плен. После этого поражения карфагеняне не могли уже продолжать войну. Их военачальник Гамилькар Барка получил полномочия вести переговоры о мире. Предварительные условия мира были следующие: карфагеняне очищают всю Сицилию, заключают мир с Сиракузами и их союзниками, выдают без выкупа всех пленных и платят 2200 эвбейских талантов серебра в 20-летний срок. Последний пункт этих предварительных условий был изменен присланной из Рима комиссией: контрибуция была увеличена до 3200

Реставрация римской триремы времен Пунических войн, с перекидным мостом.

талантов, а срок выплаты уменьшен до 10 лет. Кроме того карфагеняне должны были отказаться от всех мелких островов, лежащих между Сицилией и Италией.

I пуническая война длилась 24 года и погребовала от воюющих сторон страшного напряжения экономических, физических и моральных сил. По словам античного историка Полибия, римляне потеряли в войне до 700 пентер, а карфагеняне — около 500.

Несомненно, что средние и низшие классы населения победившей Италии сильно пострадали от войны. Римский сенат отказался от вывода колоний в Сицилию, на что крестьяне рассчитывали, и они стали требовать расширения границ на север.

Карфагеняне по окончании войны очутились в тяжелом финансовом положении. Они оказались не в силах расплатиться со своей армией наемников. Тогда наемники подняли восстание. По их призыву поднялось все население угнетаемой Карфагеном Ливии. Жители стали поддерживать восставших продовольственными припасами и вспомогательными отрядами. Положение карфагенян осложнилось.

Римские купцы сразу учли, что они извлекут большую прибыль от снабжения восставших оружием и другими товарами, и приняли в этом настолько активное участие, что создали предлог к дипломатическим переговорам Карфагена с Римом, в результате которых римские купцы извлекая не меньшую прибыль, стали помогать не восставшим, а карфагенянам. Когда против карфагенян восстали и находившиеся в Сардинии наемники, римляне воспользовались этим, заняли остров и утвердились на нем. Война Карфагена с восставшими наемниками и областями продолжалась 3 года 4 месяца и сопровождалась страшными же-

стокостями. Наконец, при колоссальном напряжении всех сил Карфагену удалось в 238 г. до нашей эры подавить восстание и восстановить свою власть в Ливии ¹.

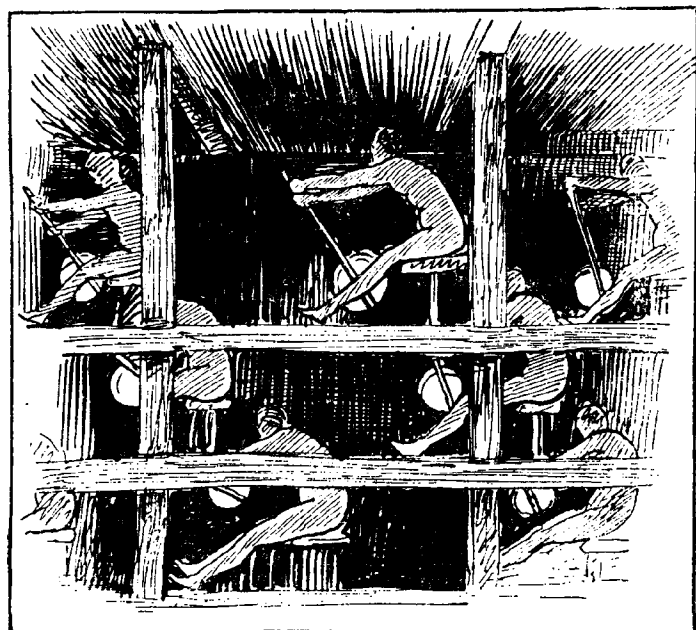
II пуническая война (218—201 гг. до нашей эры)

После потери Корсики, Сардинии и особенно Сицилии Карфаген искал новые области для торговли, стремясь расширить свои владения в Испании. Глава патриотической партии, жившей мыслью о реванше, главнокомандующий карфагенской армией Гамилькар Барка укрепил эти владения военной силой. Римляне из боязни, как бы карфагеняне не вошли в соглашение с кельтами, населявшими Северную Испанию и Южную Галлию (ныне Францию) и не двинулись в Северную Италию, в которой римляне только что закончили успешную войну с кельтами, заключили в 228 г. до нашей эры договор с наместником Испании, зятем Гамилькара Барка — Гасдрубалом. По этому договору карфагенянам запрещалось переходить с военными целями реку Эбро, и кроме того римляне поспешили окончательно подчинить себе Северную Италию, выведя туда несколько колоний.

Подготовка к войне велась той и другой стороной.

Гамилькар Барка прекрасно понимал, что после первой пунической войны о какой-либо мирной внешней политике не может быть и речи и рано или поздно станет вопрос о дальнейшей борьбе. Он не дождался

¹ Ливия — часть Северной Африки, нынешний Тунис.

Гребцы внутри римской триремы.

момента столкновения, но многое сделал для подготовки сил Карфагена к этой борьбе.

Сын Гамилькара Барки и его преемник по командованию испанской армией карфагенянин Ганнибал принадлежит к числу выдающихся полководцев мировой истории. Талантливый стратег и блестящий тактик, Ганнибал был замечательным администратором и организатором армии.

Закалив ее в боях и подготовив к далекому походу, Ганнибал осадил союзный с Римом испанский город Сагунт и взял его приступом. Покончив с этим оплотом римского влияния в Испании, Ганнибал во главе 100-тысячной армии переправился летом 218 г. до нашей эры через запретный Эбро и двинулся к Пиренейским горам. Подчинив себе северную часть Испании, он с 60-тысячной армией вступает в Южную Галлию, переходит Рону и углубляется в Альпы.

Этот поход Ганнибала был для римлян полной неожиданностью: они только рассчитывали отнять у Карфагена Испанию и свести его на положение второстепенной державы, а тут вдруг оказалось, что эта «второстепенная держава» угрожает могуществу Рима.

Было решено немедленно отправить в Испанию эскадру в 60 кораблей и 24-тысячный корпус и одновременно в Африку — флот в 160 кораблей и 27-тысячную армию. На севере же Италии решили оставить лишь заслон, поселив по 6 тыс. человек в крепостях Плаценции и Кремоне.

Ганнибал рассчитывал пополнить свою армию при движении через Южную Галлию и Северную Италию кельтами, отличными воинами, недавно завоеванными Римом.

Преодолевая большие трудности, потеряв половину своей армии, Ганнибал через 15 дней прошел Альпы и в декабре 218 г. до нашей эры появился в Северной Италии, где его в это время не ожидали. Римляне принуждены были срочно вызвать на север свою сицилийскую армию, которая уже готовилась переправиться в Африку. Двумя быстрыми ударами при реках Тичино и Требии Ганнибал наголову разбил обе римские армии. Почти вся северная Италия отпала от Рима. Доступ в Среднюю Италию охранялся двумя консульскими армиями, но Ганнибал обошел их с фланга, для чего ему пришлось провести армию через болота, которые римляне считали непроходимыми. Этот факт показывает, что местное кельтское население оказывало Ганнибалу значительную помощь. Оказавшись в тылу у римлян, Ганнибал летом 217 г., прежде чем обе

римские армии успели соединиться, напал на консула Фламиния близ Тразименского озера и целиком уничтожил его армию, а через несколько дней уничтожил конницу; которая была из другой армии выслана на соединение с первой. Пленных римлян Ганнибал роздал своим солдатам, а союзнические с Римом войска отпустил по домам, заявив им, что он воюет не против Италии, а против Рима. Выйдя к побережью Адриатического моря, Ганнибал дал отдых своим войскам и запасся провиантом.

В Риме все были потрясены неудачами и в этот критический момент решили ввести управление одному лицу — диктатору. На эту должность был избран Фабий, прозванный Максимом, т. е. величайшим.

После стольких поражений Фабий боялся рисковать армией: он отказался от встреч в открытом бою и повел партизанскую войну, нападая на мелкие отряды карфагенян преимущественно во время фуражировки. Ганнибал теперь двинулся в богатую хлебом Кампанию, чтобы в этой плодородной равнине запасти провиантом на зиму.

Весной 216 г. Ганнибал перешел из Кампании в Апулию, к Адриатическому морю. Римляне выставили армию в 8 легионов. Сенат в надежде на численное превосходство римлян разрешил консулам отказаться от партизанской войны и дать битву.

Битва при Каннах, которая произошла летом 216 г., является самой крупной в Пунической войне. Римская армия с союзниками насчитывала до 80 тыс. чел. и значительно превосходила армию Ганнибала, но несмотря на это она потерпела поражение и была почти полностью уничтожена. Дорога в Рим для Ганнибала была открыта. Союзники римлян, потеряв веру в успех дела, стали переходить на сторону врага. Снова почти вся Южная Италия, за исключением нескольких приморских, бывших греческих городов, была потеряна для Рима.

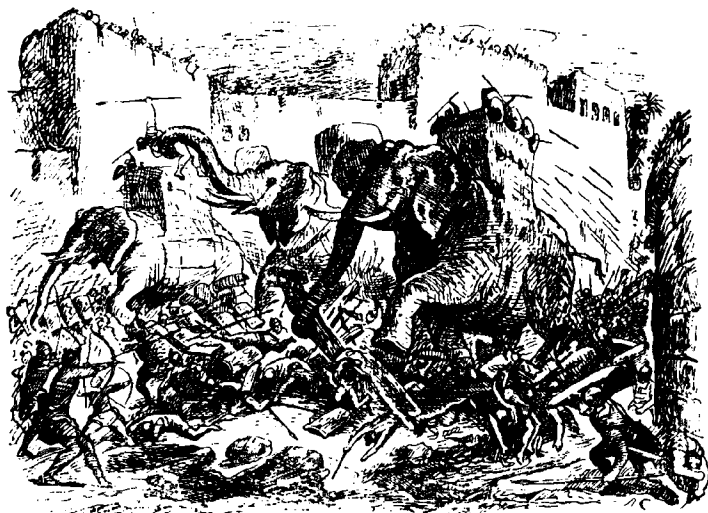
Сильным ударом для могущества Рима было отпадение Капуи, крупного торгового и промышленного города. Остатки римских войск осадили Капую, чтобы вернуть ее себе. На помощь осажденным двинулся Ганнибал, но все его попытки снять осаду были неудачны. Тогда Ганнибал решил произвести диверсию и двинулся на Рим. Повидимому, овладеть им он не собирался, а хотел только заставить римлян снять осаду с Капуи. Встретив у ворот Рима сопротивление, он отступил. Римляне взяли Капую в 211 г. После этой удачи силы противников в известном отношении опять сравнялись.

Бюст Ганнибала.

Сиракузы после некоторого колебания стали на сторону карфагенян, и римляне из опасения потерять всю Сицилию послали против Сиракуз армию. Осада Сиракуз затянулась и стоила римлянам очень больших потерь, главным образом потому, что знаменитый математик и физик древности грек Архимед изобрел метательные машины, которые помогали уничтожению осаждавших армии и флота. Наконец, в 212 г. консул Марцелл взял Сиракузы, причем Архимед был заколот римским легионером.

В Испании римляне продолжали вести борьбу с переменным успехом и лишь около 209 г. им удалось упрочить свое положение. В Италии же, несмотря на то что войско Ганнибала понемногу таяло, он продолжал одерживать победы. В 208 г. из Испании в Италию двинулся с новой армией брат Ганнибала Гасдрубал. Рим очутился в тисках между армией Ганнибала с юга и Гасдрубала с севера. Для спасения Рима были отовсюду стянуты войска. Положение римлян несмотря на всю серьезность не было безнадежным, и этим воспользовался консул Клавдий. Он оставил против Ганнибала заслон, а значительную часть своего войска перебросил на север в помощь армии, стоявшей против Гасдрубала. Благодаря этому маневру Гасдрубал потерпел поражение при Метавре и пал в бою. Эта битва оказалась переломной. Положение армии Ганнибала

Битва при Заме. Рис. Л. Сметова.

ухудшилось. Не получая ниоткуда резервов и опираясь лишь на остатки своей армии, Ганнибал упорно продолжал держаться в Южной Италии, и римляне не в силах были нанести ему поражение. Между тем армия Сципиона, оперировавшая в Испании, после ухода оттуда войск Гасдрубала овладела всеми опорными пунктами страны.

Сципион, выбранный в 205 г. римским консулом, начал снаряжать флот для нападения на Карфаген. Высадившись в 204 г. на берегу Африки, он осадил город Утику, близ Карфагена. Ему удалось найти союзника в лице одного из нумидийских царьков, Масиниссы, тогда как другой царек, Сифакс (или Софак), бывший во вражде с Масиниссой, перешел на сторону карфагенян. После небольших столкновений Сципиону удалось разбить неприятельское войско на так называемой «Великой равнине», в результате чего союзник Карфагена Сифакс вскоре был взят в плен Масиниссой и потерял свою власть над Нумидией. Вся Ливия готовилась восстать против владычества Карфагена.

Положение стало настолько тяжелым, что карфагенский сенат после долгих поисков средств к спасению решил немедленно отозвать из Италии Ганнибала с его армией, а со Сципионом заключить перемирие.

Высадившись в Африке, у Малого Лептиса, в заливе Сирта, Ганнибал провел там зиму 203 — 202 г. В это время карфагеняне нарушили перемирие, заключенное со Сципионом, и война возобновилась с еще большим ожесточением. Ганнибал хотел почетного мира и добился личного свидания со Сципионом. Он уступал римлянам Иберию (т. е. Испанию) и все острова между Африкой и Италией, но хотел, чтобы Карфаген остался самостоятельным государством и сохранил за собой все свои африканские владения в неприкосновенности. Сципион же

требовал, чтобы Карфаген отдал себя полностью во власть римского сената и народного собрания. Этих условий Ганнибал не принял. Обе армии стали готовиться к решительной схватке. Битва при Заме, где сошлись в 202 г. оба противника, решила участь Карфагена.

Войско Ганнибала было разбито вследствие страшного хаоса, происшедшего у карфагенян: слоны, которых выставил Ганнибал, были обращены римлянами в бегство и смели свою собственную пехоту и конницу; карфагенские наемники в пылу битвы приняли за врагов самих карфагенян и изрубили друг друга. Это было первое и последнее, но зато и полное поражение Ганнибала. Война была проиграна. Мир был заключен на следующих условиях: 1) карфагеняне возмещают римлянам все потери, причиненные во время перемирия, возвращают пленных и всех перебежчиков; 2) выдают весь военный флот, за исключением 10 трехпалубных судов; 3) выдают всех боевых слонов; 4) не имеют права никому объявлять войны без разрешения на то Рима; 5) нумидийскому царю Масиниссе, союзнику римлян, возвращаются все его владения; 6) карфагеняне содержат римское войско в течение 3 месяцев и 7) уплачивают 10 тыс. талантов (около 15 — 18 млн. руб.) в течение 50 лет. В обеспечение мирного договора римляне брали 100 заложников, но зато карфагенянам оставлялось право владеть Ливией, самой главой их областью, и теми городами в Африке, которые до сих пор были им подчинены; их законы и обычаи остались неприкосновенными, и они не должны содержать у себя римский гарнизон.

II пуническая война сломила могущество Карфагена и низвела его на положение второстепенной державы. Теперь Рим был полным хозяином в западной части Средиземного моря; он значительно расширил свои владения присоединением Испании и, в сущности, превратил Карфаген в своего вассала. Война сильно подорвала экономическое положение Италии. Шестнадцатилетнее пребывание в ней армии Ганнибала сильно разорило страну вообще, но главным образом среднее и мелкое италийское крестьянство.

В результате войны оно пауперизировалось. Образовались крупные земельные владения, так называемые латифундии римской знати. Вместе с ростом обезземеленных масс крестьянства и с уничтожением зажиточного крестьянства, стоявшего на стороне земельной аристократии, усилились классовые противоречия. Последующая эпоха,

эпоха Гракхов, как раз характеризуется обострением классовой борьбы, предпосылки к которой заложены были римской политикой эпохи Пунических войн.

III пуническая война (149—146 гг. до нашей эры)

По окончании II пунической войны карфагеняне усиленно занялись восстановлением разрушенного хозяйства. Первое время Ганнибал занимал в государстве руководящую роль и здесь проявил свои таланты администратора. Но по настоянию римлян, боявшихся своего старого врага, Ганнибал должен был покинуть родной город и направиться на восток. У власти стала римская партия, опасавшаяся чем-либо оскорбить своего победителя.

Сравнительно в короткое время Карфаген восстановил свое хозяйство и вновь превратился в цветущий торговый город: на побережье вновь раскинулись поля и сады, и Карфаген стал конкурентом Рима по вывозу сельскохозяйственных продуктов. Не даром Катон несколько лет агитировал в римском сенате за уничтожение Карфагена; он приносил в сенат изумительные фрукты, полученные из Карфагена, и доказывал своим согражданам, что рост благосостояния Карфагена является большим ущербом для Италии, — и сенат вынес свое знаменитое постановление о том, что «Карфаген должен быть разрушен».

Римская республика к этому времени, после целого ряда победоносных войн на Востоке, окончившихся покорением Греции и завоеванием Македонского царства, достигла громадной мощи. Она стала мировой державой. Стремясь закрепить свое господство над покоренными ею многочисленными городами и странами, она начала превращать их из вассальных государств в свои провинции. Сделать же Карфаген римским провинциальным городом было крайне трудно. Не могло быть сомнений, что этот занимающий исключительно благоприятное положение военный и торговый соперник Рима вновь и вновь будет отвоевывать себе самостоятельность и угрожать римскому господству. Поэтому римский сенат стремился к его физическому уничтожению.

Чтобы ослабить Карфаген, римляне негласно разрешили своему бывшему союзнику, нумидийскому царю Масиниссе, расширить его территорию за счет Карфагена. По-

сле ряда успешных нападений, на которые, по договору, карфагеняне не имели права отвечать войной, Масинисса, угрожая напасть на самый город Карфаген, наложил на карфагенян дань в 100 талантов. Тогда Рим, опасаясь, что та добыча, за которую он боролся столько лет может достаться нумидийскому царю и что рост силы последнего окажется впоследствии опасным для Рима, решил использовать первый попавшийся предлог, чтобы самому захватить Карфаген.

Придравшись к тому, что карфагеняне, выведенные из терпения нападениями Масиниссы, поднялись на защиту и таким образом нарушили договор, римляне высадили свои войска на северном побережье Африки. Здесь они потребовали у Карфагена выдачи 300 заложников из числа знатных людей, затем — сдачи оружия, и, несмотря на то что эти требования были выполнены, они потребовали, чтобы карфагеняне разрушили свой город и поселились в 80 стадиях (15 км) от моря, что лишало Карфаген возможности играть роль торгового центра. Карфагеняне решили защищаться до последней капли крови. Город мужественно оборонялся, и римляне в течение двух лет упорной осады не могли добиться успеха. Только после уничтожения карфагенской армии, зимой 147—146 г. им удалось полностью отрезать Карфаген и изолировать его от всего окружающего мира. Весной 146 г. город был взят приступом.

Карфаген был разграблен, разрушен и сожжен. В заключение по тому месту, где стоял город, римляне прошли с плугом. Было запрещено кому-либо впредь селиться на этом месте.

Так окончилась продолжительная борьба за господство между Римской республикой и Карфагеном. Африка была превращена в римскую провинцию; население было обложено поголовной податью; многие города, стоявшие на стороне Карфагена, были сметены с лица земли.

Рим без соперников стал владыкой западного побережья Средиземного моря. Его капиталы двинулись в завоеванные области, центры хозяйства стали перемещаться. Африка превращалась в житницу, поставляющую хлеб в Италию, а Италия — в страну богатых вилл и садов. И там и здесь работали рабы, количество которых сильно возросло и эксплуатация которых приняла ужасающие размеры.

В. Стохлицкая-Терешкович

ГАМБУРГСКОЕ ВОССТАНИЕ

1483 г.*

Из истории Гамбурга
в эпоху разложения
феодализма

1

История немецкого города в XIV и XV вв.—это история резких потрясений и бурных социальных вспышек. Старый феодальный способ производства, основанный в ремесле на принадлежности средств производства мелкому производителю, разлагается. Под влиянием роста производительных сил в недрах цехового строя уже в XV в. начинают складываться элементы капиталистических отношений. В эту эпоху население немецкого города очень пестро по своему социальному составу. Ремесленная масса успела сильно расслоиться. В более ранний период феодального развития каждый подмастерье мог рассчитывать стать мастером. Теперь образуются кадры вечных подмастерьев, лишенных такой возможности, и зреет и углубляется антагонизм меж-

* Предлагаемая статья представляет собой популяризированное извлечение из одной главы еще не вышедшей работы, посвященной социальной истории города во второй половине XIV в. и в XV в. История гамбургского восстания рисуется нами на основании данных гамбургских хроник XV и первой половины XVI вв.

Это описание в более или менее подробном виде впервые появляется в исторической литературе. Немецкий историк Казер в своей работе «Politische und Sociale Bewegungen im deutschen Bürgertum zu Beginn des XVI Jahrhunderts» вскользь касается гамбургского восстания 1483 г., внося при этом в освещение его определенные извращения. Используя хроники, мы учитывали настроение их авторов, враждебное по отношению к восставшим, и стремились восстановить истинную картину движения путем сопоставления разных данных.

ду ними и мастерами. Но и мастера не представляют больше однородной среды. В ряде ремесл—особенно текстильных—над массой мелких мастеров уже возвышается небольшой слой мастеров-предпринимателей. Приобретая оптом сырой материал, они раздают его для обработки мелким мастерам и затем сбывают готовый продукт. Мелкие мастера, продолжающие оставаться владельцами мастерских и орудий производства, на деле теряют свою самостоятельность, выполняя фактически роль наемных рабочих. Но вместе с тем сохраняются и такие отрасли промышленности, в которых отношения мастеров и подмастерьев внутри цеха и отношение мастера к покупателю носят еще старый, феодальный характер. В городах имеется и рабочее население, совершенно не охваченное цеховой организацией. В эту эпоху уже совершается процесс обезземеления значительных слоев сельского населения. Пауперизированные крестьяне бродят по стране и зачастую скопляются в городах¹, но цех не принимает их (впоследствии трудность проникновения в цех еще более возрастает). В Гамбурге, игравшем в Ганзейском союзе городов² роль крупного портового центра, таких обезземеленных крестьян, которые не могли попасть в цехи, было особенно много.

Не только широкая масса городского населения Германии второй половины XIV и XV вв., но и верхушка его подверглась процессу сильного расслоения. Над богатыми мастерами-предпринимателями, над купечеством возвышается слой патрициата. Деятельность его сосредоточивается на крупных спекулятивных и ростовщических операциях: раздаче ссуд феодальной знати—князьям и королям—и скупке и застройке городских участков в больших городах. Приобретая земельные владения вне города и вступая в браки с представителями феодальной знати, они входили в среду этих последних. Во второй половине XIV в. патрициат являлся в немецких городах правящим слоем, монополизировавшим власть. Высший орган городского управления—со-

¹ Маркс и Энгельс «Немецкая идеология».

² Ганзейский союз городов—немецкий средневековый купеческий союз, объединявший 90 городов, ведший торговлю на Северном и Балтийском морях. Ганзейский союз имел свою казну и военно-морские силы. (Прим. ред.).

вет—состоял из представителей небольшого количества патрицианских семей, пользовавшихся властью в своих интересах. Это рождало протест со стороны других слоев городского населения, главным образом со стороны цехов. На этой почве поднялась волна восстаний против патрициата, известных под названием цеховых революций. В самих цехах один ремесленный слой восставал против другого.

Эти восстания в разных городах приводили к неодинаковым результатам, но в большинстве случаев монополия власти патрициата ослаблялась и к власти приобщались и другие слои населения. В некоторых городах, особенно в крупных городах Ганзейского союза, победа цехов над патрициатом носила кратковременный характер и патрициат вскоре снова восстанавливал свою власть.

Наряду с цеховыми революциями часто возникали волнения на почве продовольственных затруднений, в частности на почве недостатка хлеба. Вспыхивая лишь в годы неурожая и голода, они не сливались в единое грандиозное движение подобно цеховым революциям, но социальный эффект, создававшийся этими движениями, настолько значителен, что они заслуживают несомненно-го внимания.

Продовольственный вопрос вырастал перед феодальным городом в острой и жгучей форме. На первых стадиях своего развития феодальный город носил еще заметный сельскохозяйственный отпечаток. Городское население само производило часть нужных ему сельскохозяйственных продуктов. Но чем больше углублялось общественное разделение труда, в результате которого возник город, тем больше бледнел этот аграрный отпечаток. Но так как одновременно городское население непрерывно возрастало, то забота о хлебе становилась все более насущной. Город XIV—XV вв. стремился получить нужные ему предметы продовольствия в первую очередь из близлежащих сельскохозяйственных местностей, так как перевозка зерна была чрезвычайно затруднена при несовершенных путях сообщения того времени. Но это стремление далеко не всегда кончалось успехом. Мы знаем ряд случаев, когда города позднего средневековья (Кельн, Нюрнберг и др.) несмотря на большие трудности, пользуясь главным образом водным путем, выписывали хлеб издалека. Между городами разгоралась борьба из-за хлеба, и одни города перехватывали его у других. Чтобы обеспечить населе-

ние хлебом в голодные годы, города создавали запасы зерна, хранившиеся в городских житницах, и обязывали самих граждан создавать подобные же запасы. Строго регламентировалось все продовольственное дело, т. е. и производство предметов продовольствия и торговля ими. Так например городской совет определял, сколько дней в неделю пекарь обязан заниматься выпечкой хлеба и каким должен быть вес булки хлеба при данных ценах на рожь и пшеницу. Если продукция цеха пекарей и мясников не соответствовала установленным требованиям, то городской совет допускал иногда вопреки основному принципу, принятому цехами, прорыв цеховой монополии, разрешая к продаже хлеб сельских пекарей. В целях борьбы со спекуляцией запрещалась продажа зерна вне городского рынка. Но эта политика наталкивалась на сопротивление пекарей и патрициев, владевших поместьями и спекулировавших зерном, т. е., другими словами, на сопротивление тех слоев городского населения, которые были заинтересованы в повышении хлебных цен. В конечном итоге перед населением часто появлялся призрак голода. Тогда поднималось недовольство народных масс, выливавшееся в бурные волнения, направленные против правящих органов города и цехов, изготовлявших предметы продовольствия. В Северовосточной Германии снабжение города хлебом протекало в иных условиях: вокруг этих городов было изобилие зерновых запасов. Но в силу того что между отдельными местностями и городами существовал уже значительный обмен зерном, особенно в неурожайные годы, и много зерна вывозилось за границу водным путем, и в больших городах Северовосточной Германии масса населения в неурожайные годы голодала.

Таково было положение в 1483 г. и в Гамбурге, когда там вспыхнуло крупное восстание.

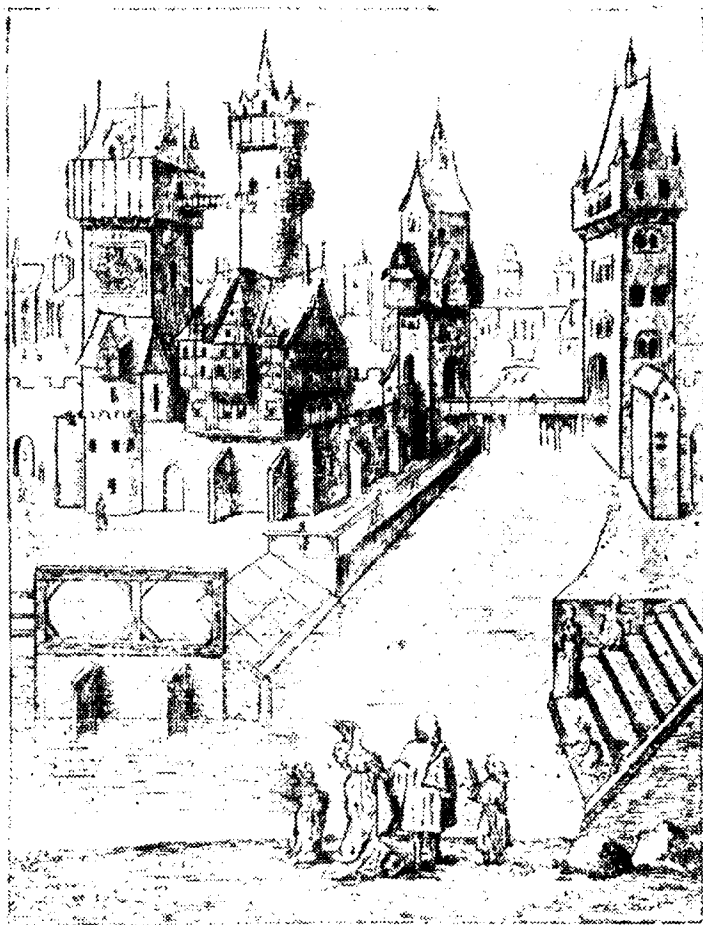
2

Гамбург, основание которому было положено в IX в., являлся в XIV—XV вв. одним из крупнейших городов Ганзейского союза. Он был известен широкими торговыми сношениями со всем севером Европы. Цеховая революция, вспыхнувшая в Гамбурге, не привела там к длительному торжеству цеховых элементов: в момент описываемого восстания городской совет Гамбурга возглавляли патрицианско-купеческие элементы. Но, как мы увидим ниже, и купеческие слои Гамбург-

га не представляли однородной массы, что оказало существенное влияние на ход восстания.

Восьмидесятые годы XV в. во всей Западной Европе характеризуются неурожаями, дороговизной хлеба и голодом. Голод в Европе вызвал усиленный экспорт хлеба из Гамбургского порта. Совет снарядил и отправил в Исландию за свой счет флотилию кораблей с продовольствием и кроме того принял участие в качестве пайщика в ряде других подобных предприятий. Гавань была переполнена кораблями, нагруженными хлебом и скотом и готовыми к отплытию, в то время когда в городе свирепствовал голод. Это было толчком к восстанию, продолжавшемуся около пяти месяцев и прошедшему фазы революции и контрреволюции.

Основную силу восстания составляли ремесленные слои населения различных имущественных и социальных категорий. Из их среды вышел вождь восстания—бочар Генрих фон-Лоэ, иначе именуемый Генрихом Гурлеке. Но к нему примкнула и заметная группа купечества, не того, конечно, которое было заинтересовано в хлебном экспорте, но та часть, которая вела регулярные торговые сношения с Фландрией и Нидерландами и вывозила из Гамбурга в большом

Внутренний вид города в XV в. (Исторический музей).

количестве пиво (гамбургское пиво уже в XIV в. завоевало нидерландский рынок), масло, ветчину, свинину, мед и ввозило сукна и пряности. Эта группа купечества была экономически тесно связана с цехом бочаров, изготовлявших бочки для экспорта пива.

В этом движении, рожденном голодом, слились воедино все мелкие струйки недовольства, бродившего в разных слоях населения, и поднялась волна требований, отражавших разнообразные стремления этих слоев. Преобладали требования продовольственного характера, но с ними тесно переплетались желание масс принять участие в решении важнейших вопросов экономической и политической жизни города и жажда купечества закрепить за собой ряд привилегий в иностранной торговле. Гамбургское восстание 1483 г. вначале носило характер движения, направленного против городского совета. Но пестрый социальный состав участников вскоре вызвал в их среде разногласия, особенно на нисходящей стадии движения, когда благодаря удовлетворению частичных требований от восстания отошел значительный общественный слой. Неимущие участники восстания выдвинули в ходе борьбы лозунги, направленные против всех имущих.

Внешняя сторона восстания полна глубокого драматизма. По данным гамбургских хроник, главным вождем восстания был Генрих фон-Лоэ, бывший крепостной рыцаря, жившего близ Гамбурга. Обладая громадным темпераментом и прекрасными способностями агитатора, он выступал на многочисленных собраниях, разжигая массы рассказами об отправке в большом количестве скота и зерна за границу, называя имена купцов, участвовавших в экспортных операциях, и громя продажность гамбургского совета, заставляющего голодать население, в то время как продовольствие вывозится из Гамбурга. Эта агитация кончилась арестом бочара. Совет призвал бюргеров,—по-видимому, представителей верхушки городского населения, быть может, тех же крупных экспортеров зерна,—и, обсудив вместе с ними создавшееся положение, решил на время, впредь до окончания дороговизны, приостановить экспорт хлеба из Гамбурга. Но искра восстания была уже брошена в массы.

Эти массы трудящихся, отмечают хроники, не верили искренности намерений совета. Раздавались голоса, утверждавшие, что «богачи все заодно и лишь дурачат на-

род». Толпа приверженцев фон-Лоз освободила его из тюрьмы.

На другой день было созвано многолюдное собрание в церкви, и фон-Лоз, окруженный толпой приверженцев, огласил с хоров сформулированные им «статьи», т. е. народные требования. На первом месте фигурировало требование полной амнистии для всех восставших; затем выставлялся ряд требований, направленных к урегулированию продовольственного дела: полный запрет экспорта продовольствия в Исландию; запрет выдачи лицензий на вывоз зерна куда бы то ни было; запрет продажи с'естных продуктов на новом мосту, ибо оттуда они могут быть тайно погружены и увезены; разрешение по средам и субботам всем решительно торговать хлебом (направлено против цеховой монополии пекарей); требование, чтобы городской совет каждый месяц проверял у пекарей вес хлеба и конфисковал легковесный хлеб; требование организовать городские запасы зерна, запретить скупку скота на расстоянии шести миль от Гамбурга и сосредоточить всю торговлю скотом на городском рынке (цель этого требования — планомерная борьба со спекуляцией).

Эти лозунги, вызванные преимущественно продовольственной политикой совета, обрастали в восстании рядом других требований. Инсургенты (восставшие) стремились закрепить за народными массами постоянное участие в политической жизни города. Они требовали, чтобы городской совет, ведя переговоры с иностранными державами, привлекал к участию в переговорах представителей от общин в числе 20—26 чел. от каждого прихода; требовали урегулирования судопроизводства, далеко не удовлетворявшего народные массы; выдвигали также очень важное в экономическом отношении требование об урегулировании почтовых сношений и т. п.

Указанные события происходили в начале мая. Отдельные члены совета при первых же признаках волнения уехали в Любек, оставшиеся же под предлогом неполного состава затягивали ответ на требования восставших. Тем временем в городе царил двоевластие. Фон-Лоз вел себя как регент: раздавал службы и должности и взял к себе в секретари пастора, сочувствовавшего народным массам. Восстание в Гамбурге совпало с церковной смутой и расколом среди духовенства, низшая часть которого была на стороне народа.

Требования, выраженные в статьях, были

удовлетворены лишь в июле, по возвращении отсутствовавших членов совета.

Казалось бы, что движение должно было пойти на убыль.

Массы уже выдвигали лозунги, направленные против имущих.

«Худшая часть населения, — говорит хроника Клеменса, — ободренная успехом, не хотела останавливаться на достигнутом и мечтала о захвате власти и богатстве».

Между тем среди восставших пошли слухи, что совет собирается призвать себе помощь из Любека и поэтому бюргеры хранят у себя ключи от городских ворот. Совет же, с своей стороны, распространяя слухи о готовящемся на него нападении со стороны восставших, которые, якобы для того чтобы иметь повод осуществить нападение на членов совета, пустили в ход «ложное» известие, что в гавани стоят четыре корабля, нагруженные зерном и готовые к отплытию.

Наши данные не дают возможности судить о том, действительно ли этот слух представлял собой вымысел. По сообщению

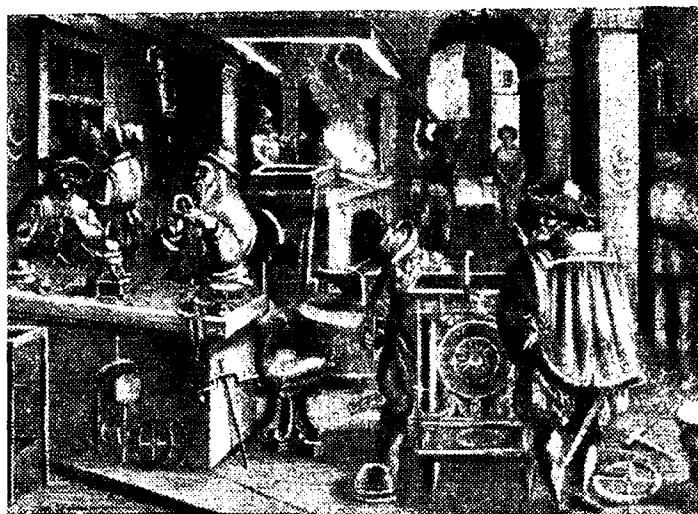
Крестьяне с птицами на базаре. XVI в. С гравюры Дюрера. (Исторический музей).

хроникера, сочувствовавшего совету, последнему якобы удалось опровергнуть его, но, пишет хроникер, к несчастью для властей, в городе вспыхнул пожар. Горел квартал, населенный беднотой, подозревали поджог со стороны совета, и в толпе раздавались угрозы поджечь дома богатых.

Перед ратушей появилась толпа бюргеров, руководимая вождями восстания, и совету был предъявлен ряд дополнительных требований, преимущественно торгового характера: требование отмены акцизной пошлины во Фландрии и Голландии; требование заставить голландцев восстановить старые, уже забытые торговые привилегии Гамбурга; требование, чтобы гость не имел права торговать с другим приезжим купцом¹. Наконец, толпа бюргеров, собравшаяся перед ратушей, требовала организации во всех приходах вооруженной охраны из бюргеров.

Это дополнительное обращение восставших к совету можно считать переломным пунктом в революционном движении. Видимому, тенденции, проявленные неимущими слоями населения, оттолкнули от восстания более зажиточных горожан. Предъявляя совету дополнительные требования, купечество и состоятельная часть цехов выдвигают условия, на основании которых мог бы состояться компромисс между ними и советом.

¹ По общепринятому в средневековых городах правилу, в сношениях между приезжими купцами должен был в качестве посредника выступать свой горожанин, но некоторые крупные торговые центры допускали непосредственные сношения между приезжими купцами, что, конечно, было невыгодно для горожан, так как лишало их вознаграждения за посреднические услуги.

Мастерская часовщика. (Исторический музей).

Совет ухватился за протянутую ему руку примирения. Дополнительные требования были удовлетворены, и широкий слой купечества и более состоятельных ремесленников отошел от революции и стал на сторону совета. Почувствовав твердую почву под ногами, совет дал решительный отпор тем, кто продолжал поддерживать восстание. Он отверг их требование об освобождении лиц, арестованных за распространение «позорящих слухов о совете» (мы не знаем, в какой именно момент состоялся арест), и на другой день созвал ратушу для обсуждения создавшегося положения цеховых мастеров, в том числе и фон-Лоэ, предупредив их, чтобы они оставили дома в интересах сохранения порядка свою «челядь» (название челяди присваивалось подмастерьям). Это обстоятельство свидетельствует о расколе между мастерами и подмастерьями и о принадлежности последних к тем слоям, которые продолжали поддерживать восстание.

В то время когда собравшиеся заседали (собрание носило закрытый характер, и двери помещения были закрыты на ключ), к ратуше подступила толпа корабельных плотников, подмастерьев и «прочего нищего люда», как отмечает хроника, под предводительством корабельного плотника Кляза фон-Каннена. Подступившие потребовали, чтобы их пустили на собрание. Получив отказ, они выломали дверь и силой ворвались в комнату, где шло заседание, но их вытолкнули собравшиеся бюргеры. Восставшие бросились к башне, на которой висел колокол, чтобы забить в набат, но башня была уже во власти совета. Вожди набега на ратушу были арестованы. Часть подмастерьев и корабельных плотников спаслась бегством, остальные соединились с подмастерьями кузнецов. Они вооружились топорами и молотами, чтобы освободить заключенных, но совет уже имел так много сторонников, что эта попытка была подавлена в самом начале.

Движение вступило в последнюю фазу. Совет, окруженный толпой бюргеров, отправился на так называемую «конопляную площадь» и обратился к собравшемуся народу с вопросом, как быть с заключенными. Народ отвечал: «Да постигнет их заслуженная кара». Что касается Генриха фон-Лоэ, то его решено было вновь привести к гражданской присяге.

Но и фон-Лоэ плохо кончил. Как главный вождь восстания он не мог быть безразличен совету. Если его не тронули в момент расправы с подмастерьями и портовыми рабочими, то только потому, что он являлся представителем широких слоев ремесленного населения, с которыми совет только что заключил мирный договор. Но восстание уже замирало, раскаты его затихали. Масса, удовлетворенная уступками совета, постепенно принималась за свой обычный труд. Наступил момент, который совет счел удобным для расправы со своим врагом. Для этой цели использовали то обстоятельство, что в разгар восстания бочар жестоко оскорбил жену своего владельца — гарбургского¹ рыцаря фон-Фрейтага, — приехавшую с мужем в Гамбург, очевидно, для того чтобы получить большой выкуп с фон-Лоэ. Окрестные рыцари под видом защиты чести жены члена

¹ Гарбург расположен близ Гамбурга.

своего сословия потребовали от совета должного наказания для Генриха фон-Лоэ. В результате он был приговорен к смертной казни через обезглавление мечом.

Но фон-Лоэ попрежнему пользовался большой популярностью, и поэтому совет побоялся казнить его публично. Вопреки обычаю, требовавшему, чтобы между произнесением приговора и приведением его в исполнение прошло три дня, Генриха фон-Лоэ повели на казнь тотчас же после того, как состоялось решение суда и схлынула толпа, ожидавшая приговора. Под конвоем кучки вооруженных бюргеров он был спешно приведен на госпитальный двор и там обезглавлен. Казнь была совершена 10 октября 1483 г.

Так закончилось это восстание, в котором с огромной силой выразились глубочайшие социальные противоречия, бурлившие в жизни большого приморского ганзейского города эпохи разлагающегося феодализма.

В. Зельцер

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Проблема промышленной революции — чрезвычайно существенный пункт для теории научного социализма. Именно забыв марксистское положение, что промышленная революция вносит ясность в классовые отношения и создает обобществление производства как необходимую предпосылку социализма (что относится также и к России 90-х гг.), школа троцкистских контрабандистов, разоблаченная товарищем Сталиным, утверждала, будто в 1905 г. материальных предпосылок для социалистической революции в России еще не было.

«Непонимание» относительно высокого развития промышленного капитализма в России свойственно было также и представителям правого оппортунизма, например Бухарину, считавшему Россию абсолютно отсталой страной.

Ленин дает классическую формулировку процесса промышленной революции в следующих словах:

«Теория... Маркса называет крупной машинной (фабричной) индустрией лишь определенную, именно высшую ступень капитализма в промышленности. Основной и наиболее существенный признак этой стадии состоит в употреблении для производства системы машин. Переход от мануфактуры к фабрике знаменует полный технический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера, а за этим техническим переворотом неизбежно идут самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц, полный разрыв с традицией,

обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом. Крупная машинная индустрия является, таким образом, последним словом капитализма, последним словом его отрицательных и «положительных моментов»¹.

Ясно, что промышленная революция является не просто технической революцией. Техническая революция — только исходный пункт революции экономической и социальной.

Промышленная революция — это процесс создания капиталистической крупной машинной индустрии, фабрики как важнейшего участка формирования и утверждения капиталистического общества (его основных классов).

Мы рассмотрим только главные особенности процесса образования капиталистической крупной машинной индустрии в России в свете понимания этого процесса Лениным².

Мы попробуем в общих чертах нарисовать основные периоды промышленной революции в России: первый — 40-е—50-е годы, точнее, с конца 30-х гг. до середины 60-х гг.; второй — с 60-х гг. до конца 80-х гг., примерно с конца кризиса 60-х гг. до конца кризиса и депрессии 80-х гг. и третий — с конца кризиса 80-х гг. до середины 90-х гг.

1

Капиталистический способ производства в разных странах развивался в различных общественно-экономических условиях. В Западной Европе и в особенности в Англии он возник в условиях, когда крепостные отношения были уже в основном ликвидированы. В Англии великая буржуазная революция произошла уже в середине XVII в.; и само дворянство перешло к новому типу сдачи земли буржуазным арендаторам, работавшим на началах капиталистической эксплуатации поденщиков.

¹ Ленин. Т. III, стр. 353.

² Подробнее изложен материал в статье автора «Ленин и проблема промышленной революции в России» в журнале «История пролетариата СССР» № 4 за 1933 г.

В иных условиях зародился капитализм в Восточной Европе, в частности в России. Крепостное право достигло здесь наивысшего расцвета в XVIII в. Вотчинные и купеческие помещионные мануфактуры вербовали большинство наемных работников из крепостных, оброчных крестьян «господ помещиков» либо из экономических, удельных или государственных крестьян.

Со второй половины XVIII в. наряду с крепостной промышленностью, игравшей господствующую роль, появляется мануфактура из недр самого крестьянского хозяйства. На ней применялся вольнонаемный труд рабочих-«фабришников», часто вышедших из недр того же крепостного крестьянства (например мануфактура Грачева в селе Иванове и т. п.).

Ленин подчеркивал, что фабрика не является чем-то оторванным от крестьянства, случайно, извне нагрянувшим на него. «Фабричная форма, — пишет он, — это не более как развитое товарное производство, а развилось оно из того неразвитого товарного производства, которое мы имеем в крестьянском и кустарном хозяйстве¹.

Это особенно наглядно можно проследить на мануфактуре, в которой с «промышленным капиталом сплетается самыми разнообразными способами торговый и зависимость работника от капиталиста приобретает массу форм и оттенков, начиная от работы по найму в чужой мастерской, продолжая домашней работой на «хозяина», кончая зависимостью по закупке сырья или сбыту продукта»². Но в то же время за этой пестротой форм эксплуатации скрывается то основное обстоятельство, что в мануфактуре «раскол между представителями труда и капитала проявляется во всей силе», причем для Ленина нет никаких сомнений насчет того, что «ко времени освобождения крестьян этот раскол в крупнейших центрах нашей мануфактуры был уже закреплен преемственностью нескольких поколений»³.

Итак, за несколько поколений до «освобождения крестьян» значительно развилась мануфактура, выраставшая из недр крестьянского хозяйства.

В первой половине XIX в. в России уже имелись значительно развитые ремесла и

Доставка рабочей силы на Уральские заводы в XVIII в. С акварели худ. Яшина (Ист. музей).

мануфактуры, дифференциация крестьян, рост рынка, разложение натурального хозяйства, заставившее и помещиков производить хлеб на продажу. Это создавало базу для быстрого роста машинной индустрии, особенно в хлопчатобумажной промышленности.

В начале XIX в. промышленная революция в Англии и появление парового флота подорвали экономические основы крепостной мануфактуры в металлургии и в парусно-полотняном производстве — двух основных видах крепостной промышленности России, игравших существенную роль в русском экспорте. На первый план выдвинулась новая, хлопчатобумажная промышленность, с самого начала организованная на капиталистических основах.

В связи с промышленной революцией в ряде передовых стран применение новых машин, заимствуемых главным образом из Англии, стало все более частым явлением на территории России.

Раньше всего появляются машины в текстильной промышленности. Еще в 1811 г. на казенной Александровской мануфактуре были введены механическое прядение и ткание льна и получена 10-летняя привилегия на изготовление соответствующих машин.

Первые бумагопрядильни, или «мюли», были заведены в 1811 г. англичанами Бильямсоном и Греем, в 1824 г. — А. М. Пушкиным в Московской губернии, в 1826 г. — полковником Ренненкампомфом близ Петербурга.

Цилиндропечатная машина была заведена в 1815 г. шлиссельбургским фабрикантом Вебером (привилегия дана в 1817 г.), в 1818 г. — петербургским фабрикантом Витепажем, в 1819 г. — рижским фабрикантом

¹ Ленин. Т. I, стр. 346.

² Ленин. Т. III, стр. 338.

³ Там же.

Либом. Но до середины 30-х годов машин было очень мало¹.

В конце 30-х и начале 40-х годов положение меняется довольно резко. Вырастает ряд новых предприятий, увеличивается ввоз машин, а отмена Англией закона о невывозе машин в 1842 г. еще более обогащает Россию последними.

«Соревнование с.-петербургских капиталистов, — отмечают современники, — усилилось особенно блестящим успехом российской бумагопрядильной мануфактуры, основанной на акциях в 1835 г.» Выросли новые и механизировались старые фабрики Штиглица, Мальцева, Лепешкина, Небольсина, Мазурина, Коншина, Прохоровых. В 1848 г. пущена бумагопрядильня Морозова в Новозуеве в 4 этажа, с газовым освещением, с двумя паровыми машинами (в 80 и 40 лош. сил), 41 кардмашиной, 22 банкоброшами и т. д.

Современники отмечали сравнительно высокое техническое оборудование русских бумагопрядилен. Выросли и ситцепечатные фабрики. Кроме старых ситцепечатных фабрик Вебера, Витепажа и Лютша выросли фабрики Штейбаха (впоследствии Цинделя) в Москве, Гарелина — в Иванове и т. д. В 1843 г. в России было только 35 тыс. бумагопрядильных веретен. Десять лет спустя, в 1853 г., их насчитывалось уже миллион. Темпы роста бумагопрядильного производства были поистине революционными.

В 1886 г. был основан завод паровых машин Шепелева. Выросли заводы Мальцева в Калужской губернии, Шипова в Костроме. Основан завод Яхненко и Семиренко на

¹ Составлено по материалам ленинградского отделения Центрального исторического архива (ЛОЦИА), департамент мануфактур и торговли за соответствующие годы.

Имба кустаря. Производство ножниц.

Киевщине. Особенно быстро росло механическое производство после Крымской войны (заводы Семьяникова, Полетики и др.).

Но механическое производство было еще очень слабо. На это жаловались и составители отчета о мануфактурной выставке 1842—1843 гг. и статьи конца 50-х и начала 60-х годов в журнале «Вестник промышленности».

Рост капиталистической промышленности в ее высшей форме — машинной индустрии, прежде всего в хлопчатобумажном производстве, вызывает и первые шаги механизации транспорта (пароходы на Неве, Волге, железная дорога Петербург — Москва).

Благодаря росту машинного бумагопрядения число ткацких «кустарных» светелок возросло, а подчинение их капиталу усилилось. При машинном производстве пряжи ткачество оставалось до 60-х годов ручным. Это вызвало рост «кустарных промыслов», ибо увеличившаяся эксплуатация крестьянина, необходимость для него отработать оброк заставляли его дешевле продавать свою рабочую силу.

Картина роста «кустарной» обработки полуфабриката обща, впрочем, для всех стран: Англии, Франции, Германии и т. д. — в первый период промышленной революции. Она не является русским национальным своеобразием. Наряду с этими тенденциями мы наблюдаем быстрый рост механизации и вытеснение домашнего ручного труда, например в Ивановской области².

Не мелкая, «кустарная» промышленность, возглавляемая торговым капиталом, была в 40-х годах XIX в. крупной промышленностью (фабрику), как рассудку вопреки наперекор марксизму доказывает буржуазный экономист Туган-Барановский в своей известной книге «Русская фабрика»³. Нет, побеждала именно крупная машинная индустрия. Мануфактура для конкуренции с крупной машинной промышленностью усиливала эксплуатацию «кустаря», да и сама фабрика не отказывалась от заманчивого использования дешевого крестьянского труда.

Начало промышленной революции в России характерно вытеснением крепостного труда, крепостной мануфак-

² В 20-х годах в одном селе Иванове было 7 тыс. разных набойщиков. В 1835 г. здесь появились цилиндропечатные машины. В 50-х годах во всей Владимирской губернии осталось не более 2 тыс. ручных набойщиков.

³ Туган-Барановский «Русская фабрика в ее прошлом и настоящем», стр. 73, 77, 106, 112.

туры, вытеснением тех «самобытных» форм эксплуатации крепостного труда в индустрии, которые свойственны первому периоду развития русской промышленности. С другой стороны, рост буржуазной фабрики с вольнонаемным трудом тесно связан с ростом машинной индустрии.

Купцы Хлебниковы в 40-х годах указывали, что «производство» «духом времени изменилось», «введен на оном механизм», «заменяющий ручные работы», и поэтому помещионные люди уже «обременительны для владельцев».

Идя навстречу интересам фабрикантов, вконец уже отличавшимся от крепостнических тенденций купцов екатерининской комиссии 1767 г., царское правительство в 1840 г. разрешило освобождать помещионных рабочих, на 20 лет раньше, чем это было сделано по отношению ко всем крепостным крестьянам.

Рабочие еще не порвали окончательно с крестьянством, и тем не менее мы встречаем уже попытки создания постоянных рабочих кадров. Сама буржуазия проявляет здесь огромнейшую активность, ведя соответствующую политику заработной платы, заводя фабричные школы, поощряя остающихся на фабрике рабочих и т. д. Накануне освобождения крестьян создаются уже более или менее постоянные кадры рабочих при машинах. Вместе с тем наблюдается ухудшение материального положения рабочих, вызванное промышленной революцией. Так, зарплата механического ткача в Иванове с 1850 г. по 1860 г. снизилась на 47%, в то время как зарплата ручного ткача снизилась на 32%.

Если до 1861 г. удельный вес машинного производства во всем народном хозяйстве невелик, то удельный вес фабрик с машинным производством в передовых отраслях промышленности накануне реформы уже весьма значителен.

До реформы 1861 г. Россия продолжает оставаться еще аграрно-крепостной, а в области промышленности — мануфактурной страной. Но промышленная революция толкает уже к образованию резервной рабочей армии, первоначальному накоплению, к освобождению крестьян как форме «чистки земель» для капитализма.

По мнению Ленина, три причины толкнули помещиков к проведению реформы 1861 г.: вовлечение России, и самого помещицкого хозяйства в том числе, в систему капиталистических отношений, рост революционной борьбы крестьянства и поражение в

«Личильня» — мастерская для полировки ножей в селе Павлове.

Крымской войне. Без крестьянского революционного движения, угрожавшего «освобождением снизу», помещики не бросились бы «освобождать сверху».

Пролетариат в 60-х годах еще не сформировался окончательно в класс, не выделился полностью из недр крестьянства и потому не смог возглавить нараставшей крестьянской революции, как он сделал это в 1906 г. Дело кончилось ублюдочной реформой 1861 г.

2

Крестьянская реформа 1861 г. открыла «клапан» (Ленин) капиталистическому развитию страны. Сохранив огромное количество варварских крепостнических пережитков, помещичье землевладение, отработочную систему, крестьянская реформа тем самым содействовала задержке самых отсталых средневековых форм в промышленности. Тем не менее развитие капитализма совершалось после реформы и вширь (в колониях: Кавказ, Туркестан и т. д.) и вглубь.

Разложение крестьянства, появление «новых типов сельского населения» (Ленин) создавали базу для развития внутреннего рынка, для роста сельской буржуазии, втягивавшейся не только в торговлю и ростовщичество, но и в промышленность. С другой стороны, создавались огромные массы сельского и промышленного пролетариата и особенно полупролетариата — батрачества с наделом, столь типичного для пореформенной России.

Изнуряя до крайности самих себя и свои семьи, этот тип рабочих сохранял видимость самостоятельности. В этом процессе создания капиталистических отношений огромное значение имело вытеснение мануфактуры машинной индустрией. Оно сказывалось в первую очередь в росте зависимости от капиталиста, вслед за этим и в разорении «кустарей», в уходе части их в новые, промышленные центры.

Процесс разложения крестьянства и капиталистического развития сельского хозяйства тесно связан с промышленной революцией и с ростом механизации сельского хозяйства в частности.

Потребление сельскохозяйственных орудий и машин в России возросло с 1876 г. по 1894 г. (за 18 лет) более чем в $3\frac{1}{2}$ раза и притом главным образом за счет внутреннего производства. Кроме того в сельском хозяйстве стала развиваться промышленная переработка сельскохозяйственных продуктов. Промышленная революция превращала Россию из страны ветряных и водяных мельниц в страну мельниц паровых (Ленин), насаждала новые, механизированные свеклосахарные заводы. Все это содействовало росту капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

«Систематическое употребление машин в сельском хозяйстве, — писал по этому поводу Ленин, — с такой же неумолимостью вытесняет патриархального «среднего» крестьянина, с какой паровой ткацкий станок вытесняет ручного ткача — кустаря»¹.

Но для того чтобы произвести такой сдвиг в сельском хозяйстве и содействовать росту капитализма в земледелии, машинное про-

изводство должно было совершить грандиозный технический и социальный переворот в промышленности. И действительно, пореформенная эпоха дает наибольший расцвет промышленной революции и рост машинного производства, особенно в текстильной индустрии (как отмечал Ленин).

В суконном производстве в 1875—1878 гг. насчитывалось 167 механических заведений, применявших 4632 лош. силы, в 1890 г. — 197 заведений и 6602 лош. силы². Здесь промышленная революция совершалась сравнительно медленно благодаря сохранившимся крепостническим традициям в этой отрасли и вытеснению суконных тканей более дешевыми — шерстяными и смешанными тканями.

Особенно выдающееся место среди текстильных производств, по характеристике Ленина, занимает хлопчатобумажная промышленность. Здесь после реформы наблюдается возрастание не только бумагопрядения и ситцепечатания, но и новой отрасли машинного производства — механического ткачества. В 60-х годах было 11 тыс. механических ткацких станков, в 1890 г. — около 87 тыс. «Крупная машинная индустрия развивалась, следовательно, с громадной быстротой»³, — отмечал Ленин. Такое быстрое развитие механизации Ленин отмечает и для полотняной, красильной и других видов текстильной промышленности.

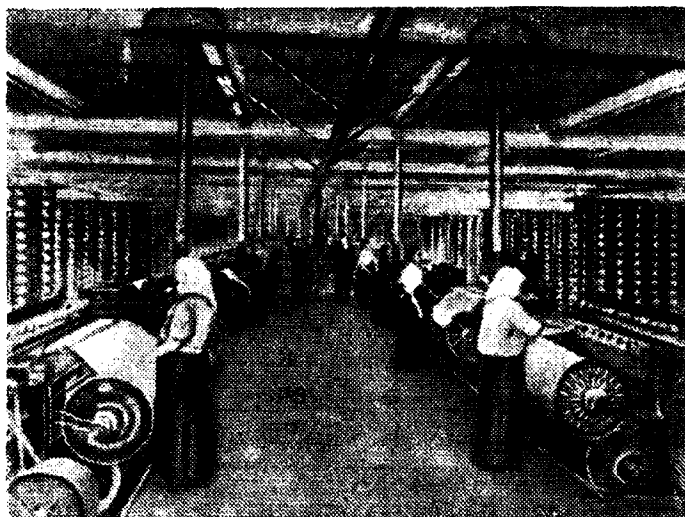
Развитие машинной индустрии приводит естественно к упадку кустарных светелок и к росту концентрации рабочих на крупных предприятиях. Ленин прослеживает это на примерах фабрик Терентьева в Шуе, Гарелина в Иванове и т. д.

Гибель ряда кустарных промыслов, в первую очередь текстильной и самоварной, — несомненный факт эпохи 70 — 80-х годов, второго периода промышленной революции.

«Историко-статистический обзор промышленности России» констатирует, что для начала 80-х годов «ручная набивка миткалей ныне составляет редкое исключение». И вообще кустарная хлопчатобумажная

² Там же, стр. 366.

³ Ленин. Т. III, стр. 368. С развитием машинной индустрии в России появились и капиталистические кризисы: в начале 60-х годов, два кризиса в 70-х годах, кризис начала 80-х годов — см. данные в статьях П. Анатольева в журнале «История пролетариата СССР» № 1—2 за 1933 г. и П. Парадизова в сборнике «Шестнадцать заводов».

Ткацкая фабрика Эмиля Цинделя. Сновальный отдел.

промышленность должна, «к сожалению, погибнуть»¹.

Применение паровых машин, механических станков и укрупнение, концентрация промышленности, т. е. создание крупной машинной индустрии, являются характернейшими фактами для второй половины XIX в. С 1873 г. по 1892 г., как указывает Ленин, число паровых двигателей по количеству сил возросло в России втрое².

Число крупных фабрик, где работало свыше 100 рабочих, выросло с 1866 г. по 1890 г. почти в полтора раза, а число занятых в них рабочих удвоилось.

Самое главное, что мы должны отметить, — это формирование классов капиталистического общества, особенно пролетариата.

Машинная индустрия разрывает связь промысла с земледелием, отрывает рабочего от земли, бросает его в водоворот капиталистической фабрики.

Из ткачей ручных фабрик на полевые работы уходили в конце 80-х и начале 90-х годов около 63%, а «из ткачей, работающих на самоткацких станках, не уходит никто»³. В ручных бумаготкацких с красильнями уходило 72,5%. На машиностроительных заводах — только 2,7%. Растут кадры пролетариата во всех отраслях промышленности. Ленин считал, что в 1865 г. в крупных капиталистических предприятиях (на фабриках, заводах, в горной промышленности, на железных дорогах) было занято 706 тыс. чел., а в 1890 г. — 1432 тыс., т. е. пролетариат вырос более чем вдвое, и рост его обгонял рост городского населения⁴.

Постоянные кадры рабочих являлись к 70 — 80 годам уже сложившимися по отношению к капиталу рабочим классом. Известный исследователь Дементьев считал, что в конце 80-х годов у 53% рабочих на фабриках Московской губернии отцы уже работали на фабрике⁵.

Рабочий попадал на фабрике под двойной гнет капиталистической эксплуатации, особенно острой в период промышленной революции, усиленной остатками средневекового капиталистическо-

го мануфактурного периода, и крепостнической эксплуатации: помещицей, чиновницей, государственной.

Этот двойной гнет (отражавший сочетания капитализма с крепостничеством в экономике страны) был основой «двух социальных войн»: против капитализма и против крепостничества (о которых писал Ленин в 1905 г. и которые служили для него порукой, что революция 1905 г. «не остановится на полпути» не только в деревне, но и на фабрике). Положение рабочих продолжало ухудшаться. Рабочий день удлинялся (по официальным данным) на ряде фабрик до 18 часов (!). В текстильной промышленности уже в 80-х годах женщины и дети составляли половину рабочих. Резко пала заработная плата, уменьшавшаяся системой расплаты продуктами из хозяйских лавок, штрафами и т. д.

В 80-х годах среднемесячный заработок рабочего на своих харчах в машиностроительной промышленности составлял 23 р. 34 к., для подростков — 9 р. 87 к., для женщин в прядильных и ткацких отделениях шерстопрядильных и суконных фабрик — 7 р. 17 к. На хозяйских харчах зарплата колебалась между 7 — 9 руб. для мужчин и подростков, 5 руб. для женщин, снижаясь до 1 р. 23 к. для малолетних, в месяц⁶. В то время как реальная заработная плата, что характерно для годов промышленной революции, стремительно падала вниз, например на хлопчатобумажных фабриках Шуйского уезда с конца 50-х годов и до начала 80-х годов она снизилась на 20 — 30 и более процентов⁷, барыши капиталистов (и это тоже характерно) стремительно поднимались.

Штрафы, обманные расчеты были обычным явлением; что же касается жилищных условий (ночевка на станках, «казармы», «углы»), то они вполне соответствовали всей обстановке работы на фабриках.

3

Развитие крупной машинной индустрии немислимо без развития горной и металлургической промышленности. Национальные особенности России — сочетание крепостничества и капитализма — наложили крупнейший отпечаток на развитие этих отраслей индустрии.

¹ «Историко-статистический обзор промышленности России». Т. II, стр. 123 и 131. СПб. 1883.

² Ленин. Т. III, стр. 394.

³ Там же, стр. 421.

⁴ Там же, стр. 388.

⁵ Дементьев «Фабрика, что она дает населению», 2-е изд. стр. 46.

⁶ Дементьев. Цит. работа. «Таблицы» на стр. 134—136.

⁷ Туган-Барановский. Цит. работа, стр. 343.

В этом отношении представляет интерес уральская горная промышленность, охарактеризованная Лениным. «Прикрепление приписных крестьян к земле, наделы — все это сохранило Уралу крепостнический облик до самого конца XIX в.

Сравнительная узость рынка в России, недостаточность накопления капиталов содействовали тому, что если в области легкой промышленности укрепился преимущественно туземный капитал, то в тяжелой индустрии наряду со старой, полукрепостной промышленностью основывались предприятия с иностранными капиталами. Иностранный капитал создал многие из наших механических и горных предприятий, в частности такие бурно выросшие капиталистические центры, как Донецкий бассейн, Криворожье, Баку, и т. д. Он поставил царскую Россию в кабальную зависимость от себя.

До середины 80-х годов металлургия в России сильно отставала. На юге существовало только два завода: Юза и Пастухова. Несколько быстрее развивалась механическая промышленность, но и она уступала легкой индустрии, сформировавшейся уже к 80-м годам в фабричную систему и создавшей капиталистические отношения в России.

Однако необходимость машинного оборудования для фабрик легкой промышленности (которое, впрочем, в большей своей части шло из-за границы), развитие сети железных дорог¹ и военной промышленности дали толчок развитию туземной тяжелой промышленности. На

¹ Сеть железных дорог в России: 1860 г.—1488 верст, 1890 г.—28 193 версты, 1900 г.—почти 50 000 верст.

Артельная казарма рабочих Вознесенского рудника 1902 г.

этой базе вырастали и укрупнялись в 70—80-х годах такие предприятия, как Сормовский и Коломенский машинно- и паровозостроительные заводы и заводы Обуховский, Путиловский, Семянникова, Бромлея, Лесснера и др.²

В 1856 г. в России было 29 механических заводов с 8 тыс. рабочих и выпуском продукции на 2 млн. руб. В 1882 г. — 234 завода с 45 тыс. рабочих и годовым выпуском на 46,5 млн. руб.³ Механические заводы росли гораздо быстрее чем металлургическая база. Их рост подгонялся развитием мирового капитализма.

В 60—70-х годах механический завод, однако, имел характер предприятия со сравнительно отсталой техникой, полумануфактурный.

Крутой перелом в тяжелой промышленности произошел в конце 80-х годов. Это и было начало последнего, третьего периода промышленной революции в России. Урал со своими, «освященными веками» порядками отстает на задний план. На первое место выдвигается новый капиталистический юг (украинская тяжелая индустрия). Число паровых машин в горной промышленности с 1877 г. по 1893 г. возрастает на юге в 6 раз, на Урале — только в 2½ раза. Еще в 1890 г. Урал давал 50% чугуна, Донбасс всего 24%. В 1900 г. Урал дает только 28,4% чугуна, а Донбасс — 51,8%⁴.

На первый план выдвигается уже не текстильная промышленность, а тяжелая индустрия.

Потребление хлопка с 1890 по 1900 гг. возросло только вдвое, тогда как производство чугуна в 3½ раза, а добыча нефти — в 3 раза. В 2½ раза выросла также добыча каменного угля.

За короткое время возник целый ряд гигантских чугуноплавильных заводов: Александровский, Каменский, Гланцовский, Дружковский, Петровский, Донецко-Юрьевский, Никополь-Мариупольский, Таганрогский и др. Число рабочих на чугуноплавильном заводе Юза составляло около 10 тыс., на прочих — немногим меньше. В 1899 г. на юге было 17 больших чугуноплавильных заводов

² О паровозостроении на Коломенском заводе см. статьи А. Гайсиновича в сборнике «Шестнадцать заводов» 1934; об истории быв. Семениковского завода см. книгу Н. Паялина.

³ Сб. «Производительные силы России». 1896, стр. 5.

⁴ Ленин. Т. III, стр. 380, 381.

с 29 действующими доменными печами и с 12 вновь строящимися¹.

Подъему металлургии сопутствовал и рост механической и машиностроительной промышленности. В 1892 г. было уже 369 механических заводов с 50 тыс. рабочих и выпуском продукции на 53,5 млн. руб. В 1893 году — 635 механических заводов, из них 217 — сельскохозяйственного машиностроения, 194 — изготовлявших разные машины, 8 — паровозостроительных, 29 — пароходостроительных, 29 — пароходоремонтных.

Этим периодом капиталистического процветания был подготовлен российский империализм.

Отмечая грандиозную техническую революцию, происходившую в России в 90-х годах, Ленин указывает, что за 10 лет — с 1886 по 1896 г. — выплавка чугуна утроилась (она возросла с 32,5 млн. пудов до 96,5 млн. пудов). Франция проделала анало-

гичный путь в 28 лет, Соединенные штаты — в 23 года, Англия — в 22 года, Германия — в 12 лет².

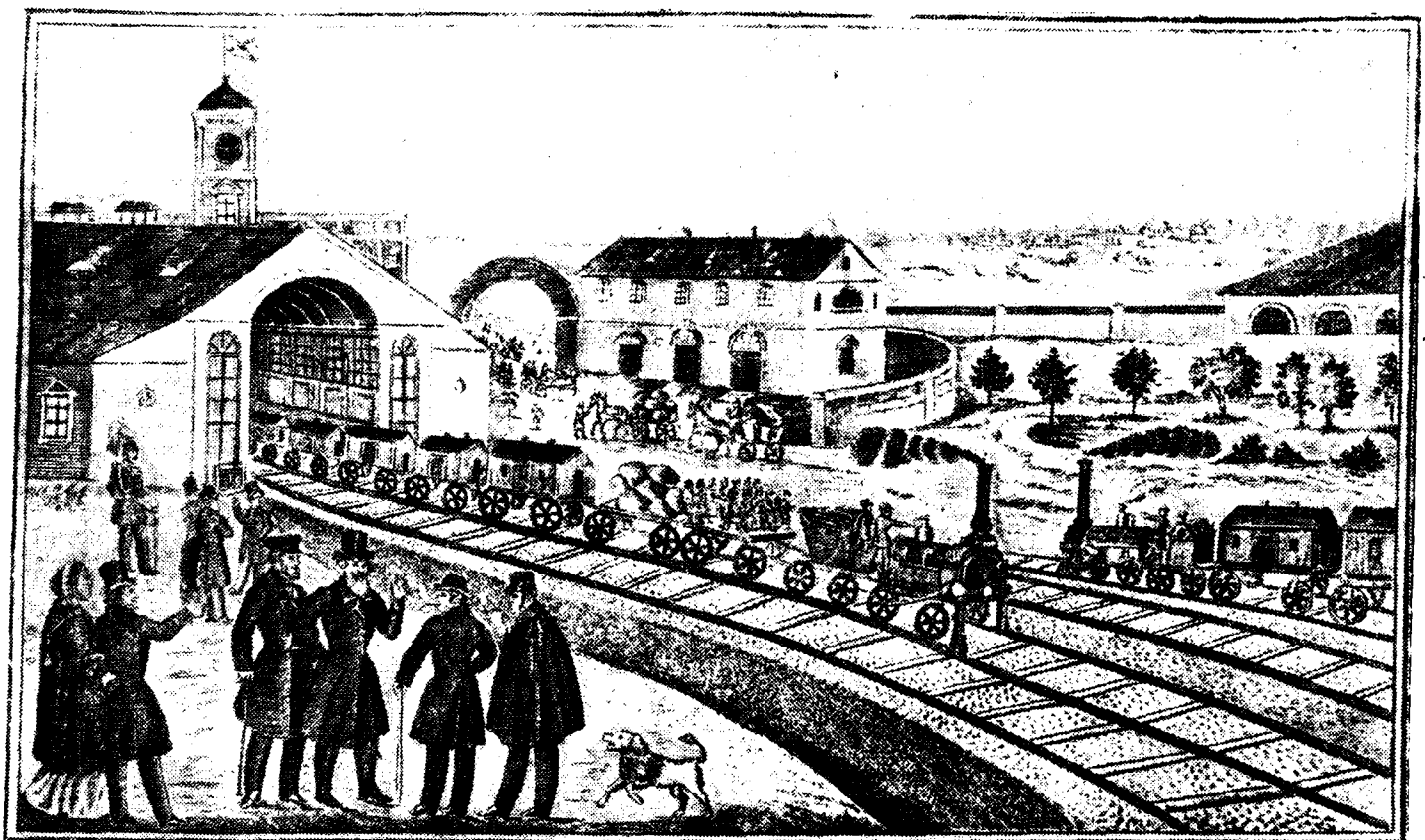
Этими данными Ленин наглядно иллюстрирует скачкообразность капиталистического развития, которую он неоднократно подчеркивает в «Развитии капитализма в России».

Но эти темпы, которые являются результатом более позднего развития капитализма в России, усвоения уроков передовых стран, могли бы быть гораздо большими, подчеркивает Ленин, если бы не крепостнические пережитки.

Народники 90-х годов — В. В. Даниэльсон и другие — смешивали капитализм с машинной индустрией и признавали «кустарные» промыслы народным производством, противоположным капитализму. Полемизируя с народниками, Ленин подчеркивал, что машинная индустрия не противоположна «народному производству», а есть его не-

¹ Туган-Барановский. Цит. работа, стр. 268.

² Ленин. Т. III, стр. 381.

ПЬЕСА.

<p>Быва, Красная корота, Два года покорота Со чуда проклятии чина Красивая явилась Добрый нарядочный Друг в оброчном доме Всех восторгивши, После дедушки Сидит в углу И смеется</p>	<p>Ты, ушанна кофта много, Ты, железная дорога, Обильная краса Прогони злое чудеса, Вь два пути железных шин По дороге бегать машины Не жалко — надарожь, Поспешитесь так просекаете Дороги в лесу и в долине, По дороге негреться вдали Скоро выйдуте в долину, По дороге выйдете в долину</p>	<p>Богатырская повадка, Будить ты мне пудовь Словно как в сказку дровь, Самозажи самозажи Нужно тебе приятно Вон стоит в лесу пухляк, Варит в испорчен паром Зачем в дуду в самозажи Нужно тебе приятно Скоро выйдуте в долину, От чего слышишь дождик, Что задняя задняя, Ах ты же сам пудовь пудовь</p>	<p>Есть дрова а не овес? А воды пить пить по еногу Но зато во всю дорогу Иногда уже не слышать Чтобы стальные колеса Иногда слышать ох слышать Как пружинит и шипит колеса А где кони кони сапожки Видно у нас востать! Но слава востать востать Что предель слышишь о том Видно слышишь дорога Куда слышишь слышишь много</p>	<p>Знать Русской нашей народь, Вареть до Востера слышишь Вз акция слышишь Как Масшта проведет в Востать слышишь слышишь Слышишь слышишь Слышишь слышишь слышишь Слышишь слышишь слышишь Слышишь слышишь слышишь Слышишь слышишь слышишь Слышишь слышишь слышишь Слышишь слышишь слышишь</p>
--	---	---	--	---

Первый поезд в России. 1857 г.

посредственное продолжение, что она (как и рынок для капитализма) имеет глубокие корни в крестьянском хозяйстве.

Выступая против народников, Ленин разоблачал одновременно и «объективистскую» апологетику капитализма, проводимую духовными отцами меньшевизма — Струве и К°. Ленин подчеркивал, что марксизм говорит об общественно-экономических формациях, вскрывает реальные классовые антагонизмы. Капитализм относительно прогрессивен (по отношению к старым способам производства) не только тем, что он несет технический прогресс, но и тем, что он проясняет классовые отношения, выдвигает силы, способные свергнуть последний антагонистический способ производства, выдвигает пролетариат и создает основу для построения нового общества (крупное централизованное хозяйство, обобществление производства капитализмом), обостряет противоречия между обобществленным производством и индивидуальным присвоением. «Положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы»¹.

Итогом дискуссии о развитии капитализма в России и промышленной революции для Ленина в 90-х годах были следующие политические положения. Крупная машин-

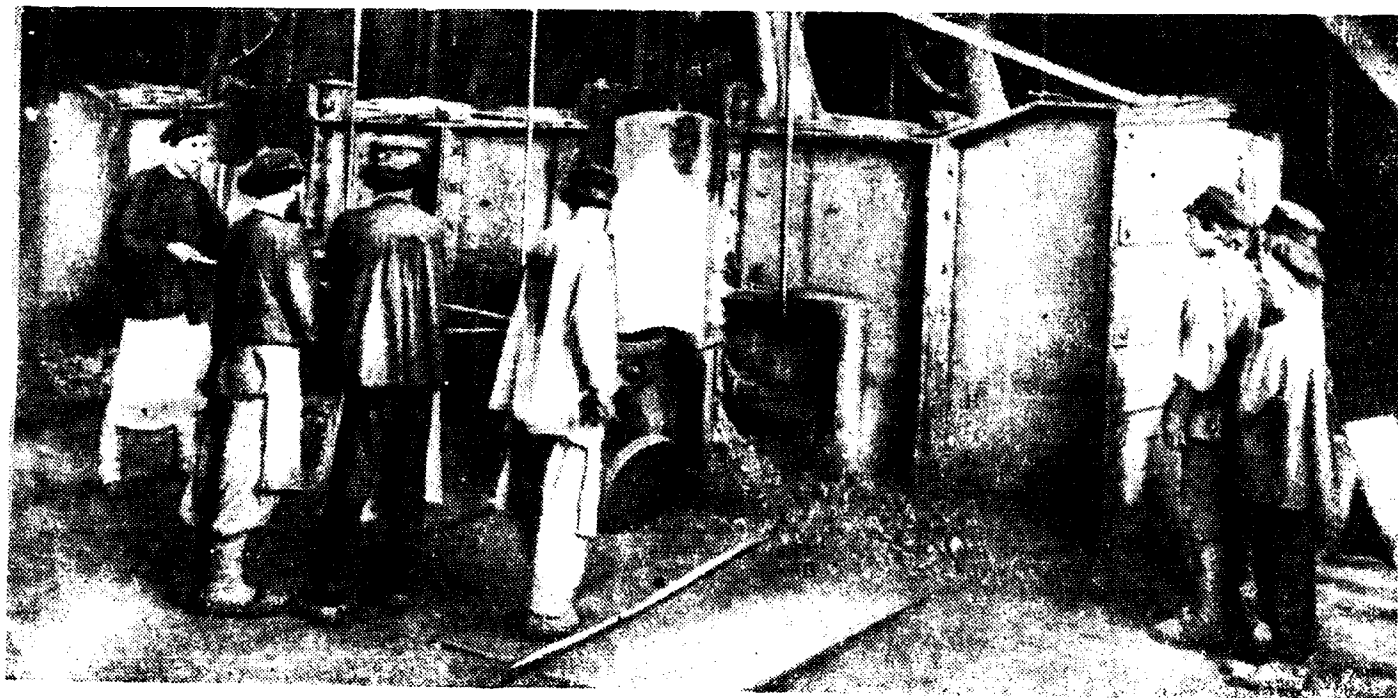
ная индустрия обобществила производство. Предпосылки для социалистического производства созданы, в том числе и в России. Поэтому пролетариат имеет коренную задачу — социалистическую революцию. Но условия капитализма в России таковы, что пролетариат сначала должен сбросить крепостнические пережитки, руководя борьбой крестьянства.

Развитие капитализма дает достаточную базу для победоносного исхода буржуазно-демократической революции, руководимой пролетариатом, и в дальнейшем — для социалистической революции. Эта установка отчетливо видна из всех ленинских работ еще 90-х годов как исходная позиция марксизма-ленинизма, и только троцкистские контрабандисты могли запутать этот совершенно ясный вопрос, исказить ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Товарищ Сталин² уже давно подчеркнул, что если на Западе буржуазные революции происходили в мануфактурный период и потому буржуазия в них была гегемоном (вождем), то в России революция 1905 г. произошла после создания крупной машинной индустрии (после промышленной революции) и потому гегемоном здесь выступил пролетариат, имевший коренную свою задачу — борьбу за социализм.

¹ Ленин. Т. I, стр. 194.

² Сталин «Ленин — организатор и вождь РКП(б)».

Сормово. Внутренний вид железопрокатного цеха 80-х годов.

А. Ангаров

ГРЭВС. За дымовой завесой. Перевод с английского. Огиз, Москва, 1934. 303 стр.

Из книги Грэвса мы узнаем довольно неожиданные вещи. Прежде всего оказывается, что Черчилль — пацифист (!). Черчилль — военный министр Англии, министр ее воздушного флота с 1919 по 1921 г., один из ее наиболее ретивых руководителей в военный период — этот самый Черчилль оказывается не только пацифистом, но и даже государственным преступником, ибо благодаря ему и его помощникам (государственный секретарь воздушного флота сэр Самоэль Хор, генерал Тренчард и др.) совершилось «почти полное уничтожение королевских военно-воздушных сил после перемирия» (стр. 284).

Автор книги «За дымовой завесой» — ярый сторонник мощного военного воздушного флота в Англии. Он зол на тех, кто недооценивает значение воздушных сил для Англии и грубо обвиняет их в непонимании особенных условий Англии в этом отношении. Книга изобилует резкими выпадами, острыми суждениями, политическими приговорами, которые автор, возмущенный «предательством интересов своей дорогой родины», не стесняясь щедро разбрасывает на все стороны. Он идет в поход против метафизиков, не понимающих изменения методов войны в современных условиях, против пацифистов, придающих значение Лиге наций в деле разоружения, и против утопистов, мечтающих о гуманности человечества и верящих в добрососедские отношения правительств, в святость договоров и т. п.

Автор — генерал современной империалистической армии, и он рубит сплеча, подбирая наиболее простую и резкую аргументацию для подтверждения своих прямолинейных генеральских взглядов и воззрений, весьма воинственных и наступательных. Конечно, эта наступательность прикрыта у Грэвса соображениями современной человеческой, гуманной обороны.

Оценивая современное положение, автор приходит к выводу, что «течение европейских дел направляется скорее к войне чем к миру» (стр. 21). Но ничего странного он в этом не видит, ибо известно давно, что «нормальное состояние человечества — не мир, а война». Хотите доказательства? За 34 столетия было всего 234 мирных года, или на 14 лет войны приходится один год мира. И поэтому правы писатели, утверждающие, что «война была руководящей и созидающей идеей во всех человеческих обществах вплоть до настоящего времени» (Г. Уэльс), что «все великие нации научились правде своих слов и силе своих мыслей на войне: они были вскормлены в войне и истощены в мире, научены войной и введены в заблуждение миром, воспитаны войной и преданы миром; одним словом, они были рождены в войне и умерли в мире» (Рёскин). Исходя из положения, что «*homo homini lupus est*» («человек человеку волк»), все эти писатели указывают че-

ловечеству путь к совершенству на основе естественной борьбы за существование. Если раньше дворянский офицерский корпус боролся против дарвиновской обезьяны, породниться с которой ему не было никакой охоты, то теперь сами империалистические генералы пытаются обосновать свое право на существование и на боевые действия, исходя из теории Дарвина. Так изменчива судьба теорий и классов.

Доказав необходимость войны как естественного состояния человечества, автор — генерал — ставит вопрос: как же подготовлена Англия к этой войне? Здесь он переходит в область военных теорий. Совершив уже перед этим теоретическое грехопадение и перейдя от боженьки к Дарвину, генерал и в области военной теории пытается перейти от «времен Очакова и покорения Крыма», от Наполеона и Мольтке к новым, современным теориям.

На первый план выдвигаются им авиация и химия. Это то, чего не доценили в Англии, на чем поскользнулись Черчилль и его сторонники. Если раньше военная мощь страны оценивалась главным образом по состоянию специально для войны предназначенных средств обороны и нападения, сухопутной армии и морского флота, то теперь главную, решающую роль играют авиационная и химическая промышленности, состояние которых и определяет военную мощь страны. Кто не понимает этой истины, тот, по мнению автора, отсталый метафизик, живущий старыми представлениями о методах войны. Нельзя различить гражданскую авиацию от военной, нельзя провести резкой грани между мирными и военными продуктами химической промышленности. Эти, действительно, передовые взгляды, выдвигаемые сейчас целым рядом военных теоретиков (Дуэ — Италия, Кенворти — Англия, П. Фор — Франция, Гельдерс — Германия, и т. д.), Грэвс кладет в основу своей книги. Причем рассуждения его в этой области хотя и не новы, но представляют интерес ввиду той голой откровенности, с которой автор высказывается о формах будущей войны.

В дальнейшем же изложении начинается настоящая дымовая завеса. Причем надо отдать справедливость автору: он стал большим специалистом в этой области не только на поле брани, но и в печати. Для большей надежности он сразу пускает в ход несколько таких завес.

Дымовая завеса № 1 заключается в том, что автор скорбит по поводу сокращения в Англии числа боевых эскадрилий со 185 во время войны до 28 в 1922 г., напоминая попутно, что во Франции имеется 126 эскадрилий. Скорбь автора, однако, не имеет оснований. На самом деле английские империалисты, рассудив, что нет необходимости сохранять старые боевые машины, перенесли центр тяжести в воздушном вооружении на организацию материальной базы воздушного флота (аэродромы, авиопромышленность и т. д.). Опыт войны показал, что количество самолетов может быть очень быстро увеличено. Достаточно указать, что Великобритания выпустила в 1916 г. 6633, в 1917 г. — 14 832, в 1918 г. — 30 782 аппарата. Де-

ло, следовательно, не в том, чтобы сейчас уже создать и держать наготове огромное количество машин, которые не по дням, а по часам стареют, а суть состоит в том, чтобы экономически и технически быть подготовленным к грандиозной воздушной войне. Задача Грэвса — подстегнуть правящие круги буржуазии, уделить больше внимания «королевским военно-воздушным силам».

Автор яро возражает тем, кто считает «действие воздушной атаки значительно преувеличенным» (стр. 131), кто выдвигает старый принцип военного дела — «поражения вооруженных сил противника». Особенное значение генерал придает внезапности. С этой точки зрения он критикует английское (и французское) руководство империалистической войной (наступление на Сомме, бои на Аррасе), считая, что немцы в этом отношении обогнали и французов и англичан. Подводные лодки и ОВ (отравляющие вещества) немцами были использованы более внезапно чем танки союзниками. Да и вообще немцы оказались более практичными: их воздушные налеты на Англию были более систематическими, чем редкие налеты на немецкую промышленность со стороны союзников, руководители которых, исходя из старой доктрины поражения вооруженных сил противника, недооценивали значения разрушений промышленных центров враждебной страны.

Основное, по мнению автора, — это «уничтожение воли к войне у народа, с которым ведется война» (стр. 133). Для доказательства этого положения мобилизуются все военные авторитеты — от Клаузевица до Фоша, подчеркнувшего уже в 1921 г. решающее значение воздушных налетов. По Клаузевицу, три фактора определяют войну: а) военный (вооруженные силы — армия и флот); б) экономический (территория с ее богатствами); в) политический (воля населения к войне). Ясно, что если будет взят лишь один фактор из трех, то победа вряд ли будет обеспечена. Не чем иным, как дымовой завесой, являются споры автора по поводу того, какой из этих факторов нужно уничтожить у противника в первую очередь. Уничтожение армии и флота противника, естественно, ведет к захвату территории, к попыткам вывести из строя «богатства территории» (фабрики, заводы, ж.-д. узлы, порты, и т. д.). А все это вместе направлено к тому, чтобы сломить «волю населения к войне». Суть рассуждений Грэвса — не в изложении военных доктрин вообще, а в том, чтобы обеспечить Англии в борьбе за ее мировое господство преимущество нового современного оружия — авиации. Главное здесь не в том, что нужно уничтожить, а как уничтожить, каким образом, каким оружием. Автор — не против армии и морского флота, но они уже недостаточны, хотя еще необходимы.

Под видом этих споров проводится (пока в литературе) артиллерийская подготовка к широкому во время войны применению авиации и химии. Подготавливается общественное мнение. Доказывается гуманность этих новых средств уничтожения людей. Пуля убивает одного из трех; горчичный газ одного из сорока. При старых методах войны нужны для победы годы, при новых — дни. А какая дешевизна: тысяча самолетов вместо миллионных армий! Прямая выгода.

Дымовая завеса № 2 состоит в том, что ав-

тор пространно доказывает читателю невозможность избежать воздушной атаки противника. Ни боевые машины, ни зенитные орудия не гарантируют от воздушного налета. Воздушная оборона невозможна. Есть лишь одно средство спасения: это напасть самим или, во всяком случае, быть готовым к такому нападению.

Под видом обороны современный генерал предлагает создать такой мощный воздушный флот, который мог бы в любой момент сломить сопротивление противника, ибо «единственным эффективным способом предотвращения воздушной агрессии является угроза ответной агрессии» (стр. 155). Это стало уже официальной доктриной современных империалистических государств, установивших в воздушном флоте такое соотношение между истребительными и бомбардировочными эскадрильями, что последние занимают $\frac{2}{3}$ общего числа боевых машин.

Автор нигде не пропускает случая показать, что он заботится исключительно лишь о защите, об обороне. Он критикует тактику нападения, которую проводило английское руководство в сражении при Аррасе. Союзники имели там 41 эскадрилью в составе 754 самолетов, из них 385 одноместных истребителей и разведчиков. У немцев же было 264 самолета, в числе которых только 114 одноместных истребителей и разведчиков. Союзники потерпели поражение. Победы немцев Грэвс относит за счет того, что они придерживались тактики обороны. Но если внимательнее присмотреться к аргументации генерала, то видно, что дело не в тактике обороны и нападения, а в том, что у немцев были превосходные летные кадры и лучшая организация воздушных боев (постоянное наблюдение, организация нападения боевых аппаратов, выбор момента боя и т. д.). Таким образом генерал сам разрушает свое метафизическое противопоставление обороны нападению и показывает, что все дело заключается в кадрах и организации.

Прокламируя на словах оборону, современный генерал на деле готовит нападение. Рассуждения об обороне нужны ему как дымовая завеса, чтобы лучше скрыть размеры и размах подготовительных работ для наступления.

Третьей дымовой завесой является утверждение о якобы особенно исключительно опасном положении Англии в современных условиях. Раньше мировое могущество Англии охранял ее морской флот. Теперь, в связи с развитием воздушного флота, положение изменилось. Туманный Лондон находится в исключительно опасном положении. Оказывается, туман затрудняет воздушную оборону и благоприятствует нападению. Лондон беззащитен. Англия под угрозой. Счастье, что пока еще никто этого не использовал. Это положение автор мусолит на разные лады, запугивая жителей ночными налетами, разрушениями, ОВ и т. д.

Весь этот туман нужен автору опять-таки, для того чтобы лучше и скорее достичь своей цели — увеличения сил королевского военно-воздушного флота.

Так, в борьбе против метафизиков, пацифистов и утопистов храбрый генерал настойчиво добивается своей цели, стремясь внушить всем и каждому необходимость акта о воздушном флоте, подобного навигационному акту Кромвеля.

Но было бы несправедливо умолчать о том,

что Грэвс не только создает дымовые завесы, но и разрешает себе иногда развеять дымовые завесы там, где они были созданы. Речь идет о применении «королевских военно-воздушных сил» для подавления восстаний в колониях. Автор разрушает здесь не раз выдвигаемую лицемерными английскими проповедниками версию о том, что самолеты якобы не применяются в борьбе с цветными народами. Генерал с похвальной прямотой указывает, что это не так, что самолеты применяются — и с большим успехом. Вот несколько фактов. 14 самолетов еще в 1917 г. были применены на границе Индии, в Вазиристане. Генерал, руководитель карательной экспедиции, описывая это новшество, заявил, что «результаты больше чем оправдали ожидания» и что воздушный флот открыл новую главу в методах господства в колониях. В 1919 г. самолеты 6 эскадрилий участвовали в афганской войне, бомбардируя афганские колонии и совершая налеты на Кабул. В этом же году 6 самолетов было использовано для подавления восстания племени махсудов. В 1920 г. — 20 самолетов для подавления восстания в Сомалиленде, а затем — для подавления восстания гарджаков в Судане. В 1925 г. — для подавления восстаний в Вазиристане; в 1927 г. — для усмирения мохмандов (участвовало 3 эскадрильи), в 1929 г. воздушный флот применялся в гражданской войне в Афганистане. В 1930 г. — для усмирения восстаний, так как «по всей Индии происходили волнения» и были беспорядки на границах, было использовано 6 эскадрилий (72 самолета). В 1933 г. — для подавления восстания шамодзаев. И это не только в Индии. То же в Ираке. Примеры «использования авиации на полицейской службе» (стр. 254) можно еще более увеличить. Генерал не зря расшедрился на примеры. Его задача — доказать выгоду и целесообразность такого использования авиации. Усмирение при помощи авиации обходится дешевле, нужно меньше людей, а эффект после «разрушения селений, разгона скота и непрерывного нервного напряжения» прямо поразительный: на долгое время наступит «спокойствие». Поистине генерал с гордостью может заявить, что «политическая целесообразность имеет очень гибкую совесть» и что «победа, подобно успеху отдельных лиц, перекрывает собою много грехов».

Книга Грэвса не случайна. Опыт империалистической войны научил буржуазию многому.

Она поняла, что необходимо иметь небольшую, но верную боевую силу из надежных кадров, застрахованных от «большевизации». Дело не только в том, что Грэвс, как пишет тов. Е. Татарченко в предисловии, «выступает адвокатом тех групп английской буржуазии, которые поставляют государству авиационное имущество, самолеты, моторы и т. д., но суть в том, что теперь, когда наступила эра новых революций и войн, придерживаться старых методов войны с применением огромных армий, состоящих из представителей «простого народа», опасно. Кроме того это и нецелесообразно, когда есть такие мощные орудия уничтожения «воли населения к войне», как авиация и химия.

Грэвс как и многие другие генералы с особой силой проповедует новые методы войны, не пропуская ни одного случая еще раз исполь-

зовать старые, шовинистические понятия «опасности», угрожающей отечеству, необходимости обороны ввиду особых условий и т. д. Правда, расчет на это достаточно слаб: слишком сильны революционные тенденции масс, слишком много разочарованных войной людей, потерявших свою родину подобно герою книги Селина «Путешествие на край ночи», слишком мало забитых, одурманенных верой крестьян — этой основной массы больших буржуазных армий. Даже писателям для зарисовки этого рода людей приходится ездить в Китай, как сделал Перл Бак в своей книге «Земля». Герой этой книги — китайский крестьянин — принадлежит к одурманенным религией людям, хотя и у него в конце концов наступает разочарование в жизни.

Автор поэтому меньше надеется на патриотизм, больше надежд возлагает на самолеты, особенно на бомбовозы и на ОБ. Громкие слова о «сохранении мира», об охране «независимости», об «обороне» нужны лишь для того, чтобы сильнее подчеркнуть необходимость быть сильным для надвигающейся войны, исход которой решат авиация и химия.

Ц. Фридлянд

ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ

Перед нами — составленный двумя гитлеровскими молодцами «Атлас немецкой истории за 1914—1933 гг.» («Atlas zur deutschen Geschichte der Jahre 1914—1933»). Атлас открывается цитатой из Гитлера. Сей вождь писал в автобиографии: «Сегодня мы ведем борьбу не за мировое господство, но за сохранение нашего отечества, за единство нашей нации, за повседневный хлеб для наших детей». Всякий, кто с любопытством заглянет в «Атлас», поймет, насколько лживо подобное утверждение. «Атлас» рассчитан не только на школьников, но и на широкие массы, он является орудием пропаганды идеи реванша и подготовки новой войны против Франции и Польши и прежде всего против СССР. Составители «Атласа», доктора Иоганн фон-Лерс и Конрад Френцель, поставили себе задачу — графически изобразить «геройский путь немецкого народа против всего мира и против марксизма». Перед нами столь яркий документ фашистской подготовки новой войны, что положительно стоило бы перепечатать весь «Атлас», так ярко характеризует он фашистские «планы»! 36 карт и таблиц «Атласа» распадаются на четыре раздела. Первый посвящен вопросам фашистской трактовки империалистической войны 1914 г. Он должен доказать полную невинность Германии в этой войне: царство Вильгельма было жертвой империалистического окружения и вынуждено было против своей воли принять участие в войне. В 1914 г. (так изображают составители «Атласа») Германия была окружена и изолирована, славяне и французы хотели растащить Германию по кускам, уничтожить ее. Это видно из того, что военные силы Германии были гораздо меньше

что Грэвс не только создает дымовые завесы, но и разрешает себе иногда развеять дымовые завесы там, где они были созданы. Речь идет о применении «королевских военно-воздушных сил» для подавления восстаний в колониях. Автор разрушает здесь не раз выдвигаемую лицемерными английскими проповедниками версию о том, что самолеты якобы не применяются в борьбе с цветными народами. Генерал с похвальной прямотой указывает, что это не так, что самолеты применяются — и с большим успехом. Вот несколько фактов. 14 самолетов еще в 1917 г. были применены на границе Индии, в Вазиристане. Генерал, руководитель карательной экспедиции, описывая это новшество, заявил, что «результаты больше чем оправдали ожидания» и что воздушный флот открыл новую главу в методах господства в колониях. В 1919 г. самолеты 6 эскадрилий участвовали в афганской войне, бомбардируя афганские колонии и совершая налеты на Кабул. В этом же году 6 самолетов было использовано для подавления восстания племени махсудов. В 1920 г. — 20 самолетов для подавления восстания в Сомалиленде, а затем — для подавления восстания гарджаков в Судане. В 1925 г. — для подавления восстаний в Вазиристане; в 1927 г. — для усмирения мохмандов (участвовало 3 эскадрильи), в 1929 г. воздушный флот применялся в гражданской войне в Афганистане. В 1930 г. — для усмирения восстаний, так как «по всей Индии происходили волнения» и были беспорядки на границах, было использовано 6 эскадрилий (72 самолета). В 1933 г. — для подавления восстания шамодзаев. И это не только в Индии. То же в Ираке. Примеры «использования авиации на полицейской службе» (стр. 254) можно еще более увеличить. Генерал не зря расшедрился на примеры. Его задача — доказать выгоду и целесообразность такого использования авиации. Усмирение при помощи авиации обходится дешевле, нужно меньше людей, а эффект после «разрушения селений, разгона скота и непрерывного нервного напряжения» прямо поразительный: на долгое время наступит «спокойствие». Поистине генерал с гордостью может заявить, что «политическая целесообразность имеет очень гибкую совесть» и что «победа, подобно успеху отдельных лиц, перекрывает собою много грехов».

Книга Грэвса не случайна. Опыт империалистической войны научил буржуазию многому.

Она поняла, что необходимо иметь небольшую, но верную босую силу из надежных кадров, застрахованных от «большевизации». Дело не только в том, что Грэвс, как пишет тов. Е. Татарченко в предисловии, «выступает адвокатом тех групп английской буржуазии, которые поставляют государству авиационное имущество, самолеты, моторы и т. д., но суть в том, что теперь, когда наступила эра новых революций и войн, придерживаться старых методов войны с применением огромных армий, состоящих из представителей «простого народа», опасно. Кроме того это и нецелесообразно, когда есть такие мощные орудия уничтожения «воли населения к войне», как авиация и химия.

Грэвс как и многие другие генералы с особой силой проповедует новые методы войны, не пропуская ни одного случая еще раз исполь-

зовать старые, шовинистические понятия «опасности», угрожающей отечеству, необходимости обороны ввиду особых условий и т. д. Правда, расчет на это достаточно слаб: слишком сильны революционные тенденции масс, слишком много разочарованных войной людей, потерявших свою родину подобно герою книги Селина «Путешествие на край ночи», слишком мало забитых, одурманенных верой крестьян — этой основной массы больших буржуазных армий. Даже писателям для зарисовки этого рода людей приходится ездить в Китай, как сделал Перл Бак в своей книге «Земля». Герой этой книги — китайский крестьянин — принадлежит к одурманенным религией людям, хотя и у него в конце концов наступает разочарование в жизни.

Автор поэтому меньше надеется на патриотизм, больше надежд возлагает на самолеты, особенно на бомбовозы и на ОБ. Громкие слова о «сохранении мира», об охране «независимости», об «обороне» нужны лишь для того, чтобы сильнее подчеркнуть необходимость быть сильным для надвигающейся войны, исход которой решат авиация и химия.

Ц. Фридлянд

ПОДЖИГАТЕЛИ ВОЙНЫ

Перед нами — составленный двумя гитлеровскими молодцами «Атлас немецкой истории за 1914—1933 гг.» («Atlas zur deutschen Geschichte der Jahre 1914—1933»). Атлас открывается цитатой из Гитлера. Сей вождь писал в автобиографии: «Сегодня мы ведем борьбу не за мировое господство, но за сохранение нашего отечества, за единство нашей нации, за повседневный хлеб для наших детей». Всякий, кто с любопытством заглянет в «Атлас», поймет, насколько лживо подобное утверждение. «Атлас» рассчитан не только на школьников, но и на широкие массы, он является орудием пропаганды идеи реванша и подготовки новой войны против Франции и Польши и прежде всего против СССР. Составители «Атласа», доктора Иоганн фон-Лерс и Конрад Френцель, поставили себе задачу — графически изобразить «геройский путь немецкого народа против всего мира и против марксизма». Перед нами столь яркий документ фашистской подготовки новой войны, что положительно стоило бы перепечатать весь «Атлас», так ярко характеризует он фашистские «планы»! 36 карт и таблиц «Атласа» распадаются на четыре раздела. Первый посвящен вопросам фашистской трактовки империалистической войны 1914 г. Он должен доказать полную невинность Германии в этой войне: царство Вильгельма было жертвой империалистического окружения и вынуждено было против своей воли принять участие в войне. В 1914 г. (так изображают составители «Атласа») Германия была окружена и изолирована, славяне и французы хотели растащить Германию по кускам, уничтожить ее. Это видно из того, что военные силы Германии были гораздо меньше

армии союзников — на 10 млн. солдат «союзников» приходилось в августе 1914 г. примерно 6½ млн. солдат армии Центральной Европы. К войне союзники готовились упорно и систематически на протяжении десятилетий и начали ее неожиданно для немцев. Таким образом немцы не несут ответственности за войну.

В этом — вся философия книги, в этом — смысл приложенной к концу «Атласа» хронологической таблицы на тему «Кто хотел войны». Войны, доказывают изо всех сил авторы, хотели те, кто занимался изоляцией Германии. В качестве доказательства фашистские пропагандисты приводят сложные статистические вычисления. Они осылаются на то, что «в Германии в 1913 г. рейхстаг отклонил усиление армии». Имея такой «факт», который Германия проводила с конца XIX столетия, стоит ли поговорить о программе «бронированного жулака», о программе морского строительства и грандиозном росте милитаризма?

Чтобы выводы были еще более убедительны, составители «Атласа» приводят в заключение как концовку своей работы следующую «умопомрачительную» таблицу: за время с 1618 до 1905 г. Франция вела 85 войн против 14 стран, Англия — 49 войн против 12 стран, Россия — 36 войн против 11 стран и Германия — 21 войну против 8 стран.

Разве не доказывает это сравнение военную девственность Германии, ее пацифизм? Впрочем, фашистские статистики забыли разъяснить читателям, что самое понятие «Германия» появилось гораздо позже 30-летней войны XVII в. и что после Вестфальского мира 1648 г. любимые фашистами вожди «германского народа» — феодальные деспоты Пруссии — торговали немецкими солдатами как скотом. Если к «21 войне Германии» прибавить ряд военных экспедиций, в которых немецкие деспоты на протяжении двух — трех столетий играли роль поставщиков живого товара, баланс был бы несколько иной.

Итак, война 1914 г. была навязана невинной Германии — вот что доказывает первый раздел.

Второй раздел «Атласа» должен внушить немцам чувство гордости по поводу похороненной вильгельмовской армии. Победы немцев 1914—1916 гг., поход во Францию, битва на Марне, тот путь, который был пройден немецкими войсками в глубь французской территории, близость к Парижу — все это опьяняет составителей «Атласа». Они напоминают о немецких победах во всем мире, в колониях и Европе, на море и на суше, для того чтобы возбудить энтузиазм гитлеровских молодцов. Впрочем, на 16 стр. дана изумительная образная картина немецких побед — картина солдатских кладбищ на всех полях битв. Картина жуткая, если к этой куче кладбищенских точек прибавить еще могилы солдат французской, русской, английской и американской армий!

Но такова философия национализма: сучок в чужом глазу скрывает бревно в собственном.

Третий раздел «Атласа» посвящен Версальскому миру и немецкой революции 1918 г. Революция 9 ноября была плодом большевист-

ского влияния. Это влияние служило прямой причиной восстания рабочих, армии и флота, причиной Версальского мира.

С особым усердием в ряде таблиц и карт авторы «Атласа» изображают ужасы Версальского договора, уничтожившего Германию как великую державу, договора, направленного против самых основ немецкого государства и немецких национальностей. Эти таблицы показывают источники влияния фашизма на широкие мелкобуржуазные массы. Специальная карта о порабощении Германии на 26 стр. «Атласа» должна показать немецкому мещанству враждебное отношение к Германии всего мира, неизбежность новой мировой войны для разрушения Версальского и всех последовавших за ним международных договоров.

В этой связи ряд таблиц говорит о распространении евреев по всему миру, о захвате евреями всей Германии, ее богатств и ее культуры. Внимательно читая материалы этих таблиц, поражаешься «геройству» фашизма. Великий народ, претендующий, по словам фашистов, на миссию спасения арийского человечества, — в страхе и панике по поводу еврейского «нашествия». Все еврейское население, по статистике 1925 г., составляло в Германии 0,9%; в Берлине, в этом «еврейском городе» (как возмущенно называют его фашисты), евреи составляли 4,3%! За таблицами об евреях следует таблица о хаосе эпохи инфляции, при этом составители «Атласа» забывают сообщить читателю о том, как на инфляции разжились прусские помещики и рейнские угольные бароны — все те, кто служит ныне опорой гитлеровскому государству.

Наконец, последний раздел «Атласа» посвящен фашистскому «возрождению» страны — истории деятельности Гитлера с марта 1923 г. Этот раздел открывается таблицей (стр. 29) о красном терроре. Конечно, ни в тексте самой карты, ни в подстрочных примечаниях ничего не сказано о сотнях и тысячах рабочих, подло убитых фашистами. Зато в этом разделе доктора «фашистской статистики» подробно развивают программу фашистской внешней политики. Они показывают на ряде карт национальное угнетение в Европе, установленное Версальским миром, они с особым усердием говорят о Советском союзе, выделяют Украину, проявляя странный интерес к этой национальной республике Советского союза. На стр. 37 «Атласа», в таблице, посвященной изоляции Германии в 1933 г., «военному союзу» Парижа и Москвы, составители считают необходимым напомнить немцам, что «мелкие» государства: Польша, Чехо-Словакия, Югославия, Венгрия, Литва и Латвия, наконец, Австрия и Румыния, — подобно Украине, являются естественной территорией, на которую должна и может претендовать фашистская Германия. Блестящим заключительным аккордом поэтому служат две последние таблицы «Атласа»: одна, посвященная «разрушенной Германии», а другая, требующая ее вооружения ввиду всеобщего вооружения европейских государств. И здесь Советский союз отмечен особой краской как страна решающей военной опасности для Германии.

Итак, перед нами одна из книг, открыто пропагандирующих подготовку новой войны средневековыми бандитами с большой дороги.

Ю. Красовский

В. Н. ЛАМЗДОРФ. Дневник 1891—1892 гг. Под ред. и с предисл. Ф. А. Ротштейна. Подготовил к печати В. М. Хвостов. Перев. с франц. Ю. Я. Соловьёва. М. и Л. Центрархив. «Academia» 1934. 408 стр. 12 р. 50 к., перепл. 2 р. 50 к. 5300 экз.

Граф В. Н. Ламздорф — яркая и выразительная фигура дипломата 90-х годов. Наряду с Витте Ламздорф, пожалуй, является наиболее крупной величиной среди чиновно-бюрократического мира императорской России на рубеже двух столетий. С 80-х годов Ламздорф «первый советник», а фактически, как мы видим из дневника, зачастую и руководитель министра иностранных дел Гирса, в течение всего царствования Александра III бессменно занимавшего этот пост. С 1900 г., после непродолжительного министерства Лобанова-Ростовского, Ламздорф становится министром иностранных дел и занимает это место до 1906 г., когда резко изменившаяся (в реакционном направлении) обстановка прерывает его дипломатическую карьеру.

Ламздорф — человек, несомненно, незаурядный, ему нельзя отказать ни в большом и тонком уме, ни в трезвой и четкой оценке обстановки. Правда, не являясь человеком сильной воли, он не всегда в своей политике действовал последовательно и твердо, но прекрасно видел и знал необходимость тех или иных мероприятий. Роль Ламздорфа в русской политике, даже в эпоху Александра III, была очень велика: он был поставлен в исключительное положение в смысле безграничного доверия со стороны Гирса, у которого от его «советника» не было никаких секретов. А отсюда — исключительная ценность публикуемого дневника (1891—1892), т. е. когда Ламздорф был еще только «советником», для освещения русской политики того времени, тем более, что Ламздорф, будучи в курсе всей русской дипломатии, откровенно записывал в свой дневник все важнейшие и интереснейшие моменты русской политики, давая им свою оценку.

Дневник для нас интересен, во-первых, как блестящая характеристика высшей бюрократии, министерско-дворцовых сфер; во-вторых, показом того, как в петербургских канцеляриях, в кабинетах Царского села делалась русская политика. Ламздорф — человек весьма либерально-умеренный, но в его характеристиках «высшего петербургского света» сквозь дипломатическую, великосветскую вежливость часто прорываются желчные и саркастические нотки по отношению к отдельным представителям дворцовой камарильи, а иногда и самого «августейшего величества». Перед нами открывается яркая, красочная картина быта и нравов приближенных предпоследнего Романова. Тут и абсолютно бездарные дипломаты, но ловкие льстецы, с успехом продвигающиеся по служебной лестнице (эпизод с Хитрово), тут и министр финансов Вышнеградский, известный своим воровством, и «недобросовестная, странная личность» — русский посол в Париже — Моренгейм, в роли вершителя русско-французского альянса, и министр внутренних дел Дурново, «из карьеризма выказывающий себя фанатиче-

ским сторонником всех самых глупых и ненужных преследований», и бесконечное множество других вершителей судеб России, погрязших во взяточничестве, казнокрадстве, беззаконии. Если сюда прибавить всевозможную «высочайшую» родню, заполнявшую все тепленькие местечки и ничем не занимавшуюся, кроме интриг, то картина, по Ламздорфу, получится на редкость красочной и убедительной. Не забывает Ламздорф и «самого» Александра III, тем более, что последний немало внимания уделял внешней политике. Ламздорф весьма неслышательно отзывается о царе, о его постоянном вмешательстве в дела министерства. Иногда у него срываются такие слова: «Но его величество молот такой вздор и проявлял столь дикие инстинкты, что оставалось лишь терпеливо слушать, пока он кончит» (стр. 299). Поистине странные слова в устах «верноподданного» дипломата! И поскольку Александру III в дневнике Ламздорфа уделено очень много места, то перед нами, по мере чтения, постепенно вырисовывается обстоятельный портрет самодержавнейшего самодура. Таким образом с этой стороны, со стороны бытовой, если так можно выразиться, дневник Ламздорфа содержит богатейший и интереснейший материал, ценный как для историка, так и для всякого советского читателя.

Но для историка особенно ценной будет другая история дневника Ламздорфа. Годы 1891—1892 — годы резкого поворота в русской политике: это начало франко-русского сближения. В этом отношении дневник Ламздорфа совершенно незаменим: приводя целый ряд любопытных документов, дневник очень убедительно показывает процесс становления франко-русского союза. Перед нами проходят все перипетии этого сближения, успешно завершившиеся военно-политической конвенцией несмотря на довольно деятельное сопротивление Гирса и Ламздорфа, державших курс на «независимую» политику и не желавших «таскать из огня каштаны» для французов. Но тяжелое политическое положение России, опасность изоляции, наконец, интересы русского промышленного капитала — все это требовало союза с Францией, и Ламздорфу пришлось уступить. Мы не будем подробно останавливаться на этой интереснейшей теме, так как, являясь, по сути дела, одной из основных тем дневника, она чрезвычайно насыщена всевозможными фактами и деталями, перечислить которые в краткой рецензии невозможно. Кроме темы франко-русского сближения, у Ламздорфа есть много не менее интересных, но второстепенных тем, как например политика России по отношению к Болгарии, русско-австрийские отношения, назревающий конфликт с Англией из-за Памирского вопроса и т. п. Все они дают очень богатый материал, служа прекрасной иллюстрацией к истории русской внешней политики в 90-е годы.

Подводя итоги всему сказанному, мы должны признать, что Центрархив совместно с «Академией» издал материал первостепенного значения, являющийся ценным пособием для изучения одного из отрезков русской истории 90-х годов — истории русской внешней политики. Обстоятельное предисловие Ф. А. Ротштейна, подробные комментарии, наконец, прекрасное внешнее оформление еще более повышают значение книги.

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

Коцюбинский

ИСТОРИКО-БЫТОВОЙ МУЗЕЙ В АЛУПКЕ

Южный берег Крыма — пролетарская здравница, посещаемая ежегодно десятками тысяч лучших ударников, — представляет собой чрезвычайно интересный объект для изучения истории классовой борьбы. Различные народы на протяжении двух с половиной тысяч лет стремились обосноваться на этой узкой полоске земли, сулившей колоссальные выгоды. Крым в эпоху расцвета античной формации и особенно к моменту интенсивного накопления средиземноморского торгового капитала являлся не только важной сырьевой базой (хлеб, кожа, рыба) для колонизаторов, но и тем естественным узлом, который связывал мировые торговые пути Востока, Европы и южнорусских степей. Греческие, римские, гунезские, славянские, турецкие купцы и воины, посменно овладевая полуостровом, входят в постоянные и непрерывные столкновения друг с другом, огораживают свои фактории внушительными крепостными стенами, борются и сходят с арены, оставляя позади себя памятники материальной и духовной культуры. В XVIII столетии помещицыя Россия в поисках новых русел для выхода выросшего торгового капитала начинает свою экспансию к берегам Черного моря и в конце века, после продолжительных войн с Турцией, захватывает весь полуостров. Бешеное распределение «пустопорожних» крымских земель между фаворитами Екатерины и вытеснение местного, татарского крестьянства с его участков приводят к массовой эмиграции татар в Турцию. Эмиграция, выразившаяся в потрясающих цифрах (75% всего населения), приведшая к гибели значительной части трудящихся масс, явилась трагедией целого народа. Южный берег Крыма покрывается сетью дворянских экономий, широко применяющих труд оставшихся крестьян и перерастающих к концу XIX в. в буржуазный курорт — летнюю резиденцию аристократии и торгово-промышленной буржуазии.

Не менее интересна и поучительна история революции и гражданской войны в Крыму и в частности на Южном побережье. 1905 год в Черноморском флоте, борьба большевиков за власть, создание первой республики Тавриды, немецкая и англо-французская оккупация, второй период соввласти, черные годы врангелщины, работа подпольных большевистских организаций и пафос краснопартизанской борьбы в лесу — вот волнующие страницы истории, раскрывающиеся перед глазами наблюдательного советского курортника. Крым — последнее убежище старого мира, загнанного сюда революцией. Могучий удар Красной армии 12 ноября 1920 г. сбрасывает белые банды в море.

Сейчас, в великую эру строительства социализма в нашей стране, лучшие ударники, проводящие отпуска в санаториях и домах отдыха Южного берега, могут и должны широко использовать памятники далекого и недавнего

прошлого для изучения исторического процесса.

В сети научно-исследовательских учреждений Крыма Алупкинский историко-бытовой музей занимает особенно выгодное положение, так как он находится как раз в месте наибольшего скопления курортно-лечебных заведений Южного берега Крыма и охватывает своей работой район от Фороса до Ай-Тодора.

Музей помещается в парадной части бывшего дворца князя Воронцова.

Генерал-губернатор Новороссийского края и наместник на Кавказе князь М. С. Воронцов являлся одним из самых активных колонизаторов Южного берега. Воспитанный на образцах английской колониальной политики, Воронцов пришелся как нельзя более ко двору русскому военно-феодалному империализму. Владелец крупнейших имений в Центральной России, владлец 35 тыс. душ крепостных крестьян, он переносит на «девственную почву Тавриды» свои капиталы, частью унаследованные от предков, елизаветинских вельмож, частью «благоприобретенные» при дворе Александра I. Задумав создать себе в Алупке майорат, Воронцов вытесняет алупкинских татар на каменистые, труднообрабатываемые склоны Ай-Петри. При этом сиятельный плантатор не брезгает самыми утонченными средствами экономического нажима. Примером его завуалированного хищничества может служить факт покупки ничтожного участка в горах над Алупкой, у источника Нишан-Кая. На первый взгляд кажется смехотворной эта невинная покупка клочка земли, до которого и верхом-то трудно добраться, однако алупкинским татарам цель этой покупки стала понятной очень скоро: князь отрезал воду источника, орошавшего до того лежащие внизу сады и огороды, обесценил их этим и забрал потом голыми руками.

На приобретенных подобными способами татарских землях Воронцов строит свое поместье: на 36 десятинах вырастает английский парк с сотнями видов субтропических растений; огромные виноградники Алупки, Массандра и Ай-Даниль поставляют владельцу свыше 3 тыс. ведер вина в год, но это только незначительная часть, ибо айданильская экономия обрабатывает ежегодно до 50 тыс. ведер вина, скупаемого за бесценок у татар всего Южного берега.

А. С. Пушкин, бывший в 1820 г. под личным надзором Воронцова в Одессе, дает следующую характеристику этого заместителя царя на юге России:

«Полумилорд, полукупец,
Полумудрец, полуневсегда,
Полуподлец. Но есть надежда,
Что полным будет наконец».

Пушкин исключительно верно запечатлел в эпиграмме двойственность экономического облика этого представителя капитализирующегося русского дворянства.

Колоссальное богатство Воронцова как раз и складывалось из этих двух элементов: с одной стороны, аграрного (полумилорд) — земельные угодья и вотчины с 35 тыс. душ крепостных в разных губерниях, с другой — из про-

мышленного (полукупца). Помещик Воронцов являлся владельцем сахарных, пивоваренных и винокуренных заводов в Киевской губернии, механического завода в Херсонской губернии, серебро-свинцового завода во Владикавказе, медных и железных рудников в Эриванской и Кутаисской губерниях, держателем акций компаний diligenciers и даже... содержанием двух питейных домов: мушинского и ульянского.

Полумилорд старался во всем следовать примеру своих английских собратьев — аристократов-предпринимателей. И связи с английскими кругами не раз помогали ему выходить сухим из воды там, где это не удавалось остальным русским помещикам, так например совершенно своеобразно отразилась на воронцовской Алушке оккупация Крыма союзническими войсками в 1856 г.

22 июля английский десант ограбил южнобережное имение Шатилова—Мухалатку. Забраны были картины, дорогие вина, обстановка. 23 июля то же было произведено уже ближе, в 5 км от Алушки, в имении Мальцева, в Симеизе. 24-го та же история происходит по другую сторону Алушки, в мисхорском имении Нарышкина. Вообще в это время части войск противника наносили ущерб барским экономиям Южного берега, но алушкинский дворец не был тронут.

Не удивительно ли это? Чем объяснить, что богатейший дворец не привлек внимания союзных войск?

Разгадку этого можно найти у Маркса, внимательно следившего за ходом Севастопольской кампании. Оценивая мнения английских кругов, Карл Маркс приводит следующую любопытный случай, происшедший в городской ратуше Солисбери при переизбрании Сиднея Герберта в члены парламента:

«Тем временем в зале все больше стала собираться городская публика, которая лишена избирательного права, но которой английская конституция дарит привилегию докупать кандидатам в избирательном собрании своими вопросами. Не успел Сидней Герберт сесть, как на его освященную избранием голову посыпался град перекрестных запросов:

— Как обстоит дело с зелеными кофейными зернами, которыми угощали наших солдат?

— Где наша армия?

— Что вчера было сказано о вас в «Times»?

Алушкинский государственный дворец-музей.

— Почему вы пощадили Одессу? Владеет ли ваш дядя, русский князь Воронцов, дворцами в Одессе?

Конечно, все эти непарламентарские вопросы не удостоились ответа»¹.

Алушкинский дворец остался неприкосновенным не случайно: английские лорды охраняли богатства своего русского собрата. Они видели, вероятно, в этом для себя определенную выгоду. Как бы там ни было, но это был не последний случай, когда Воронцовым пришлось прибегать к английской помощи: спустя 60 лет последний потомок владельцев Алушки, бело-гвардейка Воронцова-Дашкова, опасаясь от красноармейских штыков на пароходе английских интервентов.

Используя административную власть для удовлетворения своих экономических интересов, Воронцов не забывал интересов и своего класса. Политика черной реакции, особенно разнудавшейся после восстания декабристов, нашла в лице Воронцова своего совершенного воплотителя. Он стал как бы южным форпостом этой общероссийской реакции. Даже самые подобоострастные биографы князя не могли скрыть, с какой предельной жестокостью было подавлено Воронцовым восстание моряков в Севастополе во время чумы 40-х годов.

Быстро повышающийся по ступеням бюрократической лестницы, Воронцов строит в Алушке дворец, имеющий целью показать России все величие царского наместника. В течение 18 лет сотни рабочих, беглых солдат, крестьян: русских и татар—трудятся над возведением стен этого апофеоза российского барства. Владелец приглашает лучших английских архитекторов и инженеров, вкладывает в постройку более 7 млн. руб. серебром— и вот среди кучки нищих татарских избушек вырастает готический английский замок со сторожевыми башнями, крепостными зубцами и террасой в мавританском стиле, со львами.

Октябрьская революция, передавшая все ценности в руки пролетариата, достойно распорядилась воронцовским дворцом: в двух параллельных корпусах здания помещаются сейчас поликлиника, ванны и санатории им. 10-летия Октябрьской революции; в парадных же комнатах дворца (15 зал) с 1921 г. открыт Музей, являющийся сейчас одним из лучших усадебных музеев нашего Союза.

Богатая культура русского дряхлеющего дворянства, становящегося частично с 60-х годов на «пруссский путь развития капитализма» (Ленин), показана в Музее на образцах живописи, скульптуры, архитектуры, мебели и утвари. Музей помогает посетителю не только увидеть ту материальную базу и классовые условия, при которых возникает все это, но и показывает, что ценного для нас эта культура может представить. Таким образом Музей выполняет задачу—«открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров» (программа ВКП(б)).

Каждый зал историко-бытовой части Музея снабжен соответствующими витринами, где в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. X. Партиздат. 1933.

помощь одиночному посетителю дается марксистско-ленинское объяснение комплекса объектов.

Верхний этаж дворца (4 зала) представляет собой исторический отдел Музея, где на общедоступных экспонатах показана царская национальная политика в Крыму, политика угнетения татарского народа и наша, ленинская политика, впервые открывающая широкие возможности для строительства культуры — национальной по форме, социалистической по содержанию. В настоящее время исторический отдел пополняется новыми экспонатами, над которыми работает научный персонал Музея и специально приглашенные художественные силы.

Ценнейшим отделом Музея является бывшая воронцовская библиотека — книжный фонд в 1800 книг и журналов XVIII и XIX вв. на западноевропейских языках. Здесь собраны классики литературы, энциклопедисты, научные и технические книги, имеющие исключительный исторический интерес.

Не менее ценно собрание гравюр и литографий (до 2 тыс. шт.), хранящихся в особой, так называемой «железной комнате» и демонстрируемых циклами в виде временных выставок.

В Музее имеется также ряд передвижных выставок: «Путь Октября», «Ленин», «Шесть условий товарища Сталина» — и витрина, посвященная работе местного спецкультурного колхоза, с портретами ударников и краткой его историей.

Массово-просветительная работа Музея складывается из следующих моментов:

1. Экскурсии по всем отделам Музея. Экскурсии проводятся организованно научным штатом Музея и экскурсоводами ОПТЭ. В среднем ежегодно по Музею проходит около 100 тыс. чел. (105 тыс. в 1932 г.), что составляет до 18 тыс. организованных групп.

2. Экскурсии по бывшему воронцовскому парку, тематически продолжающие музейные экскурсии.

3. Маршрутные экскурсии по району (Ялта, Сименз, Мисхор, Ай-Петри), знакомящие с производительными силами района и курортным строительством на Южном берегу Крыма.

4. Краеведческие лекции на следующие темы: «Историко-социологический очерк Крыма», «Октябрь и гражданская война в Крыму», «Производительные силы Крыма и перспективы развития народного хозяйства». Лекции проводятся также научными сотрудниками Музея и охватывают до 15 отдельных санаториев и домов отдыха Алупки, Сименза и Мисхора (что составляет до 4 тыс. слушателей в месяц).

5. Устройство передвижных выставок в колхозе им. 25 октября.

6. Работа в библиотеке. Последняя открыта для пользования всех желающих. Учащиеся и научные работники всех областей науки (например из соседнего дома отдыха КСУ, Гаспра) находят в библиотеке ценнейшие материалы по своему предмету.

Научно-исследовательская работа осуществляется в следующих формах:

1. Учет, охрана и исследование памятников старины и памятников революционных событий во всем районе. Следует указать, например, на тщательное обследование и регистрацию остатков укреплений на месте древней римской крепости Харакс (Ай-Тодор), проведенные силами Музея за это время и опубликованные в сборнике Алушкинского музея. Зачастую Музею приходится расширять район работы, так например в истекшем, 1933 г. директор Музея, научный работник Я. П. Бирзгал принимал активное участие в подготовительных работах по созданию на Перекопе заповедника перекопских боев; текущим летом предполагается широкая экспедиционная работа по археологическим изысканиям в районе Батилимана. этой работе, кроме научного персонала Музея, будут привлечены крымские археологи.

2. Публикация научных трудов. За последние годы Алушкинский музей выпустил 5 своих работ (о Музее, о Хараксе, о помещичьих хозяйствах и об отдельных, наиболее интересных экспонатах Музея). В настоящее время весь научный персонал (4 сотрудника, из них 1 татарин) работает над коллективной книгой об Алушке; в эту книгу войдут в виде отдельных глав очерки: географический, историко-революционный, колхозный, курортный и описание коллекций Музея. В июле этого года предполагается книгу сдать в печать.

Необходимость выпуска подобного сборника, раскрывающего основные моменты жизни Южного берега Крыма на материале наиболее типичного курортно-спецкультурного поселка, диктуется увеличивающимся спросом советских курортников на краеведческую литературу.

3. Обработка добавочной экспозиции Музея.

4. Научная каталогизация библиотеки и обработка архивных материалов.

Видное место в работе Музея должна занимать методическая подготовка кадров экскурсоводов. В летние месяцы по договору с ОПТЭ последнее представляет в распоряжение Музея до 10 экскурсоводов. Тщательная проверка и подготовка этих кадров составляет серьезнейшую задачу и ОПТЭ и Музея. Нужно сказать, что эта ответственнейшая задача до сих пор еще не выполняется так, как это необходимо: большим недостатком являются, например, полное отсутствие правильно организованной учебы для повышения квалификации этих работников и слишком короткие испытательные сроки для поступающих; не всегда проводится экзаменационная проверка, совершенно необходимая в таких случаях. Нужно на этот участок работы обратить особенно серьезное внимание, так как борьба за высокое качество экскурсионной подачи и четкость формулировок на данном этапе являются исключительно важными.

Задача Музея сейчас — всемерно способствовать правильному толкованию исторического процесса и тем самым помогать «изживанию в экономике и сознании людей пережитков капитализма».

Алушкинский историко-бытовой музей должен стать образцовым культурным центром в кузнице пролетарского здоровья.

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция „Борьбы классов“ открывает отдел консультации. Отдел ставит своей задачей путем развернутых ответов на вопросы читателей помочь им в самостоятельной проработке основных проблем истории. В связи с этим редакция просит читателей обращаться в отдел с конкретными вопросами, возникающими у них в процессе работы над исторической литературой. Ответы будут даваться на страницах журнала или по почте.

В редакцию журнала „Борьба классов“

Прошу не отказать в разъяснении следующих вопросов:

1. Можно ли считать крепостничество, которое имело место во всех странах (Англия, Германия, Франция и особенно Америка), закономерным явлением в развитии человеческого общества?

2. Можно ли считать, что крепостничество является формой общественных отношений феодализма, характерной не только для определенного периода в развитии России (с конца XVI столетия), но и для всей системы феодализма от его возникновения и до разложения; являются ли отношения личной феодальной зависимости крепостническими отношениями?

3. Можно ли считать, что крепостничество по отношению к предыдущим формациям (рабовладельчеству, родовому обществу) было прогрессивным явлением?

4. Можно ли считать, что крепостничество от начала и до конца было явлением консервативного характера, не только не способствовавшим росту производительных сил, но консервировавшим их на той стадии, на какой они были в период появления крепостных отношений?

5. Если понимать под крепостничеством только определенный этап в развитии феодализма (в России с конца XVI столетия), то можно ли считать, что этот этап был прогрессивным по отношению к «старому» феодализму? В частности прошу разъяснить:

а) Какие были взаимоотношения между княжеско-боярским хозяйством и смердом?

б) Во имя чего помещный (служилый) человек свергнул крупного боярина-вотчинника, и был ли помещик XVI столетия носителем экономического прогресса?

в) Какое влияние имели торговля и торговый капитал на развитие производительных сил в экономике феодально-крепостнической России?

Кольченко.

Ответ читателю тов. Кольченко

При изучении всякого исторического процесса надо брать в основу марксистско-ленинские положения об общественно-экономической формации.

Общественно-экономическая формация определяется способом производства, т. е. «способом добывания средств к жизни». Что же такое способ производства? Маркс во II томе «Капитала» дал следующий исчерпывающий ответ на этот вопрос: «Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения одни от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. То особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры»¹.

Таким образом способ производства, по Марксу, определяется способом соединения рабочих рук со средствами производства. На основе способа производства вырастают производственные общественные отношения, классовые отношения. Совокупность всего этого образует социально-экономическую формацию. «Каждая такая система производственных отношений,— писал Ленин,—является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму...»²

Общественные отношения таким образом вытекают из самого способа производства. Изменение способа производства ведет к изменению общественных отношений

¹ Маркс «Капитал». Т. II, стр. 10. Разрядка моя.—И. С.

² Ленин. Собр. соч. Т. I, стр. 284.

ний — значит, к изменению общественной-экономической формации.

В истории известны три антагонистических противоречивых классовых общественно-экономических формаций: рабовладельческая, феодально-крепостническая и капиталистическая.

Каждой из этих формаций свойственен свой особый способ производства, а значит, и свои особые характерные общественные отношения. Каждая из этих антагонистических формаций характеризуется основывающейся на способе и характере соединения рабочих и средств производства форме эксплуатации, т. е. на форме выкачивания прибавочного труда господствующими классами из непосредственного производителя. «Только та форма, в которой... прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя... отличает экономическую формацию общества»¹.

Способ производства и вырастающие на основе его общественные отношения, образующие феодальную общественно-экономическую формацию, отличаются от других антагонистических общественно-экономических формаций. Эта формация характеризуется Лениным следующими четырьмя основными признаками:

1. Господство натуральных отношений.
2. Наделение производителя средствами производства, главное из них — земля (прикрепление производителя к этим средствам производства).
3. Личная зависимость крестьянина от помещика (внеэкономическое принуждение).
4. Рутинность, крайне низкое состояние техники.

Основой господства в эпоху феодальной формации является владение землей.

Эти основные признаки феодальной общественно-экономической формации определяют отличие ее, например, от капитализма, характеризующегося господством товарного производства, отделением производителя от средств производства, личной свободой рабочего, экономическим принуждением, а также отличие от рабства, где средства производства, лично принадлежащие рабовладельцу, соединяются с рабом, также лично принадлежащим рабовладельцу.

Все вышеприведенные признаки характерны для всей феодальной формации, известной вариацией которой является крепостничество. Основоположники научного социализма никогда не выделяли крепостничество как отдельную общественно-экономическую формацию. Феодализм — крепостничество — это единая общественно-экономическая формация.

Под крепостничеством мы понимаем форму феодализма, характеризующуюся преобладанием отработочной ренты², причем начинающееся развитие товарно-денежных отношений усиливает феодальную эксплуатацию, создавая у феодала «ненасытную жажду прибавочного труда» (Маркс). В связи с этим крепостничество представляет наиболее тяжелую форму феодальной эксплуатации, когда феодал стремится максимально увеличить прибавочный труд за счет необходимого труда, со всеми вытекающими

отсюда юридическими и политическими последствиями (особенно жестоко личное закрепощение крестьян). Способ же производства в основе феодализма и крепостничества один и тот же. Все вышеперечисленные четыре признака характерны для всей эпохи феодализма — крепостничества — со всеми его видоизменениями.

Крепостничество развивается по преимуществу там, где феодальная страна со слабым развитием внутреннего рынка втягивается как рынок сырья в торговлю с более экономически развитыми странами. Сферой его наибольшего развития является Восточная Европа конца XV и начала XVI в. (Пруссия, Австрия, прибалтийские провинции, Польша, потом известные части России, придунайские государства). Но мы встречаем крепостничество и в Западной Европе (Англия, Франция, Западная Германия), особенно в крупных церковных вотчинах; однако, в основном, развитие Западной Европы идет по линии развития денежной ренты.

Феодализм знает различные формы зависимости: от крепостничества до «простого оброчного обязательства» (Маркс). Конечно, не всякая форма феодальной зависимости есть крепостничество. Крепостничество создает условия для развития производительных сил, организуя господское хозяйство как крупное предприятие. Но в то же время оно тормозит этот рост слабой производительностью, технической отсталостью несвободного труда. Крепостничество задерживает (но не останавливает совсем) дифференциацию в среде крестьянства и буржуазное перерождение крестьянства. Оно создает почву для частичного обезземеливания крестьянства при «освобождении». В этом его «прогрессивные» и «консервирующие» черты.

Крепостничество как частная форма феодализма не может быть противопоставлено родовому и рабовладельческому обществам как «предыдущим формациям».

В России весь период феодально-крепостнических отношений характерен тем, что три вида докапиталистической ренты выступают совместно. Ленин подчеркивал, что отработки существовали в России со времен «Русской правды». Со второй половины XVI столетия в связи с ростом торгово-денежных отношений, в связи с расширением барской запашки усилилась эксплуатация крестьянства, а вместе с усилением эксплуатации увеличились и отработки.

Отдельные марксистские историки, как например Дубровский, утверждали, что феодализм и крепостничество — различные общественно-экономические формации.

Дубровский считал, что феодализм отличался от крепостничества тем, что при феодализме крестьянин был обязан феодалу натуральным оброком (рента продуктами) и имел известную свободу передвижения. В результате развития торгового и ростовщического капитала крестьянин со второй половины XVI столетия был переведен на отработки и стал несвободным, закрепощенным. «Если преобладает рента продуктами в соответствии с тем способом производства, о котором говорилось выше, значит в данной стране преобладает феодализм; если преобладает рента отработочная, барщинная система, значит в данной стране господствует крепостничество», — писал в своей работе Дубровский.

¹ Маркс «Капитал». Т. I, стр. 188.

² Марксизм-ленинизм отличает три вида докапиталистической ренты: отработочная рента, рента продуктами (натуральные поборы) и денежная рента.

Несостоятельность этой теории и ее политическая вредность в марксистско-исторической литературе доказаны уже давно, поэтому критиковать ее здесь подробно мы не будем. Укажем лишь на то, что Дубровский в своем исследовании этого вопроса основывался не на учении Маркса—Ленина, а стоял на методологических позициях Богданова. Дубровский определял способ производства не по-марксистски, утверждая вслед за тов. Бухариным, что способ производства «определяется расстановкой людей в процессе производства», т. е. организационно-техническими отношениями, смазывая таким образом классовую суть производственных отношений, игнорируя вопрос о способе соединения рабочих рук со средствами производства. Вот в чем богдановское зерно теории Дубровского.

Процесс зарождения, развития и разложения феодализма — крепостничества — в России шел, в основном, так же как и на Западе. Однако в отличие от Западной Европы, где развитие феодализма — крепостничества — в основном прошло через три основных этапа, характеризующиеся в известной степени последовательной сменой трех форм докапиталистической ренты (продуктовой, отработочной, денежной), в России, как уже было указано выше, эти три вида ренты, в основном, выступали совместно. Маркс неоднократно подчеркивает, что возможно совместное существование всех трех форм ренты при преобладании какой-нибудь одной. Вот это-то и имело место в России. Это — с одной стороны. С другой стороны, в России развитие торгово-денежных отношений привело к консервации феодально-крепостнических отношений, ибо торговля и торговый капитал, по Марксу, могут играть двоякую роль: и разлагать натуральный способ производства и консервировать его. «В противоположность английской, — писал Маркс, — русская торговля, напротив, оставляет не затронутой экономическую основу азиатского производства»¹ и на несколько столетий консервирует феодально-крепостнические отношения.

Надо еще подчеркнуть, что попытки Дубровского доказать наличие якобы коренного отличия в положении крестьян при феодализме и при крепостничестве являются отголоском теорий буржуазных ученых о «гармонии» между барским двором и крестьянской общиной и т. п. Форма феодальной эксплуатации крестьян до их окончательного закрепощения была также чрезвычайно суровой, основанной на внеэкономическом принуждении и определяла ожесточенную классовую борьбу между крестьянами и помещиками.

Исходя из всего вышеизложенного, основываясь на марксистско-ленинском учении о феодализме, надо подходить конкретно-исторически к вопросу о том, имело ли место крепостничество в странах Западной Европы. Совершенно неправильно ваше предположение, что крепостничество имело место только в определенный период в развитии России. Крепостничество, как мы отметили выше, имело место и в Англии, и во Франции, и в Германии тоже на определенных этапах их исторического развития. Особо стоит вопрос об Америке, где не было феодализма в той форме, какую он имел

в Западной Европе и России. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал аналогичность американского рабовладения и его пережитков с феодализмом. Однако вопрос об Америке требует особого, подробного разъяснения.

Ваша постановка вопроса о том, что «крепостничество является формой общественных отношений, характерной... для всей системы феодализма от его возникновения и до разложения...», неправильна.

Что значит «крепостничество — форма общественных отношений»? Выходит, что крепостничество какая-то особая, отличная форма. Но вы видите сами, что после вышеизложенного такая формулировка неправильна. Крепостничество — это вариация (разновидность) феодализма, связанная с определенными формами ренты.

Отличие путей развития России от Западной Европы в этом отношении разъяснено выше.

Положение смерда и его отношение к боярину-крепостнику характеризуются тем, что смерд является зависимым. Смерд — это зависимый крестьянин, известный уже во времена Киевской Руси. Есть целый ряд указаний на то, что смерд нес барщину, особенно в более позднее время (XIV и XV вв.).

Вопрос «во имя чего помещный (служилый) человек свергнул крупного боярина-вотчинника» тоже поставлен неправильно. О каком свержении вы говорите? О политическом свержении дворянами бояр? История таких фактов не знает. О таком свержении, о «дворянской революции» писал Рожков, но его утверждения с точки зрения марксистско-ленинского учения о феодализме и крепостничестве не выдерживают никакой критики. Если же вы говорите о борьбе внутри господствующего класса крепостников-помещиков, между мелкопоместным дворянством и крупным боярством из-за земли и рабочих рук (крестьян), то такая борьба имела место, особенно во второй половине XVI столетия. Объясняется она усилением торгово-денежных отношений и, как мы отметили выше, расширением барской запашки. Эта борьба была использована Иваном IV (Грозным) для усиления самодержавия. Опираясь на мелкопоместное дворянство, подрывая экономическую основу крупного боярства, Грозный усиливает свое политическое могущество, отбирая земли и крепостных крестьян у бояр. Но это усиление политического могущества Грозного соответствует политическим интересам всего класса крепостников-помещиков, так как развернувшаяся борьба крестьянства как протест против крепостничества заставляет крепостников переходить к созданию такого аппарата государственной власти, при помощи которого можно было бы лучше обеспечить свое классовое господство.

По вопросу о прогрессивности и консервативности феодализма — крепостничества — необходимо отметить следующее.

Учение марксизма-ленинизма об общественно-экономической формации есть учение о классовой борьбе как закономерности исторического процесса. С этой точки зрения надо подходить и к вопросу о закономерности феодально-крепостнической формации, ее прогрессивности и консервативности, например классовая борьба между рабами и рабовладельцами в Римской империи, безусловно, развинула изнутри рабовладельческий способ производства.

¹ Маркс «Капитал». Т. III. Ч. 1-я, стр. 234.

Вот что писал по этому поводу Энгельс:

«Они (варвары.—И. С.) смогли развить и сделать господствующей уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости, в которую и в Римской империи все более и более переходило рабство,—форму, которая, как впервые отметил Фурье, дает порабощенному средству к постепенному освобождению как классу... форму, благодаря этому высокостоящую над рабством, при котором возможен лишь немедленный отпуск отдельных лиц на волю без переходного состояния... тогда как крепостные средних веков в действительности постепенно провели свое освобождение, как класса...»¹

Таким образом несомненно, что феодализм

¹ Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Стр. 186. Партиздат. 1933. Разрядка Энгельса.

по сравнению с рабским способом производства представлял прогрессивное явление.

В древней (Киевской) Руси, в IX—X вв., имелись элементы рабовладения, однако, они были задушены развивающимся феодализмом—крепостничеством. Разложение родового строя на среднерусской равнине, в основном, прямо приводит к образованию феодализма. Это явление, поскольку оно вместе с разложением родового строя ведет к усилению развития производительных сил, есть явление прогрессивное, но вместе с тем оно и консервативно, поскольку гнет крепостников-помещиков и их классовое господство, безусловно, в дальнейшем задерживают развитие тех же самых производительных сил. Именно с этой точки зрения надо подходить к пониманию закономерности, прогрессивности и реакционности феодализма—крепостничества.

Е. КОСМИНСКИЙ, И. СУХОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ

В помещаемых ниже письмах читателей имеется ряд интересных предложений, касающихся работы журнала. Некоторые из них идут по линии уже осуществленных редакцией мероприятий. Так, выпущенный редакцией № 5—6, посвящен вопросам перестройки преподавания истории в средней школе в связи с последними директивами партии и правительства. Выработана также дополнительная тематика статей по истории древней, средней, новой, по истории СССР. Некоторые статьи по этим разделам уже даны в последних номерах, начиная с № 5—6. Журнал делает упор на краткие популярные статьи с конкретно-историческим содержанием. Редакция старается уменьшать количество статей по так называемой стержневой теме номера, чтобы избежать опасности превращения отдельных номеров в тематические сборники. Наконец, редакция занялась разработкой плана «Библиотечки «Борьбы классов» в качестве серии приложений на 1935 год.

Ряд других предложений читателей редакция учтет и постарается провести в жизнь. К таковым относится предложение о помещении периодических обзоров зарубежной исторической литературы, ряд советов по улучшению оформления и некоторые другие. С отдельными предложениями редакция, однако, несогласна, в частности с предложением тов. Кагана, который стремится фактически к тому, чтобы превратить «Борьбу классов» в книгу для чтения для средней школы. Нам кажется, что тов. Каган неправильно понимает характер и задачи журнала, который является массовым журналом в том смысле, что рассчитан не на специалистов-историков, как «Историк-марксист» или «История пролетариата» и др., а на те массы, которые интересуются и занимаются историей: на преподавателей, пропагандистов, вузовцев, партийный и беспартийный актив, занимающийся самообразованием, и т. п. Статьи не только должны быть популярно изложены, но и отвечать научным требованиям. Это, однако, не значит, что мы отбрасываем воспоминания, очерки, статьи по вопросам преподавания, и т. п. Они у нас помещаться будут, но взять на себя целиком обслуживание преподавателей истории в средней школе «Борьба классов», конечно, не может. Для этой цели при НКП организован журнал «Преподавание истории в средней школе».

Стремясь к дальнейшему улучшению работы журнала редакция просит читателей активно включиться в обсуждение на страницах журнала необходимых для этого мероприятий.

В связи с решением ЦК ВКП(б) журналу нужно более четко, более резко повернуться к обслуживанию преподавания гражданской истории и преподавателя этого предмета.

Журнал ориентируется на советский и партийный актив, вузовцев, активистов комсомола, и т. п., однако для этой публики он суховат. Даже для преподавателей истории средней школы, а из них 95% не имеют специальной подготовки ни по содержанию предмета, ни по методике, журнал местами трудноват.

Журнал должен стать массовым журналом, журналом для чтения (в основном). В нем надо помещать несравненно больше воспоминаний, рассказов, фактов, давать больше конкретного, живого материала. Этот материал является очень ценным для преподавания истории.

Мной на уроках истории в педтехникуме по теме «1905 г.» была использована статья из № 2 журнала «Борьба классов» А. Емельянова

«Вооруженное восстание в Ростове на Дону в 1905 г.». Ребята с большим интересом отнеслись к этому чтению, которое им помогло в усвоении темы.

Но наряду с помещением из номера в номер подобного материала надо давать и методические разработки статьи по методике преподавания истории и т. п. и, что особенно важно для данного момента, списки художественной литературы для использования на уроках указания на литературу по вопросам перестройки преподавания истории в средней школе и т. п.

По тематическому плану журнала у меня имеются следующие замечания:

1) Я не сторонник посвящения отдельных номеров определенным стержневым темам, думаю, что от этого журнал проиграет.

2) Совершенно неудачным нужно считать выделение такой стержневой темы, намеченной в № 8, как преподавание истории в школе, вузах, и т. д. Если освещать эту тему, а это не тема,

а комплекс тем, надо это делать из номера в номер или же не освещать совсем.

3) Нужно значительно усилить печатание материала «Из истории фабрик и заводов» (из журнала «ИФЗ», из рукописей, и т. д.), выбирая оттуда лучшие отрывки.

4) Нужно обязательно включить материал по истории отдельных краев. По Горьковскому краю эта работа уже идет (в письме к Алексею Максимовичу Горькому я об этом писал еще в середине 1933 г.), причем в «новых» краях особенно оттенить угнетение и отчуждение национальностей при царизме.

5) В отделе библиографии нужно ускорить появление и значительно расширить рецензирование исторических романов А. Толстого, Арт. Веселого, Тышянова и др. и в частности таких, которые не появились полностью в печати, например: Шишко «Беспокойный век» («Молодая гвардия», 1934), и других романов, печатаемых в наших «толстых» журналах, не гнушаясь перепечаткой наиболее удачных в художественном и историческом отношении мест.

Я. КАГАН

Преподаватель педтехникума в Починках—Арзамасских, Горьковского края.

Приветствую ваше прекрасное начинание — выпуск специального № 5—6 журнала, посвященного вопросам преподавания истории в средней школе.

Хотелось бы кроме того в дальнейших номерах вашего журнала видеть возможно чаще марксистски выдержанный материал по древней и средней истории. Сейчас нам, сельским преподавателям-историкам, приходится готовиться к занятиям в рамках учебников для учащихся.

Недавно я прочитал статью проф. Бороздина «Древняя история в средней школе», где он пишет, что при прохождении курса древней истории нужно использовать переводы: «Рассказы египтянина» акад. Тураева, «Илиаду», «Одиссею», и т. д. А где все это взять, если город от нас в 150 км, в районном центре о таком материале и не слышали, тем более нет его и в школе? Вот почему систематическое освещение вопросов древней и средней истории (по новой истории все-таки кое-что можно достать) в журнале с богатым фактическим материалом и минимумом социологизма было бы крайне желательно.

Я предлагаю:

1) Включить в тематический план журнала на 1934 и 1935 гг. ряд статей в духе постановления ЦК ВКП(б) и СНК от 16 мая 1934 г. по древней и средней истории.

2) Организовать для преподавателей-историков высококвалифицированную консультацию по вопросам постановки преподавания истории в средней школе.

3) Организовать за особую плату выпуск исторической библиотечки в качестве приложения к журналу с тематикой по плану программы НКП по истории для средней школы.

4) В качестве приложений давать к журналу репродукции исторических картин.

Это было бы огромной и конкретной помощью нам, сельским преподавателям-историкам.

ПАТРИН

Директор пестеровской сельской школы села Володарского, Чебсарского района, Северного края.

План журнала «Борьба классов» на 1934 г. меня вполне удовлетворяет, но нелишне было бы, если бы в журнале давался обзор книжной продукции по истории за рубежом, хотя бы по типу ранее издававшегося журнала «Иностранная книга». Этот материал дал бы возможность нам, провинциальным педагогам, быть в курсе дела развертывания исторической науки за рубежом.

Поддерживая предложение некоторых читателей журнала «Борьба классов» о необходимости улучшения иллюстраций, думаю, что неплохо было бы время от времени давать некоторые иллюстрации (карты, картинки, плакаты, и т. д.) в виде вкладышей.

Необходимо организовать совещание читателей журнала: эти совещания детально обсудили бы план журнала, выделили бы бригаду из числа читателей журнала по проверке распространения журнала и вербовке новых читателей и подписчиков. Эти совещания совместно с местными филиалами «Общества историков-марксистов» могли бы выделить авторские бригады по разработке отдельных тем, намеченных в плане. Это оживило бы и работу замерших за последнее время филиалов «ОИМ» на местах. Недостаточно быть читателем, надо стремиться стать и активным участником журнала «Борьба классов». Такую задачу, по-моему, должны взять на себя работники исторических дисциплин наших вузов, а для этого редакции журнала «Борьба классов» надо опять же через местные филиалы «ОИМ» или соответствующие исторические кадры вузов, сообщить, какие темы, намеченные в плане журнала «Борьба классов», уже имеют авторов и какие нет. В связи с этим, безусловно, необходимо регулярно на страницах журнала «Борьба классов» давать раздел «Над чем работают наши историки».

Педагог Р. ТАГИРОВ

Казань, Телеграфный пер., д. 4, кв. 10.

ЕРЖАНИЕ

Д. БАЕВСКИЙ — Борьба большевиков против империалистической войны 1914 — 1918 гг.	1
О. ЧААДАЕВА — Большевики и армия накануне Февральской революции	11
Л. СТАЛЬ — Работа парижской секции большевиков среди французских работников в 1914—1916 гг.	17
К. ЛАНДЕР — Самарская организация большевиков в начале мировой войны	25
Н. ДОБРОТВОР — „Заря Поволжья“ (Самара, „Рабочий журнал“, 1914 г.)	28
А. ПОПОВ и Е. ШТИХ — Дальний Восток накануне империалистической войны	32

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

М. МИТЕЛЬМАН и ГЛЕБОВ — „Путиловец“ в годы империалистической войны.	38
Е. ШТОК — Рабочее движение в Германии в 1914—1918 гг.	45
Г. ВИЛЛАНД — Германский химический завод Лойна.	52

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

А. МИШУЛИИ — Античная Индия	58
В. ОРАНСКИЙ — Пунические войны	66

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В. СТОКЛИЦКАЯ-ТЕРЕШКОВИЧ — Гамбургское восстание 1483 г.	74
---	----

ИЗ ИСТОРИИ СССР

В. ЗЕЛЬЦЕР — Промышленная революция в России	80
---	----

БИБЛИОГРАФИЯ

А. АНГАРОВ — ГРЭВС. За дымовой завесой	89
Ц. ФРИДЛЯНД — Поджигатели войны	91
Ю. КРАСОВСКИЙ — В. Н. ЛАМЗДОРФ. „Дневник 1891—1892 гг.“ Под ред. и с предисл. Ротштейна	93

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

КОЦЮБИНСКИЙ — Историко-бытовой музей в Алушке	94
--	----

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Е. КОСМИНСКИЙ и И. СУХОВ — Ответ читателю Кольченко	97
--	----

Трибуна читателя

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛИН** (отв. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТКЕ**, **Т. М. ДУБЫНА**, **Л. Е. ФРУГ**, **Ф. Б. ФРУМКИНА**.

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ **Н. М. ОДИНЦОВА**

ХУДОЖНИК ЖУРНАЛА **Я. ЯНОШ**

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 4-85-62. Прием в редакции от 12 до 3 ч. дня

Главлита № В — 93892 Издательский № 943 Заказ 2589 Тираж 20450
Сдан в набор 19 VIII-34 г. Подписан к печати 16/IX-34 г. 3¼ бум. листа 153904 зн. в бум. листе

Типография газеты „Правда“, Москва, ул. Горького, 48

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1934 год

НА ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

КНИГА и пролетарская РЕВОЛЮЦИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ МАРКСИСТСКО-
ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ и БИБЛИОГРАФИИ

Выходит под редакцией А. С. Бубнова (ответ. ред.), А. Гусева (зам. ред.), Х. Кантора (зам. ответ. ред.). Члены редколлегии: И. Бурдянский, С. Динамов, В. Егоршин, М. Ольшевец (отв. секретарь), Л. Перчик, Б. Таль, Р. Эйдеман.

Борется за идеологическое качество книжно-журнальной продукции, за соответствие ее требованиям развернутого социалистического наступления и современному уровню научно-технической мысли.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» имеет следующие отделы: социально-экономический, партийно-массовый, естественных наук, техники, военный, литературно-художественный, охватывая всю основную литературу во всех отраслях знаний, выходящую во всех издательствах СССР.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» дает также статьи по общим вопросам теории и практики марксистской критики и библиографии, по вопросам культуры, философии, науки, литературно-художественной жизни и т. д.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» дает обзоры, рецензии, библиографию, хронику о работе всех издательств, книжные новинки по всем отраслям знаний.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» рассчитана на широкий партийный и советский актив: партийцев, рабочих-ударников, а также на работников библиотек и библиографических учреждений и т. п.

«КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» выходит ежемесячно объемом в 8—10 печатных листов.

Адрес редакции: Москва, ул. им. Горького, 8.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 12 мес.— 24 руб., на 6 мес.— 12 руб., на 3 мес.— 6 руб.,
на 1 мес.— 2 руб.

Цена отдельного номера 2 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на почте и письмоносцами.

